

801-15
2363

В 239
328

по отб

ПИСЬМА

СПЕРАНСКАГО

ИЗЪ СИБИРИ

КЪ ЕГО ДОЧЕРИ

ЕЛИЗАВЕТЪ МИХАЙЛОВНЪ

(ВЪ ЗАМУЖЕСТВѢ СВОЕЙ ВАГРЕЕВОЙ).

МОСКВА.

Типогр. Грачева и К., у Пречист. в., д. Шиловой.
1869.

СПЕЧАТОВАНО

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Дозволено цензурою, Москва 1868 г. Августа 10 дня.

57716-0

2007335662

1.

Тобольскъ 30 Мая 1819.

И здѣсь, любезная моя Елисавета, то же небо, тотъ же благодѣтельный свѣтъ солнечный, тѣ же люди, смѣшеніе добра и зла, тотъ же Отеческій Промыслъ объемлющій всѣ пространства, сближающій меня съ тобою во всѣхъ разстояніяхъ, укрѣпляющій и исполняющій сердце мое довѣріемъ и надеждою.

Я прибылъ сюда 24 го Мая, наканунѣ Троицына дня. Изъ Казани до Тобольска 1500 верстъ мы сдѣлали въ 8-мѣ дней, не смотря на разлитіе рѣкъ и частыя переправы. Таковы здѣшнія лошади и дороги. Безстрашная Сибирская царевна не могла бы летѣть скорѣе въ мои объятія. Въ дорогѣ мы всѣ были веселы и бодры. Время такъ намъ благопріятствовало, что отъ Пензы до Тобольска почти

ни капли дождя и грязи. Легко себя представить, какъ мы здѣсь были приняты. Восторгъ, можно сказать, былъ общій. И самые тѣ, кои страшились меня, какъ судьбы грозной, утомленные ожиданіемъ, рады были видѣть рѣшеніе.

Третьяго дня почта принесла мнѣ письмо твое отъ 9 Мая. Слѣдовательно почта сюда ходитъ въ 19-ть, а иногда даже и въ 15-ть дней. По крайней мѣрѣ чрезъ двѣ недѣли буду я знать, что моя Елисавета была здорова. Не знаю еще сколько времени я здѣсь останусь; но вѣрно не менѣе мѣсяца а потомъ уже пушусь на край обитаемаго свѣта.

Съ условіями, чтобъ не ѣздить безъ Сонюшки, чтобъ всегда быть сопровождаемой Андреемъ К. *, разрѣшается тебѣ верховая ѣзда. Я боялся двухъ вещей 1, что ты не могла имѣть порядочно выѣзженной лошади и 2, что ты всегда скачешь и рѣдко можешь видѣть вперед. Впрочемъ скажи Кюмелю, ** что онъ отвѣчаетъ мнѣ своею головою за всякой опасный шагъ, не только за всякое паденіе.

* Андреемъ Карловичемъ Амбургеромъ.

** Извѣстному берейтеру.

Дорога насъ совсѣмъ познакомила съ Жоржемъ. Онъ дѣйствительно имѣетъ прекрасную, дѣтскую душу и добрый, смѣтливый умъ: а съ симъ можно много сдѣлать и во всемъ почти успѣть. На сихъ дняхъ, разобравшись съ дѣлами, мы распорядимся въ его наукахъ и упражненіяхъ. По счастью къ сему есть подъ руками всѣ средства.

Прощай моя милая; Господь съ тобою.

Тобольскъ 7-го Іюня 1819.

Дѣла и хлопоты такъ мнѣ закружили голову, что я забылъ почтовой день и едва успѣваю сказать тебѣ, любезная моя Елисавета, что письма твои начали опять приходить ко мнѣ въ порядкѣ. Третьяго дни получилъ письмо твое отъ 15-го Мая. Поздравляю тебя на дачѣ; надѣюсь, что тусклость мыслей твоихъ освѣжится; впрочемъ тебѣ не въ первый разъ искать утѣшенія внутри себя; ты всегда его тамъ найдешь, если только поутру и ввечеру искать будешь.

Я окруженъ здѣсь хлопотами; а ты знаешь, какъ ненавижу я всякую хлопотливость. Не дѣла, но бездѣлки, чрезъ кои надобно пройти къ дѣламъ, непріятны; но я вижу берегъ; здоровье мнѣ служить и душа моя исполнена надежды.

Жоржа я одѣваю въ мундиръ и надѣюсь скоро будетъ онъ имѣть и первый офицерскій чинъ. Радость его смѣшна; но весьма чистосердечна и естественна. Его всѣ здѣсь любятъ; но не балуютъ.

Прощай моя милая; до первой почты, какъ до свиданія. Христось съ тобою.

Тобольскъ. Юня 14, 1819.

Письмо твое, любезная моя Елисавета, отъ 21-го Мая я получилъ 12-го Юня. Такъ ходитъ сюда почта и я еще въ самомъ ближнемъ отъ тебя разстояніи. Что же будетъ, когда пушусь я въ самую глубину Сибири? И тебѣ и мнѣ много надобно терпѣнія; много молитвы; много помощи свыше.

Бодрость духа и здоровье меня не оставляютъ. Окончивъ здѣсь дѣла я поспѣшу въ Иркутскъ, какъ къ цѣли моего путешествія, путешествія конечно: ибо никогда не найду я въ себѣ ни силъ, ни способовъ не только здѣсь остаться, но и представить себѣ сіе вѣроятнымъ. Милость Божія никогда меня не оставляла и здѣсь не оставитъ. Ожидаю зимы, какъ ты весны: ибо зима для меня въ Иркутскѣ будетъ послѣднею эпохою моего удаленія; съ весною я начну обратный путь. Молись только, чтобъ я былъ здоровъ; прочее все устроится въ своемъ порядкѣ.

Не слушай разказовъ о Сибирской природѣ. Сибирь есть просто Сибирь. Надобно имѣть воображеніе не пыльное, но сумазбродное, чтобъ видѣть тутъ какую-то Индію. Доселѣ по крайней мѣрѣ я ничего не видалъ ни въ природѣ величественнаго; ни въ людяхъ отличнаго. Уральскія горы сколько ни называй ихъ Рифейскими, все будутъ скучные, негазистые, единообразные, безчисленные, утомительные холмы, растянутые на пространствахъ 400 верстъ. При перевѣдѣ ихъ не встрѣтишь ни одной точки зрѣнія, гдѣ бы глазъ остановился; ни одной равнины, съ коей бы можно было вдругъ обнять какое либо значительное возвышеніе. Тутъ даже нѣтъ и красивыхъ ужасовъ. Болѣе скучно нежели опасно и даже совсѣмъ не опасно. Примѣть, что мы проѣзжали ихъ въ самое лучшее время и что глазъ мой пристрастенъ ко всякой красотѣ природѣ, ко всякому явленію изящному или величавому. О людяхъ, тоже сказать можно. Доселѣ я еще не могъ составить никакого понятія, которое представляло бы мнѣ *Сибиряка*. Тѣже пороки; тѣже глупости; тоже терпѣніе въ бѣдныхъ и своекорыстіе въ богатыхъ. Различіе

только въ томъ, что здѣсь, говоря вообще, всѣмъ жить широко, земля довольно хороша, и слѣдовательно бѣдныхъ меньше. Посмотримъ, что будетъ далѣе; а до Tobольска и въ Tobольскѣ я смѣло утверждаю, что Сибирь есть просто Сибирь, то есть: прекрасное мѣсто для ссылочныхъ, выгодное для нѣкоторыхъ частей торговли, любопытное и богатое для минералогіи; но не мѣсто для жизни и высшаго гражданскаго образованія, для устроенія собственности, твердой, основанной на хлѣбопашествѣ, фабрикахъ и внутренней торговлѣ. Впрочемъ жизнь въ самомъ Tobольскѣ весьма дешева; великое изобиліе рыбы и прекрасной; но что значить сіе мѣстное изобиліе, когда за двѣсти верстъ по недостатку и даже по невозможности сообщеній вдругъ все измѣняется и въ виду избытка можно умереть съ голоду. Южная часть губерніи вообще довольно изобильна; но одинъ градусъ къ сѣверу; одинъ шагъ съ большой дороги и ты въ пустынь, среди болотъ непроходимыхъ, гдѣ дикій Остякъ гоняется только зимою за серною или соболемъ; а лѣтомъ, то есть два мѣсяца, живетъ рыбою.

Ты подумаешь, что даю тебѣ урокъ статистики. Мое намѣреніе есть только остеречь тебя отъ моднаго нынѣ заблужденія превозносить Сибирь и находить въ ней Индію. Сіи люди въ самомъ дѣлѣ могутъ возмечтать, что они сдѣлали важное открытіе.

Мы живемъ здѣсь весьма уединенно. Общества совсѣмъ нѣтъ и я весьма радъ сему образу жизни. Тѣмъ скорѣе и лучше могу я окончить дѣла мнѣ порученныя. Жоржъ началъ свои науки то есть читаетъ и переводитъ по моему назначенію. И правомъ его и умомъ я весьма доволенъ.

Прощай моя милая; до будущей почты; Господь съ тобою.

Вели себѣ сыскать и прочитай непременно № 43 Мая мѣсяца Московскихъ Вѣдомостей. Ты увидишь тамъ мое прощанье съ Пензою. Не знаю еще моего Гомера; но онъ правдивѣе Греческаго.

Тобольскъ 20 Іюня 1819

Письмо твое, любезная моя Елисавета, отъ 29 Мая я получилъ въ свое время. По собственному опыту я знаю, какъ трудно писать въ жаркое время. И въ Тобольскѣ бывають жары; сегодня напримѣръ 26° въ тѣни. Природа вездѣ беретъ свое. Чрезъ нѣсколько дней я отсюда отправляюсь. Последующее письмо мое будетъ уже изъ Томска то есть изъ второй Сибирской губерніи. Тебѣ не худо прочесть и возобновить въ памяти географію Сибири, чтобъ лучше знать, гдѣ я буду находиться. Съ нынѣшнею почтою дѣлаю представленіе въ Сенатъ о Жоржѣ, чтобъ доставить ему первый офицерскій чинъ. Въ Сенатъ о Жоржѣ — какая странность. Аркадій Алексѣевичъ тебя увѣдомить, когда онъ будетъ произведенъ. Это не подвержено сомнѣнію. Между тѣмъ онъ въ мундирѣ *и при шляпѣ*. Мундиръ прекрасный и онъ радъ безъ памяти. Сего не довольно; онъ получаетъ даже и жалованье изъ

казны по триста рублей въ годъ. Скажи Марьѣ Карловнѣ, что онъ ведетъ себя прекрасно и начинаетъ служить на самомъ дѣлѣ. — Кто тотъ молодой человекъ, который такъ восхищенъ служить подъ моимъ начальствомъ (*а не подо мною*)? Ты забыла мнѣ сказать его имя. Рекомендація твоя конечно будетъ ему не бесполезна. Впрочемъ я такъ мало себя здѣсь прочу, что никому ничего не обѣщаю, и никого къ себѣ не зову: ибо и самъ думаю только о возвратѣ. Тѣмъ не менѣе ѣду въ Иркутскъ съ бодрымъ духомъ и слава Богу съ добрымъ запасомъ здоровья. — Осипъ Петровичъ* самъ описывалъ мнѣ вашу обѣду. Я пользуюсь его сосѣдствомъ съ вами, чтобъ доставить къ тебѣ сіе письмо. Впрочемъ буду иногда писать и чрезъ Сталыпина. Не мучь себя журналомъ; я знаю, что по образу вашей жизни это довольно трудно; пиши только ко мнѣ, какъ можно болѣе. — 90, пишется и говорится — девяносто; а *восна* пишется и произносится на добромъ русскомъ языкѣ: *осна*.

Прощай, моя милая; Христосъ съ тобою.

* Козодавлевъ.

Тобольскъ 25 Іюня 1819.

Сіе письмо, любезная моя Елисавета, будетъ послѣднее изъ Тобольска; завтра отсюда мы пускаемся во глубинѣ Сибири и вмѣсто сѣвера возвращаемся къ югу. Чрезъ два дни буду я на границѣ Россіи, въ Омскѣ въ крѣпости, раздѣляющей и оканчивающей послѣднюю черту населенія народа образованнаго съ полудикими Киргизами. Оттуда мы обратимся въ Томскъ, гдѣ пробуду я недѣли двѣ и первое письмо, которое ты послѣ сего получишь, будетъ именно изъ сей средней полосы Сибирскаго царства. По счастью время и здоровье намъ благопріятствуютъ.

Воображеніе наше ищетъ въ Сибири чего-то чуднаго, отличительнаго и ничего не находитъ. Какъ жаль, что скучная, единообразная дѣйствительность вездѣ уничтожаетъ паренія романическія. Сей плоскій физическій

міръ вообще стоитъ не въ мѣрѣ нашихъ мыслей и воображеній. Духъ человѣческій есть великанъ, коему все тѣсно. Привычка уничтожаетъ даже и призракъ разстояній. Мы теперь говоримъ о тысячѣ верстахъ, какъ о прогулкѣ. На сихъ дняхъ генераль командующій въ Омской крѣпости пріѣзжалъ ко мнѣ со всѣмъ своимъ штабомъ за 600 верстъ съ визитою: отобѣдалъ, переночевалъ, уѣхалъ.

Жерве въ послѣднемъ своемъ письмѣ прощальномъ ничего ко мнѣ не пишетъ о продажѣ Маврина; изъ чего и заключаю, что она не скоро еще совершится. Лишь бы простояла она до будущей весны; а тамъ увидимъ.

Прощай моя милая. Господь съ тобою.

26 Іюня.

Предъ самымъ отъѣздомъ почта принесла мнѣ письмо твое отъ 2-го Іюня. Повѣствованіе Магницкаго конечно интересно; но я и безъ него знаю, что дѣйствительно все идетъ какъ нельзя лучше. О поѣздкѣ твоей въ Сибирь и говорить нечего; этому не бывать, если Промыслъ не захочетъ посѣтить меня новымъ несчастіемъ.

Письмо рыцаря солнца изъ Тегерана читано въ Tobольскѣ! это весьма интересно. Сей молодой человѣкъ, кажется, видитъ вещи съ истинной ихъ точки зрѣнія. Прощай моя милая; Христосъ съ тобою.

Пиши ко мнѣ всегда въ Tobольскѣ; почтамтъ найдетъ меня всюду.

Жоржъ не пишетъ за сборами въ дорогу.

6.

Томскъ 10-го Юля 1819.

Мы оставили Tobольскъ, любезная моя Елисавета, 20-го Юня. По равнинѣ простирающейся почти на тысячу верстъ скатились мы сюда и прибыли въ Томскъ, въ средоточіе Сибири 6-го Юля. Первый пригорокъ на семь пространствъ встрѣтили мы съ радостію и восклицаніемъ: столько единообразіе сихъ степей утомительно. Здѣсь природа начинается одушевляться. Растенія дѣйствительно роскошныя. Трудно видѣть луга болѣе тучные, лучше испещренные, и еслибъ не былъ я за 4500 верстъ отъ тебя: то можно бы симъ повеселиться; но сердце мое сжато и не прежде раскроется, какъ при обратномъ отсюда путешествіи. Физическіе труды ничто въ сравненіи съ нравственными огорченіями и безпокойствами. Видъ здѣшнихъ неустройствъ и желѣзнаго управленія возмущаетъ душу.

На пути мы сдѣлали кругъ и были въ Омскѣ на границѣ Европейскаго образованія. Дикіе Киргизы придвинувшись съ своими юртами давали мнѣ праздникъ, то есть давали намъ видѣть, какъ они жрутъ почти сырыхъ барановъ и пьютъ кумысъ (кобылье молоко). Послѣ сего было ристалище. Оно состояло въ скачкѣ. Молодые люди одинъ послѣ другаго старались тутъ нагнать верхомъ скачущую дѣвицу, одну изъ лучшихъ невѣстъ; а она отбивалась отъ жениховъ плетью. Нѣтъ ничего отвратительнѣе дикой природы, если въ самомъ дѣлѣ это есть природа, а не одичавшее ея произведеніе. Мы обѣдали и ночевали въ крѣпости. Ты можешь себѣ представить, какъ Жоржъ былъ гордъ видя, что мнѣ отдавали всѣ военныя почести. Онъ выросъ на полвершка. Кстати о ростѣ, онъ дѣйствительно вздумалъ здѣсь расти; скажи Марьѣ Карловнѣ, чтобъ къ возвращенію его готовила ему весь новый гардеробъ.

Мы проживемъ здѣсь еще недѣли двѣ. Надѣюсь, что отнынѣ переписка наша будетъ непрерывна. Прощай моя милая, Господь съ тобою.

Томскъ 17-го Іюля 1819.

Письмо твое, любезная моя Елисавета, отъ 8-го Іюня, дошло ко мнѣ 14-го Іюля; какое ужасное разстояніе; а чрезъ двѣ недѣли я буду отъ тебя еще далѣе. Какъ же не желать, какъ не искать намъ вѣчности все соединяющей, когда здѣсь все раздѣлитъ насъ можетъ?

Разсужденіе твое о чувствительности прекрасно и даже весьма основательно. Упражняйся любезная, чаще въ сихъ размышленіяхъ; но упражняйся съ перомъ въ рукѣ: ибо симъ однимъ образомъ можешь ты установить и удержать полетъ твоихъ мыслей. Мысли твои такъ заманчивы, что я не могу не прибавить къ нимъ нѣсколько своихъ.

Чувствительность, въ собственномъ смыслѣ, есть способность духа чело-вѣческаго понимать и услаждаться всѣмъ, что есть изящнаго (*le beau* въ природѣ и дѣяніяхъ чело-вѣческихъ, въ физическомъ и нравственномъ мірѣ.

Низшія степени чувствительности принадлежать всѣмъ существамъ мыслящимъ; но высшія даны не многимъ. И Остякъ имѣетъ свою музыку и увеселяется корольками и стеклярусомъ; но высшія зависятъ отъ устройства органовъ, отъ усовершенія ихъ и нравственнаго образованія; а еще болѣе они зависятъ отъ обилія и полноты живущаго въ насъ духа. Въ просторѣчиіи говорятъ: онъ много имѣетъ духа; много характера. И дѣйствительно одинъ имѣетъ его отъ природы болѣе, другой менѣе.

Отсюда происходитъ та весьма важная истина, что великодушіе есть тоже что и чувствительность и что малодушный человѣкъ, хотя бы онъ плакалъ по сту разъ въ день, никогда не можетъ быть человѣкомъ чувствительнымъ. Это просто плакса съ слабыми или разстроенными нервами. — Здѣсь передаю тебя перо въ руки и разсужденіе твое есть ничто иное какъ продолженіе моей темы.

Ты старѣешь; ради Бога не допускай себя старѣть; не теряй розовыхъ твоихъ мыслей; не позволяй входу въ сердце твое пустымъ страхамъ; не всѣ-ли, не вездѣ-ли мы въ рукахъ Вышняго Промысла; не ло-

мають-ли себѣ ногъ на паркетахъ и сверхъ того прошедшее должно тебѣ ручаться за настоящее и будущее. Что бы ни говорили, а есть предчувствіе и сіе предчувствіе удостовѣряетъ меня, что судьба моя еще не исполнилась и не прежде исполнится, какъ по соединеніи съ тобою. Даже можно подивиться, какъ всѣ обстоятельства, самая погода мнѣ въ пути благоприятствуетъ. Здѣсь на примѣръ бываютъ лѣтомъ неносные жары; нынѣ время благорастворенное.

Я почти радъ, что Маврино пустѣетъ. Женское ваше общество прекрасно; но мужское ни къ чему негодится не потому, чтобъ было опасно: но потому что ничтожно.

Жоржъ продолжаетъ, какъ началъ то есть добръ, смѣтливъ, и готовъ всему учиться. Кочующая наша жизнь не позволяетъ ему заниматься науками; но въ Иркутскѣ мы расположимся покойнѣе и полезнѣе. Я надѣюсь тамъ быть около 6-го Августа. Кто бы повѣрилъ? — Прошедшаго года въ сіе время я былъ въ Пензѣ; а вы на Бриловскомъ заводѣ — а нынѣ я буду къ тебѣ писать въ сіе же время изъ Иркутска.

Прощай, моя милая, Христосъ съ тобою.

Томскъ 24-го Іюля 1819.

Нынѣшняя моя почта не такъ была счастлива, какъ предъидущая; я не получилъ твоихъ писемъ вѣроятно по какой нибудь остановкѣ въ Москвѣ, что бываетъ не рѣдко.

Томскъ и вообще Томская губернія, могла бы быть и по богатству произведеній и по климату ея весьма умеренному и въ полуденной части прекрасному, могла бы быть одною изъ лучшихъ губерній въ Россіи; но худое управленіе сдѣлало изъ нее сущій вертепъ разбойниковъ. Сіе противорѣчіе между возможностью и дѣломъ разрываетъ сердце. Надежда со временемъ согласить противорѣчіе такъ еще слаба, что не можно на нее опереться. Я полагалъ здѣсь пробыть не болѣе двухъ недѣль; но встрѣтилъ столько дѣлъ непріятныхъ, что не надѣюсь окончить ихъ и въ мѣсяцъ. Можно-ли себѣ представить, что я

тороплюсь въ Иркутскъ—между тѣмъ это сущая правда. Иркутскъ есть послѣдняя цѣль моего странствованія и сверхъ того дорога есть единственный мой отдыхъ.

Третьяго дня мы праздновали 22-е Іюля. У меня былъ большой обѣдъ, а ввечеру въ саду балъ и ужинъ. Тутъ собрано было все губернское великолѣпіе—и здѣсь танцуютъ матрадуры и котильонъ.

Ты весьма хорошо сдѣлала, что не писала ко мнѣ съ Сальватори; онъ меня по счастью и не засталъ.

Прощай моя милая, Христосъ съ тобою.

Томскъ 1-го Августа 1819.

Среди нестройныхъ криковъ страстей и жалобъ здѣсь меня окружающихъ я читалъ; любезная моя Елисавета, письмо твое и мысли о *несчастьи*, какъ музыку Гайдена. Сей отрывокъ и по слогу и по предмету еще лучше прежняго. Продолжай утѣшать меня; мнѣ нужны твои утѣшенія; но не пиши мнѣ ни о медвѣдяхъ, ни о происшествіяхъ сему подобныхъ; вдали они слишкомъ для меня страшны и сверхъ того я могу лучше о семъ слышать отъ другихъ нежели отъ тебя.

Я получилъ письмо и счетъ Марьи Карловны. Тѣмъ и другимъ совершенно доволенъ. Весьма радъ, что ты разсталась съ твоею Агаѣею. Есть предѣлы всякому терпѣнію. И впрочемъ всегда лучше летать на своихъ крыльяхъ; я думаю, что у тебя во фрейлинахъ недостатка не будетъ.

Ты читаешь Миллера, а я съ нимъ такъ, какъ и со всѣми другими книгами почти разнакомился. Совершенно нѣтъ времени. Надѣюсь увидѣться съ ними въ Иркутскѣ. Мы отправляемся туда 3-го или 5-го сего мѣсяца. Не ожидай писемъ съ будущею почтою; мы будемъ въ пути и не прежде 15-го достигнемъ своего зимняго пребыванія; за то лучше и постоянноѣ тамъ расположимся. Кочующая жизнь мнѣ крайне наскучила.

Не спрашивай меня, будешь-ли ты когда нибудь въ Сибири. Самый вопросъ, самая мысль о семъ для меня огорчительна. Частнымъ человекомъ можетъ быть я нашелъ бы и здѣсь способъ составить себѣ довольно сносный образъ бытія; но никогда начальникомъ. Слишкомъ много отвѣтственности и предъ Богомъ и предъ людьми и силы мои къ сему совершенно недостаточны. И такъ говори сколько хочешь объ отправленіи твоёмъ въ Сибирь, но говори другимъ; мнѣ же проповѣдуй, какъ мы увидимся будущею весною въ Мавринѣ.

Прощай моя милая до Иркутска, какъ будто до свиданія. Христосъ съ тобою.

10.

Нижнеудинскъ 21-го Августа 1819.

Пишу къ тебѣ, любезная моя Елисавета, изъ сего маленькаго, грязнаго городка единственно для того, чтобъ ты не подумала, что мы на пути изъ Томска въ Иркутскъ потерялись или пожраны медвѣдями и волками. Мы слава Богу все здоровы и давно уже были бы въ Иркутскѣ, если бы дѣла и горькія жалобы меня не останавливали. Здѣсь-то настоящая Сибирь и здѣсь-то наконецъ я чувствую, что Провидѣніе всегда правосудное, не безъ причины меня сюда послало. Я былъ здѣсь дѣйствительно Ему нуженъ, чтобъ уменьшить страданія, чтобъ оживить надежды почти уже исчезающія, и ободрить терпѣніе слишкомъ утомленное.

Чрезъ два или три дни мы отправляемся въ Иркутскъ. Это пятьсотъ верстъ; два дни пути по здѣшнему. Съ будущею почтою надѣюсь писать къ тебѣ оттуда. Прощай моя милая до свиданія. Христосъ съ тобою.

11.

Иркутскъ 2-го Сентября 1819.

Наконецъ мы въ Иркутскѣ, на краю свѣта, на возвратной линіи нашего странствованія, любезная моя Елисавета. Намъ суждено вступать въ большіе города на канунъ большихъ праздниковъ; сюда мы прибыли наканунѣ Александрова дня. Встрѣча была великолѣпная, хотя и старался я всемирно отклонить все пышности. По стеченію народа, по яркости освѣщенія Иркутскъ показался намъ столицею. Поутру очарованіе исчезло; остался обыкновенный губернской городъ, довольно многолюдный, торговый и опрятный. Я едва еще успѣлъ осмотрѣться и потому съ сею почтою не пишу еще ни къ кому кромѣ тебя.

Здѣсь я получилъ два письма твои отъ 9-го и 14-го Іюля почти чрезъ полтора мѣсяца. Весьма радъ, что ты видѣлась съ дядюшкой. Мнѣніе твое

о прочихъ лицахъ сего дома весьма справедливо; но по счастью намъ нѣтъ до нихъ большой нужды, и привязанности твои къ Марьѣ Карловнѣ не подлежатъ ихъ пересудамъ.

Весьма одобряю намѣреніе твое сдѣлать путешествіе къ доброму и лѣнивому Лербасу. Это старая моя привязанность; они оба люди весьма добрые. Весьма премудро устроено, что люди злые всегда почти должны быть дѣятельны и безпокойны: ибо труднѣе, несравненно заботливѣе быть злымъ, нежели добрымъ.

Поздравляю тебя въ званіи учительницы дѣтей. Весьма не худо учить и лучший способъ учиться. Ты будешь со временемъ Miss Edgeworth.

Мы расположились здѣсь, наконецъ, на зимнія, постоянныя квартиры. Кочующая наша жизнь чрезмѣрно наскучила. Жоржъ вступаетъ въ свои учебныя упражненія. И въ Петербургѣ трудно бы было ему найти столько способовъ, какъ мы здѣсь имѣемъ подъ руками. Онъ долженъ здѣсь приготовить себя къ университетскому курсу, который начнетъ, какъ скоро будетъ въ Петербургѣ. Ибо совсѣмъ нѣтъ моего намѣренія посвятить его

канцелярской службѣ. Для него я весьма честолюбивъ.

Прощай моя милая до слѣдующей почты. Христосъ съ тобою.

Не бойся; далѣе я ни шагу; зимою сдѣлаемъ только прогулку въ Кяхту, чтобъ въ пограничныхъ воротахъ поклониться китайскому Богдо-хану. — Чаю милой мамѣ непременно пришло, но зимою.

Иркутскъ 5-го Сентября 1819.

Давно-ли, любезная моя Елисавета, день твоего ангела праздновали мы въ Пензѣ? — Это кажется вчера. Между тѣмъ сколько происшествій, какая разлука, какая отдаленность! Но сила любви не знаетъ разстояній. И въ Иркутскѣ праздную сей день, счастливейшей въ моей жизни, благодареніемъ Всевышнему Отцу, который вмѣсто всѣхъ благъ жизни, даровалъ мнѣ тебя. Ангелъ хранитель невинности и чистоты душевной да будетъ съ тобою!

Вчера получилъ я письмо твое изъ Павловскаго отъ 24-го Іюля. Мѣсто сіе дѣйствительно исполнено для меня воспоминаній. Со временемъ мы сдѣлаемъ сюда *sentimental journey*. Не разрушай моихъ мечтаній; я все вѣрю, что мы нѣкогда и даже скоро будемъ вмѣстѣ и на свободѣ.

Я забылъ написать къ тебѣ, что если бы тебѣ встрѣтилась нужда въ деньгахъ прежде нежели поступить доходы съ аренды (они должны поступить къ Дазеру въ Декабрѣ сего года шесть тысячъ и въ Мартѣ столько же) ты можешь располагать доходами съ дома: наемъ платится по третямъ по $\frac{2}{3}$ р. въ треть и долженъ поступить къ А. А. Сталыпину (*) По сіе время у него должно уже быть $\frac{2}{3}$ рублей.

6-го Сентября.

Вчера у насъ былъ въ биржевой залѣ отъ купечества обѣдъ и балъ — въ Иркутскѣ балъ; но кто же танцуетъ? 24 пары ва-экоссезѣ. Такъ совершается любезное отечество наше. Признаюсь, есть чѣмъ тебѣ въ пристрастіи твоемъ похвалиться. Завою и здѣсь еженедѣльные собранія: ибо мнѣ нужны точки соединенія; нужно снять оковы прежняго суроваго, угрюмаго правительства. — Едва вѣрятъ здѣшніе обыватели, что они имѣютъ нѣкоторый степень свободы и могутъ

(*) Договоръ сдѣланъ съ Масальскимъ. Дубенскій долженъ платить съ 1-го Іюля сего года по 500 р. въ мѣсяцъ и слѣд. 1-го Ноября долженъ тебѣ заплатить $\frac{2}{3}$ р., если ты къ нему пошлешь или ссажешь А. Алексѣичу. С.

безъ спроса и дозволенія собираться, танцовать или ничего не дѣлать.

Какъ велика земля Русская! И здѣсь тѣ же люди, та же чернь, тѣ же нравы и обычаи; тѣ же почти и пороки и добродѣтели. Сіе единство почти не понятно. Во всѣхъ другихъ государствахъ несравненно есть болѣе разнообразія. Сіе происходитъ думаю, отъ того, что здѣшнее населеніе есть смѣсь или произведеніе всѣхъ странъ Россіи. Но не думай и не позволяй думать, чтобъ Сибирь населена была ссыльными и преступниками. Число ихъ какъ капля въ морѣ; ихъ почти не видно, кромѣ нѣкоторыхъ публичныхъ работъ. Невѣроятно, какъ вообще число ихъ маловажно. По самымъ достовернымъ свѣдѣніямъ они едва составляютъ до $\frac{2}{3}$ въ годъ и въ томъ числѣ никогда и десятой части нѣтъ женщинъ. Тебѣ покажется страннымъ предметъ письма сего; но надобно, чтобъ ты имѣла объ отечествѣ твоёмъ вѣрныя понятія во всѣхъ отношеніяхъ. Со временемъ я издамъ таблицы, которыя удивятъ просвѣщенную Европу. Они докажутъ, что у насъ въ 20-ти тысячахъ едва можно найти одного преступника, да и то воришка маловажного;

важныхъ же нѣтъ ни на сто тысячъ одного. Я самъ не повѣрилъ бы сему прежде и считаю это великимъ въ моральномъ мірѣ открытіемъ.

10-го Сентября.

Прощай моя любезная; Господь съ тобою.

13.

Иркутскъ 17 Сентября 1819.

Съ возвращающимся отсюда Сенатскимъ курьеромъ завтра, любезная моя Елисавета, буду я къ тебѣ писать подробнѣе; съ почтою же пишу теперь для того только, чтобъ срочное время не пропустить безъ писемъ. У насъ продолжается еще прекрасная погода и слава Богу здоровье мое ничего не потерпѣло отъ переменъ климата. На сихъ дняхъ собираюсь сдѣлать небольшое путешествіе на Байкаль; это 60 верстъ. Озеро сіе здѣсь называютъ моремъ и даже святымъ моремъ и увѣряютъ, что дерзновенный, который бы назвалъ его озеромъ, не останется безъ мести. Два уѣзда за нимъ лежащіе называются по той же логикѣ заморскими. Впрочемъ не думай, чтобъ я вздумалъ плавать; я осматрю только берега и близъ лежащія селенія.

Прощай моя милая; готовясь къ отправленію курьера я окруженъ бумагами и чуть не упустилъ почту. Христосъ съ тобою.

14.

Иркутскъ 18-го Сентября 1819.

Аркадій Алексѣевичъ вручить тебѣ, любезная моя Елисавета, письмо сіе и ящичекъ чаю въ подарокъ любезной моей Софѣ Ивановнѣ. Лѣтомъ посылать чай трудно; мнѣ частопривозили одну пыль. Зимою пришлю ей болѣе. Изъ всѣхъ здѣшнихъ товаровъ одинъ чай лучше и дешевле, нежели въ Москвѣ. Впрочемъ доброй чай надобно дѣлать съ умѣньемъ; онъ требуетъ болѣе времени и тепла, чтобъ настояться.

Двѣ недѣли, какъ я здѣсь и не могу еще обозрѣться, ни установить порядка въ моемъ времени. Дѣла чрезмѣрно запутаны; но надѣюсь, что къ новому году все существенное и грязное окончу. Останется одна окончательная, но уже болѣе умственная работа. Будущее во всѣхъ отношеніяхъ лучше настоящаго. И у меня есть свои фантазіи: могу-ли запретить ихъ тебѣ?

Меня въ самомъ дѣлѣ сдѣлали академикомъ то есть членомъ Академіи и что еще лучше Академіи наукъ, которая всегда дорожила сими дарами. Здѣсь на сихъ дняхъ получилъ я Латинскій свой дипломъ и вмѣстѣ съ симъ посылаю отвѣтную мою грамату. Въ слѣдъ за тѣмъ и Казанскій Университетъ присвоилъ меня къ себѣ. Если бы сіи люди знали, какъ мало уважаю я знаніями человѣческими: вѣрно не удостоили бы меня сей чести.

Кстати о знаніяхъ; Жоржъ продолжаетъ свои уроки съ прилежаніемъ; онъ учится Математикѣ и Латинскому языку, и надѣюсь столько здѣсь успѣть, что по возвращеніи въ Петербургъ тотчасъ вступить въ университетскій курсъ, гдѣ я самъ за нимъ смотрѣть буду.

Прощай моя милая. Господь съ тобою.

15.

Иркутскъ 23 Сентября 1819.

Письма наши, любезная моя Елисавета, суть не что другое, какъ продолжительный разговоръ между страхомъ и надеждою; по счастью слова послѣдней и внятіе и сообразіе съ нашимъ сердцемъ. Предо мною лежатъ твои письма отъ 28-го Іюля и отъ 4-го Августа. Свиданіе твое съ Жуковскимъ * есть дѣйствительно происшествіе; рѣдко встрѣчаются геніи и съ того времени, какъ встрѣтился Шиллеръ съ Гёте, нынѣ случилось это въ первый разъ. Тутъ нельзя ошибиться; если онъ Шиллеръ: то ты Гёте. Соразмѣрность почти вѣрная. — Какъ живо я чувствую всѣ неудобства его положенія, всю страдательность его жизни. Я слишкомъ близко видѣлъ сей родъ неволи, чтобъ не сострадать и что всего хуже, нѣтъ почти средства посо-

* Васильемъ Андреевичемъ.

бить ему; одна болѣзнь можетъ поправить; но и въ болѣзни не дадутъ ему ни лекаря, ни лекарства.

Что сказать тебѣ о здѣшнихъ новостяхъ? Кромѣ дѣлъ вотъ что въ двѣ недѣли сдѣлать мы здѣсь успѣли. *Во первыхъ* завели собранія, гдѣ разъ въ недѣлю по воскресеньямъ танцуютъ и кто же?—большую частію купчихи и ихъ дочери. Я напримѣръ Польской веду съ старухою одѣтою въ глазетовой юбкѣ и шушунѣ и повязанною платкомъ и тѣмъ не менѣе все идетъ чинно и весело; они съ роду такъ свободно и пріятно не жилали: ибо до меня здѣсь была настоящая Испанія. *Во вторыхъ* учредили въ пользу бѣдныхъ благотворительное общество; подписка теперь уже составляетъ до 100 рублей. Должно отдать справедливость здѣшней щедрости и богатству. *Въ третьихъ* учредили и на сихъ дняхъ открыли Ланкастерскую школу; по счастью со мною была книжка о сей методѣ и все вскипѣло. Собираемся открыть библейское общество; такимъ образомъ все въ порядкѣ и зима наша пройдетъ не безплодно.

Запрещаю тебѣ желать быть мальчикомъ. Ты рождена именно для того,

чтобъ быть моею Елисаветою и десяти мальчиковъ за сіе я не возьму. Сверхъ того это и не нужно; даже и въ томъ предположеніи, въ предположеніи для меня горестномъ и слишкомъ невѣроятномъ, чтобъ ты принуждена была посѣтить Сибирь, никакое превращеніе къ сему не нужно. Тутъ нужна только карета и 30-ть дней терпѣнія. Впрочемъ я не хочу о семъ и мыслить.

Прощай моя милая до слѣдующей почты. Христосъ съ тобою.

16.

Иркутскъ 30 Сентября 1819.

У насъ зима, любезная моя Елисавета, хоть еще не строга, но зима. Цѣлое почти лѣто пробывъ въ дорогѣ, на открытомъ воздухѣ, трудно мнѣ будетъ привыкать къ двойнымъ окошкамъ. Но къ чему наконецъ нельзя привыкнуть?—Изъ всѣхъ свойствъ это есть самое драгоценнѣйшее. Еслибъ скука и огорченія были для насъ всегда новы, нельзя бы было почти жить на свѣтѣ. Но привычка все умягчаетъ, смягчитъ, притупляетъ и дѣлаетъ сноснымъ.

Сегодня во время обыкновеннаго моего утренняго чтенія вмѣсто Греческаго моего Завѣта мнѣ вздумалось читать Евангеліе въ новомъ Русскомъ переводѣ. Какая разность, какая слабость въ сравненіи съ Славенскимъ. Можетъ быть и тутъ дѣйствуетъ привычка, но мнѣ кажется все не такъ, и не на своемъ мѣстѣ и хотя внутренно я убѣжденъ, что

это всё одно и тоже; но нѣтъ ни той силы, ни того услажденія. Вообще я никогда не смѣлъ бы одобрить сего уновленія; знаю, что оно сдѣлано съ наилучшими намѣреніями; можетъ быть для тѣхъ, кои не привыкли къ Славенскому языку, это услуга. Но для чего бы кажется не оставить ихъ привыкнуть. Это стоитъ труда. Никогда Русскій простонародный языкъ не сравнится съ Славенскимъ, ни точностию, ни выразительностію формъ, совершенно Греческихъ. И рече Богъ, да будетъ свѣтъ: и бысть свѣтъ — И сказалъ Богъ чтобъ былъ свѣтъ и былъ свѣтъ. Сравни сіи два перевода; въ одномъ есть нѣчто столь быстрое, столь точное; въ другомъ все вяло, неопредѣленно, vulgar. Въ языкахъ, кои не имѣютъ другаго діалекта, разность сія не можетъ быть чувствительна. Но у насъ и для насъ она весьма ощутительна потому: что читая одно, умъ себѣ представляетъ какъ бы могло сіе быть выражено иначе.

Читай, продолжай читать Евангеліе и весь вообще Новый Завѣтъ на Славенскомъ, а не на Русскомъ языкѣ. Въ мѣстахъ или въ словахъ затруднительныхъ тебѣ легко опредѣлить смыслъ ихъ по Англинскому.

Языкъ Славенскій въ послѣднее время много потерпѣлъ отъ того, что вздумалъ защищать его человекъ добрый, но писатель весьма посредственный. Для чего Карамзинъ, Уваровъ, Жуковскій не принялись за сіе дѣло? Для того что они молоды; для того, что имъ можетъ быть нѣкогда было симъ заниматься. Ко мнѣ пишутъ кстати о Карамзинѣ, что и грозное царство Іоанна IV уже въ печати; прочитай сіи ужасы и скажи мнѣ свои мысли.

Мы готовимся къ открытію Китайской торговли; это обыкновенно бываетъ въ зимнихъ мѣсяцахъ. Ожидай себѣ прекрасныхъ Китайскихъ шелковъ для вышиванья. О мѣхахъ и думать нельзя; здѣсь или нѣтъ ихъ, или они дороже, нежели въ Петербургѣ. Я самъ принужденъ на зиму кой-какъ передѣлать себѣ старую полуизношенную мою медвѣжью шубу. Одному Жоржу дѣлается новая шуба и съ воротникомъ бобровымъ.

Прощай моя милая; Христосъ съ тобою.

Иркутскъ 8-го Октября 1819.

Минувшая почта не принесла мнѣ твоихъ писемъ, любезная моя Елисавета; это значить что въ половинѣ Августа ты еще была у Лербаса въ деревнѣ. Такимъ образомъ лишенъ я и того утѣшенія, чтобъ знать, что шесть недѣль тому назадъ ты была здорова. Сколько же происшествій могло встрѣтиться на разстояніи сихъ шести недѣль! и нѣтъ способа ихъ сократить! Ничто по моему мнѣнію, не даетъ столько чувствовать всей грубости тѣлеснаго нашего бытія, какъ разлука. Она открываетъ, сколь сіе свинцовое бытіе не естественно, несообразно пареніямъ нашего духа. О! когда взыду и явлюся лицу Твоему, Господи; ибо тамъ только, предъ Нимъ нѣтъ ни разлукъ, ни разстояній, но души однородныя въ Немъ почивающія всегда въ Немъ соединены, всегда одна другой присущи. —

Разлуки земныя, а особливо разлуки Сибирскія приучаютъ къ смерти, даютъ чувствовать, не только понимать всю цѣну вѣчности.

Не приписывай сихъ размышлений горести или упадку духа. Есть нѣчто безконечно пріятное изъ среды мерзостей, коими здѣсь я окруженъ, возноситься къ истинамъ высшаго рода. Я думаю тутъ дѣйствуетъ сила контраста, сила худо еще опредѣленная, мало понимаемая, но сила важная и существенная.

Третьяго дня мы пили здоровье Жоржа новаго коллежскаго регистратора. Поздравь Марью Карловну и скажи, чтобъ она готовилась видѣть его со временемъ канцлеромъ.

Прощай, моя милая; Господь да будетъ съ тобою.

Иркутскъ 15-го Октября 1819.

Письмо твое, любезная моя Елисавета, отъ 28-го Августа содержитъ нѣкоторыя подробности прогулки вашей въ Нарву. Два раза проѣзжалъ я сіи мѣста и всегда желалъ побывать въ нихъ на досугѣ. Ты за меня совершила сіе путешествіе. Совершенно правда, что величественныя виды природы возвышаютъ душу и я всегда буду худаго мнѣнія о тѣхъ, надъ коими виды сіи не дѣйствуютъ. Они могутъ быть люди добрые, но никогда не будутъ способны къ высшимъ ощущеніямъ. Часто я сержусь на Сибирь именно въ семъ отношеніи. Какъ бы кажется на пространствѣ столь обширномъ не потѣшить унылаго странника. Но нѣтъ — вездѣ, исключая двухъ или трехъ мѣстъ, вездѣ скучное единообразіе.

Но отъ чего, спрашиваешь ты, въ прекрасной природѣ, нравы часто бы-

вають столь жестоки или развратны. — Отъ множества причинъ; но наипаче отъ худаго управленія. Доказательство, Греція, Италія, Гишпанія и пр. и пр.

Послѣ кратковременной зимы у насъ здѣсь появилось полное лѣто, то есть лѣто жаркое, такъ что мы ходимъ еще по сіе время во фракахъ между тѣмъ, какъ вы думаете, что мы уже давно здѣсь мерзнемъ. Правда впрочемъ, что въ Тобольскѣ и въ Томскѣ полная зима. Но Иркутскъ причисляется къ южнымъ провинціямъ; въ самомъ дѣлѣ за 60 верстъ отсюда за границую почти не бываетъ снѣгу и скотъ всю зиму бродить по полямъ.

Прощай моя милая; Христосъ съ тобою.

Изъ пѣсенокъ твоихъ Егеръ мнѣ болѣе нравится. Онъ оригинальнѣе. Ошибокъ нѣтъ; по крайней мѣрѣ я не примѣтилъ. Но письмо начинается ошибкою: *по возвращенію моему* т. е. по возвращеніи моемъ хотѣла ты сказать.

Иркутскъ 23 Октября 1819.

Смѣло говори и рассуждай, любезная моя Елисавета *о твердости*; истинная твердость въ нашемъ вѣкѣ можетъ быть болѣе принадлежить женщинамъ, нежели мужчинамъ. И съ чего мужчины взяли присвоить себѣ исключительно сіе достоинство? Можно имѣть въ самомъ высшемъ степени чувствительность и вмѣстѣ твердость; я подозреваю даже, что одно безъ другаго быть не можетъ и истинная чувствительность едва ли не родная сестрица твердости. Какъ можно на примѣръ быть твердымъ въ несчастіи безъ живаго чувства какой-либо главной идеи нами обладающей? Кто скорѣе бросится въ рѣку за утопающимъ ребенкомъ? Отецъ или мать? — Мать безъ сомнѣнія. А развѣ пренебреженіе опасностей не есть твердость? — Можетъ быть намъ можно съ вами подѣлиться; мы возьмемъ себѣ

на нашу часть твердость продолжи-
тельную, упорную; а вы внезапную,
стремительную, хотя впрочем и не
знаю, справедливъ-ли будетъ и сей
раздѣлъ. Жизнь вашего пола есть поч-
ти непрерывное терпѣніе.

Какъ бы то ни было, сочиненіе твое
о *твердости* принесло мнѣ много
утѣшенія. Мысли вообще основатель-
ны; много есть тонкихъ и счастли-
выхъ выраженій, одному женскому
перу свойственныхъ. Съ небольшими
поправками оно могло бы быть съ удо-
вольствиемъ прочитано *и не отцомъ*.
Ты спрашиваешь, неужели въ слогѣ
твоемъ нѣтъ ошибокъ? — Есть, но они
уменьшаются такъ, что и изъ Пензы
поправлять ихъ не стоило бы труда,
а изъ Иркутска!

Напрасно Lord Byron смѣется надъ
second hearing; это одно изъ самыхъ
древнихъ примѣчаній и мнѣ расска-
зывали да я и читалъ не помню гдѣ,
что на высокихъ горахъ и въ сте-
пяхъ среди уединенія точно слышатъ
нѣчто въ дали говорящее: на семъ
примѣчаніи весьма естественномъ ос-
нованы были и сказанія древнихъ о
внушеніяхъ и вдохновеніяхъ музъ.
Оссіанъ исполненъ сею мыслию. Ты

права; гордость, а еще болѣе невѣже-
ство наше въ познаніи духовнаго и
даже нервнаго нашего тѣла причи-
ною нашего невѣрія.

Кстати о *hearing*, я благодаренъ
тебѣ за лекарство моей глухоты; но
она проходить сама собою; особливо
въ дорогѣ я совсѣмъ почти ее не чув-
ствовалъ. Не оставлю однакоже ис-
пытать.

Обращаюсь еще къ твердости. Какъ
не узнать Баума въ Меналкѣ? — Какъ
не узнать себя въ его контрастѣ? Бла-
годаренъ за привѣтъ, Елисавета Ми-
хайловна; впрочемъ, знаю, что если
тутъ и обманываетъ тебя умъ; то ко-
нечно не обманываетъ сердце.

Прощай, любезнѣйшая; Христосъ
всегда и вездѣ да будетъ съ тобою.

Иркутскъ 29 Октября 1819.

Я надѣюсь, любезная моя Елисавета, что вы давно уже возвратились къ городскимъ вашимъ пенатамъ. По описанію твоему зима кажется мало предвѣщаетъ вамъ веселостей; но кто знаетъ, можетъ быть она будетъ еще веселѣе прошедшей? Впрочемъ по счастью веселости всегда въ твоихъ услугахъ; по крайней мѣрѣ скучно быть тебѣ нельзя съ твоимъ піано, съ нотами, книгою и иглою.

Жаль и мнѣ бѣднаго Фе; но и подумать нельзя помѣстить его здѣсь. И имя конторы здѣсь не извѣстно. Каждый пишетъ и дѣла свои производить самъ; прикащики — дѣти или простые мужики. Въ двухъ копѣйкахъ не повѣрятъ Нѣмцу. Если надежда можетъ его утѣшить: то онъ можетъ быть утѣшенъ тѣмъ, что въ Петербургѣ я съ удовольствіемъ займуся его положеніемъ. Въ Петербур-

гѣ — пусть же онъ желаетъ и молится, чтобъ я тамъ былъ.

Не плачь о твоей Акулинѣ. Почти вмѣстѣ съ твоимъ письмомъ, я получилъ письмо отъ генерала Княжнина, который управляетъ твоимъ Великопольемъ и который проситъ меня оставить въ казенномъ вѣдомствѣ вывѣдю (sic) и позволить ей выйти за мужъ за садовника. Сіе подало мнѣ случай предложить ему замѣнъ и если дѣло сіе прежде не было устроено, то устроится теперь: ибо Трофимъ не разстанется съ вывѣдью еще менѣе, нежели ты съ Акулиною. Впрочемъ о семъ хлопотать долженъ Г-нъ Поповъ: ибо въ реестрѣ, коего списокъ у меня остался, означена именно Акулина, а не вывѣдя.

Дѣла мои здѣсь хотя огорчительны и несносны; но идутъ съ успѣхомъ. Къ новому году надѣюсь все кончить и тогда буду считать себя свободнымъ: ибо исполнилъ все, чего отъ меня требовали и ожидали. Тогда останется мнѣ одна забота, думать о обратномъ моемъ пути. Забота пріятная и по всѣмъ человѣческимъ соображеніямъ и возможная и вѣроятная.

Прощай, моя милая, Господь съ тобою.

Иркутскъ 5-го Ноября 1819.

Мнѣ кажется, любезная Елисавета, для того и посланъ я въ Иркутскъ, чтобъ перепискою съ тобою возобновить курсъ словесности и нравственныхъ произведений. Въ такой дали всѣ оттѣнки общежитія, кои обыкновенно составляютъ предметъ писемъ, теряются и исчезаютъ. Остается разсуждать, когда невозможно чувствовать въ слухъ.

Последнее письмо твое принесло мнѣ твои мысли о любви къ отечеству. Право прекрасныя! Особливо начало почти важное и классическое. Правда, что къ концу, гдѣ дѣло идетъ о портретахъ, опять появилась дѣвушка. Не ошибаюсь-ли я? — Кажется вижу предъ собою N. N. Какая перемѣна! И онъ нынѣ въ модникахъ; и онъ разсуждаетъ о нарядахъ и женской красотѣ. Елисавета, я совѣмъ оста-

рѣлъ, когда дожилъ до сихъ превращеній. Въ наше время это былъ просто приказный служитель. — Но я возвращаюсь къ главному предмету, къ любви отечества: выраженіе твое: *уже звуки роднаго языка тебѣ были равнодушны!* — весьма справедливо. Надобно услышать сіи звуки на чужой землѣ, среди чужихъ людей, чтобъ почувствовать всю ихъ магическую силу. Впрочемъ всякая любовь есть взаимна. Можно хвалить, удивляться безъ взаимности; но любить невозможно. По крайней мѣрѣ должна быть взаимность надеждъ. Съ моей стороны я никогда не любилъ, кому не могъ я быть ни нуженъ, ни полезенъ, кто могъ быть счастливъ безъ меня. Сіе общеніе пользы и удовольствій, сей ровный, совокупный шагъ къ счастью и совершенству составляетъ самую сущность всякой любви. И такъ не вини твои характеры; они готовы любить отечество — но ихъ не любить.

О Фе я уже писалъ; я радъ бы его принять и къ себѣ; но боюсь, что все время онъ проведетъ въ однихъ перѣздахъ: ибо къ тому времени, какъ ты получишь сіе письмо, какъ онъ

можетъ сюда прїѣхать, я уже дѣйствительно буду собираться въ дорогу: ибо мнѣ надобно еще нѣсколько времени остановиться и въ Томскѣ и въ Тобольскѣ. Что же онъ будетъ дѣлать? Пусть подождетъ до весны. Весна все откроетъ.

Жоржъ учится прилежно и успѣваетъ; ведетъ себя прекрасно.

Прощай, моя милая; Господь съ тобою.

22.

Получено 15-го Дек.

Иркутскъ 12 Ноября 1819.

Какъ я радъ, любезная Елисавета, что ты имѣешь ко мнѣ просьбу и что я могу удовлетворить ее. Дарю вамъ съ Сонюшкою не по сту рублей, но по двѣсти пятидесяти, то есть цѣлые пять сотъ рублей обѣимъ. Самая справедливость требуетъ, чтобъ съ приращеніемъ моего жалованья и ваши подарки возрастали. — Я всё боюсь, чтобъ не было у тебя недостатка въ деньгахъ, хоть въ Декабрѣ должны поступить къ тебѣ и арендныя до $\frac{1}{2}$ рублей чрезъ Дазера и наемныя за домъ чрезъ Сталыпина. На сихъ дняхъ можетъ быть еще переведу что вибудъ къ тебѣ въ прибавокъ на шубу: ибо помнится у тебя ее нѣтъ и вѣроятно нѣтъ и у Сонюшки. Козьмѣ * отвѣчать нечего; онъ долженъ оставаться въ настоящемъ его положеніи до моего возвращенія: ибо отсюда устроить его нѣтъ возможности.

* Брату М. М. Сперанскаго.

Землетрясеніе. Наконецъ встрѣтилъ я нѣчто отличное въ Сибири; мнѣ давно хотѣлось чувствовать землетрясеніе и вчера ввечеру желаніе мое исполнилось. Здѣсь оно бываетъ каждую осень; но всегда слабое. Вчера въ 7-мъ часовъ я ходилъ одинъ по комнатѣ, какъ вдругъ одна стѣна деревяннаго моего дома—не бойся—не обрушилась и не упала и даже не затрещала, но зашевелилась подобно какъ бы кто повелъ по ней вдругъ метлами. Это полсекунды. Время предъ тѣмъ было перемѣнчиво, оттепель и туманъ. Сегодня день прекрасный. Климатъ здѣсь ту имѣетъ выгоду, что въ полдень именно тогда, какъ я хожу пѣшкомъ, всегда яркое солнце и такъ тепло, что съ кровли идетъ капель, какъ бы впрочемъ по утру ни былъ великъ морозъ. Мы большихъ морозовъ еще не видали.

Никакъ я не согласенъ, чтобъ ты пошла въ Анны Петровны. Это слишкомъ дорого; молись Богу, думаю, что дѣло обойдется и дешевле; я имѣю твердую и возрастающую надежду. Дѣла мои здѣсь идутъ весьма успешно и все ближе и ближе къ концу.

Прощай, моя милая, Господь съ тобою.

Иркутскъ 19-го Ноября 1819.

Письмо сіе придетъ къ тебѣ, любезная моя Елисавета, почти въ самый новый годъ. Поздравляю тебя, мой другъ, и благословляю всѣми благословеніями Небеснаго Отца. Поздравь отъ меня Софію Ивановну, Марью Карловну и Сонюшку; поздравь всѣхъ, кто тебя любитъ и меня помнитъ.

На обновку посылаю тебѣ двѣ тысячи рублей не въ счетъ твоихъ окладовъ. Сшей себѣ шубу или сдѣлай что разсудишь, подѣлясь съ Сонюшкою. Ты получишь ихъ отъ Дазера, къ которому вмѣстѣ съ симъ я перевожу черезъ Цейера сіи деньги. Во всѣхъ случаяхъ ты можешь требовать у Дазера денегъ на дѣйствительныя твои нужды. Онъ никогда тебѣ не откажетъ.

Кстати о деньгахъ; я вошелъ здѣсь въ переписку съ Англинскими миссіо-

нерами здѣсь, то есть, еще 600 верстъ далѣе Иркутска пребывающими. Одинъ изъ нихъ называется Stallybrass. Нельзя не подивиться, что люди сии рѣшились съ женами ихъ водвориться здѣсь въ такой отдаленности среди Бурятъ и Монголъ не зная ни слова не только по монгольски, но и по русски. Я принужденъ былъ къ Сталлибрасу писать по англійски. Ему случилась нужда въ деньгахъ и кто могъ ему пособить здѣсь? Кредитъ ихъ въ Петербургѣ и вѣренъ и великъ; но здѣсь и понятія о семъ не имѣютъ. Они учатся по монгольски и разумѣютъ уже довольно. И Монгольскій языкъ имѣетъ свою литературу и даже очень обширную. Въ Генварѣ надѣюсь увидѣться съ Сталлибрасомъ и узнать его мнѣніе о семъ языкѣ.

Минувшая почта не принесла мнѣ отъ тебя писемъ; вѣроятно по затрудненіямъ и остановкѣ въ Москвѣ.

Подивись: изъ Иркутска хочу тебѣ рекомендовать книгу, изъ коей переводъ или отрывки мнѣ весьма понравились. Это *Lettres à Sophie sur la physique, la chimie et l'histoire naturelle*. Paris. 1818. Читая сии письма

ты можешь быть вспомнишь наши Великопольскія упражненія и пожалѣешь, что они слишкомъ рано перервались; пожалѣешь, но не поропщешь: ибо всѣ происшествія нашей жизни нанизаны на одной нити и сію нить держитъ и ею управляетъ нашъ вѣрный—истинный—Небесный Отецъ.

Прощай моя милая; Христосъ съ тобою.

Иркутскъ 25 Ноября 1819.

Минувшая почта вмѣсто одного, принесла мнѣ два твои письма, любезная моя Елисавета. Весьма умно, другъ мой, что собираешься говорить съ дѣтьми; нельзя лучшаго общества; ты знаешь непостижимую силу сего таинства; оно точно и дѣйствительно укрѣпляетъ и душевныя и тѣлесныя силы; но не должно искать ощутить сие укрѣпленіе; оно приходитъ нечувствительно и разливается непримѣтно, какъ тонкій воздухъ на все бытіе наше.

Съ великимъ удовольствіемъ читалъ я Англинское письмо твое; оно и дѣльно и прекрасно; я увѣренъ, что tante Barbe за чаемъ прочитаетъ его всѣмъ своимъ пріятельницамъ. Въ Англіи письмо изъ Россіи есть уже вещь примѣчательная, а письмо отъ племянницы и Англинское есть предметъ самолюбія; когда же прибавить

къ сему и Пензенскій платочикъ: то изъ сего выйдетъ уже дѣйствительный праздникъ. Я представляю себѣ, какъ старый Plante * потирая сѣки будетъ искать на картѣ, гдѣ Пенза.

Что моей душѣ нужны деньги, я всегда это зналъ и никогда не только ихъ не жалѣлъ, но даже и не заботился. Но если бы моя дура лучше читала или помнила мои письма: то увидѣла бы въ нихъ, что я еще изъ Пензы распорядилъ, гдѣ братъ ей деньги и именно у Дазера, къ коему должны поступать арендные доходы, и который если бы они и не поступили, всегда имѣетъ для нее открытый кредитъ до $\frac{12}{100}$. Ей надобно только съ нимъ увидѣться, то есть захватить или зайти въ Ниренбергскую лавку. Сверхъ сего я уже къ тебѣ писалъ, что и доходъ съ дома $\frac{6}{100}$ р. въ годъ по третямъ въ твоемъ распоряженіи; для сего надобно видѣться съ Аркадіемъ Алексѣевичемъ. Сверхъ сего въ предъидущемъ письмѣ я послалъ къ Дазеру вексель на $\frac{4}{100}$ рублей отъ Сталибраса. Сіи деньги также въ твоемъ расположеніи; изъ сего ты видишь, что въ деньгахъ не можетъ быть у тебя недостатка, а

* Братъ жены Сперанскаго.

можетъ быть недостатокъ въ памяти и соображеніи. Если ты издержишь ^{12/т} рублей въ годъ: я буду себя считать въ прибыли; если издержишь и болѣе: сіе не прибавитъ ни одной у меня морщины. Сдѣлай Марья Карловнѣ такой подарокъ, какой сама ты разсудишь и скажи, что я именно тебѣ сіе поручилъ. Возьми учителя для пѣнія, если есть что нибудь значительное; но не бери Флоріо; поведение его, если бы и съ умомъ онъ не сошелъ, дѣлается страннымъ и имѣть его не прилично. Впрочемъ въ семь родѣ не должно дѣлать пустыхъ экономій; для чего бы не держаться Цейнера, взявъ къ нему и скрипку, если считаетъ онъ сіе нужнымъ. Еще одну зиму, это насъ не разоритъ. Впрочемъ не обыскивай себя въ успѣхахъ; ты ихъ не найдешь; они придутъ со временемъ. Помни мое правило о постепенномъ и непримѣтномъ созрѣваніи идей и способностей. Опытъ каждый день меня въ семь увѣряетъ. Я теперь напимѣръ припоминаю и могу читать наизусть такіе Латинскіе стихи, коихъ никогда я не училъ и кои я читалъ тому лѣтъ тридцать и никогда прежде се-

го не помнилъ. Душа наша есть неизслѣдимая бездна. Мы забываемъ, что она есть духъ; а духъ не дѣйствуетъ по законамъ времени.

Ты называешь зиму постомъ; во первыхъ это не извѣстно: ибо часто находимъ удовольствіе тамъ, гдѣ его не ищутъ; а во воторыхъ я отчасти и радъ сему посту; онъ дастъ тебѣ время еще болѣе собраться съ твоими силами. Будетъ время, любезная Елисавета, когда будешь ты желать сего поста, сей жизни посредственной и почти неизвѣстной, но исполненной занятій простыхъ, беззаботныхъ и пріятныхъ, хотя и не блистательныхъ и не громкихъ. Будешь желать, и съ удовольствіемъ воспоминать о дняхъ прошедшихъ.

Прощай моя милая, Господь съ тобою.

Г-нъ Casamajor мнѣ извѣстенъ; онъ не въ первый разъ въ Петербургѣ. Это одинъ изъ острыхъ и лучшихъ англійскихъ дипломатовъ. Онъ долго былъ въ Вѣнѣ и вѣроятно знаетъ M-me Stephens.

Не забудь мнѣ сказать что нибудь о вашей M-me Bourgondio. Тебѣ надобно непременно стараться ее слышать и брать иногда ложу.

25.

Иркутскъ 3 Декабря 1819.

Я получилъ письмо твое, любезная моя Елисавета отъ 16-го Октября, вѣроятно послѣднее изъ Мавриной. Вы конечно послѣдніе оставите дачу; тѣмъ пріятнѣе будетъ городъ то есть теплая комната и разнообразіе прогулокъ: ибо, кажется въ семъ одномъ и состоитъ для васъ различіе города и деревни. Тѣмъ лучше, мой другъ; вкусы простые суть всегда лучшіе.

Въ предъидущихъ двухъ или трехъ письмахъ мы кажется исчерпали вопросъ о деньгахъ. Надѣюсь что ты не будешь имѣть въ нихъ нужды. Мнѣ остается только побранить твою маминьку, что она присылаетъ мнѣ счета. Счета вести должно; но присылать ихъ никакой нѣтъ нужды. Мнѣ нужно только два слова: деньги вышли, или выходятъ. Мнѣ досадно, что ты могла быть симъ хоть на ми-

67

нуту озабочена; но это собственная твоя вина; впередъ лучше помни мои письма и не забывай Дазера.

Ты хочешь быть хозяйкою; эта мысль всегда меня утѣшала. Ты помнишь, что еще въ Великопольѣ мнѣ хотѣлось посвятить тебя въ сіе званіе; но мозгъ твой тогда еще недовольно высохъ; нынѣ же онъ именно достигъ своей зрѣлости. Я надѣюсь, ты будешь довольна людьми и старыми и новыми. Въ семъ родѣ я пріобрѣлъ въ Пензѣ при отъѣздѣ сущее сокровище, взялъ челоуѣка отъ Кишинскаго. Всемѣрно буду стараться его тебѣ упрочить. Никита остепеняется и подъ моимъ руководствомъ становится изряднымъ поваромъ. Онъ въ большой модѣ. Гдѣ меня зовутъ обѣдать: тамъ обыкновенно кланяются и ему, чтобъ удостоить приготовить столъ для Генераль-Губернатора; правда, что онъ и выдерживаетъ сіи почести съ достоинствомъ; одѣтъ всегда, какъ баринъ и при томъ длинная цѣпочка отъ часовъ.

О милой мамѣ мы дѣйствительно часто воспоминаемъ. Мнѣ кажется, нынѣ я люблю ее еще болѣе, хоть и всегда любилъ много. Жоржъ учится

5*

и ведетъ себя прекрасно. Переводить съ Латинскаго очень изрядно. Къ маминьгѣ твоей не пишу: ибо ты сама живая предъ нею грамота.

Прощай моя милая; Господь съ тобою.

PS. Жоржъ не пишетъ потому, говоритъ, что писать нечего.

26.

Иркутскъ 10-го Декабря 1819.

Съ послѣдними двумя почтами получилъ я мое *подражаніе**. Тургеневъ¹ ко мнѣ пишетъ, что къ тебѣ послалъ онъ экземпляръ чрезъ Аркадія Алексѣевича. — Мое намѣреніе было издать сей переводъ такъ, чтобы никто не зналъ и не подозрѣвалъ моего имени: ибо дѣла сего рода должны быть учреждаемы также, какъ подаваніе милостыни. Судьба расположила иначе и дѣло сіе стало гласнымъ. И сколько гласность сія ни противна моимъ правиламъ и предположеніямъ; но я не могъ поступить иначе. Во время гоненія между

* Переводъ Сперанскаго „О подражаніи Христу“ вышелъ въ 1819 году и имѣетъ слѣдующее заглавіе: „О подражаніи Христу, четыре книги, Ѳомы Кемпійскаго, съ присовокупленіемъ избранныхъ мѣстъ изъ другихъ его твореній.“

¹ Александръ Ивановичъ Тургеневъ принималъ участіе въ изданіи перевода Сперанскаго „О подражаніи Христу.“

прочими нелѣпостями меня подозрѣвали въ безбожіи или по крайней мѣрѣ въ деизмѣ. Въ отвѣтъ я указалъ на сей переводъ, который взятъ былъ и хранился вмѣстѣ съ моими бумагами. Онъ начатъ былъ еще въ 1805-мъ году и продолжаемъ отрывками, но почти ежедневно. — Вотъ исторія сего изданія. Книга прекрасная, а переводъ отличается тѣмъ отъ всѣхъ прочихъ переводовъ, что онъ отъменно близокъ и почти буквальный; со всѣмъ тѣмъ мнѣ жаль, что все это огласилось. Я не люблю пустаго шума; ибо по опыту знаю, что шумъ кромѣ зависти ничего не производитъ. Избранныя мѣста при концѣ приложенныя суть новость, коей нельзя найти ни на какомъ другомъ живомъ языкѣ. Они собраны были мною уже въ Перми, и сколько мнѣ извѣстно, будутъ для всѣхъ почти непонятны, хотя каждый будетъ думать, что онъ ихъ совершенно понимаетъ. Такова оптика сихъ книгъ*; таково почти и все подражаніе. Изъста читателей едва ли одинъ можетъ постигнуть простоту, глубокую простоту его. Со временемъ

* Тутъ всегда почти двѣ картины одна подъ другою. С.

я сіе тебѣ растолкую и можетъ быть научу читать сіи книги; но время еще не пришло; надѣюсь однако же и молю Бога, чтобъ оно пришло.

Съ послѣднимъ письмомъ (23 Октября) я получилъ переводъ твой о воспитаніи изъ M-me Lambert. Мысли прекрасныя и переводъ хорошъ. Но я все буду твердить, что дѣти совсѣмъ неспособны къ нравственнымъ понятіямъ. Самая любовь ихъ къ родителямъ, всѣ чувства ихъ дружбы, суть привычки и влеченія физическія; слѣдовательно все должно и ограничивать однимъ физическимъ воспитаніемъ, добрыми, но физическими привычками. Нравственное чувство у всѣхъ почти раскрывается весьма поздно; въ нашемъ полѣ ранѣе, нежели въ нашемъ. Мальчикъ въ 15-ть лѣтъ есть всегда почти болванъ; умный иногда и пріятный; но всегда почти безчувственный, хотя бы онъ сто разъ на день плакалъ отъ нѣжности: ибо это есть только дѣло нервовъ. Есть исключенія, но они рѣдки и не разрушаютъ моего правила.

Съ сею почтою (*) отправляю къ тебѣ шелки и разныя Китайскія без-

(*) Съ тяжелою, и ты получишь ящикъ недѣли чрезъ двѣ можетъ быть послѣ сего письма. С.

дѣлки. Не знаю, хорошо-ли шелки подобраны и всѣхъ-ли цвѣтовъ; я не былъ еще въ Кяхтѣ; да и тамъ нѣтъ ихъ въ продажѣ, а должно заказывать. Но непременно достану и пришлю тебѣ полную провизію шелковъ (*). Мнѣ хочется также подарить вамъ Китайскаго или лучше сказать Пекинскаго крепу на платья. Обѣщали купцы выписать. Вобрази себѣ, что изъ Пекина здѣсь чрезъ мѣсяцъ все почти выписать можно, а въ Петербургъ письмо идетъ въ одинъ конецъ 40 дней. По сему счету мнѣ сходитъ переписываться съ Богдо-ханомъ, не жели съ тобою.

Прощай моя милая, Господь съ тобою.

Когда увидишь Петра Петровича Попова, скажи ему, чтобъ онъ какъ нибудъ потерпѣлъ до моего возвращенія. Аркадій Алексѣичъ выдалъ ему въ награду отъ меня $\frac{3}{4}$ рублей. Я непременно постараюсь устроить судьбу его; переводить же его въ Сибирь не вижу для него пользы. Мы можемъ встрѣтиться съ нимъ на дорогѣ и слѣдовательно одни издержки и для меня, и для него. Прочитай ему сіе.

(*) Теперь же посылаю только образчикъ С.

Иркутскъ 17-го Декабря 1819.

Ты права, любезная моя Елисавета: любовь ко всему изящному возрастаетъ по мѣрѣ жертвъ, кои ей приносятся. Любовь къ отечеству точно въ семъ же положеніи.

Нельзя любить, кому мы совсѣмъ не нужны, кому ничѣмъ угодить не можемъ. Потому-то въ самыхъ высшихъ степеняхъ любви, въ религіи, требуются жертвы. Жертвою вливается часть бытія моего въ бытіе другое; мы составляемъ нѣчто единое: ибо въ немъ есть мое. Даже по расчету должно требовать и должно дѣлать друзьямъ жертвы; сіе служить залогомъ ихъ единства. Даже въ физическомъ мірѣ тотъ же законъ дѣйствуетъ. Два существа ничего одно другому не сообщающія не только не имѣютъ взаимнаго влеченія, но часто другъ друга отражаютъ. Какое положеніе двухъ существъ моральныхъ,

изъ коихъ каждое было бы совершенно довольно самимъ собою и не требовало бы ничего отъ другаго? Они были бы непримиримые враги. Если мысли сіи справедливы: то ты имѣешь полное право любить отечество. Много говорятъ о благодарности; но я не знаю сильнѣе-ли сіе чувство нежель чувство жертвы. Можетъ быть должно раздѣлить; въ однихъ благодарность; въ другихъ жертва; нельзя однако же не признать, что послѣднее благороднѣе перваго.

Ты винишься въ употребленіи 500 р. взятыхъ у Сталыпина. Я увѣренъ, что они издержаны не на ленты; а если бы и на ленты: то бѣда не большая. Мнѣ одно только огорчительно, что ты могла быть въ нуждѣ; могла имѣть тѣнь недостатка. Тутъ оскорбляется не только мое чувство, но и мое самолюбіе, что не умѣлъ я лучше распорядиться: ибо впрочемъ все сіе могло произойти только отъ нераспорядка. Сталыпинъ ко мнѣ пишетъ, что деньги за домъ (*) получилъ Масальскій и по обычаю своему издержалъ общааясь также по обычаю, каждый день возвратить. Онъ запре-

(*) 2000 р. С.

тилъ Дубенскому имѣть съ нимъ дѣло и слѣдовательно остальные четыре тысячи ты будешь получать по третямъ отъ Сталыпина.

На сихъ дняхъ и именно чрезъ три дня отправляется отсюда въ Петербургъ купецъ Трапезниковъ; съ нимъ посылаю тебѣ нѣсколько чаю, крепу, и шелковъ. Съ нимъ же и писать буду.

Прощай моя милая; Христосъ съ тобою.

28.

Иркутскъ 18-го Декабря 1819.

Симъ представляю тебѣ, любезная моя Елисавета существо съ другаго свѣта, Иркутскаго купца Трапезникова. Съ нимъ посылаю тебѣ три ящика чаю и нѣсколько кусковъ крепу (*). Одинъ изъ нихъ приносить въ даръ Марьѣ Карловнѣ Г-нѣ Вильде. И это лучший то есть красный. Бѣлый и кирпичный также и шелкиотъ меня; это все что здѣсь мы могли найти лучшаго. Не дѣли чрезъ три мы будемъ въ Кяхтѣ и тамъ найдемъ что нибудь лучше. Скажи носятъ-ли у васъ сіи вѣтошки и годятся-ли они къ чему нибудь. Жоржъ также хотѣлъ послать матери подарокъ; но ничего не могли здѣсь найти. Положили послать изъ Кяхты.

Я пишу вмѣстѣ съ симъ къ графу Кочубею и къ Сталыпину. Подтверди Трапезникову, чтобъ онъ непремѣн-

(*) Въ двухъ ящикахъ № 1 и № 2. С.

77

но къ нимъ зашелъ при отъѣздѣ. И сама съ нимъ пиши; это добрый и весьма дѣльный малый.

У меня есть готовыя мысли на переводъ твой и особливо на примѣчанія твои къ письму Г-жи де Ламбертъ. Они стоятъ того чтобъ я особенно побесѣдовалъ. Мысли твои весьма справедливы и выраженіе ихъ вѣрно. Но я не имѣю теперь ни минуты времени.

Прощай моя милая; Господь съ тобою.

Иркутскъ 23 Декабря 1819.

Поздравляю тебя, любезная моя Елисавета, со днемъ Рождества Христова. Желая и молю, чтобъ родясь въ духѣ, Онъ всегда пребывалъ въ душѣ твоей и Онъ будетъ въ ней пребывать, если найдетъ въ ней Себѣ мѣсто, если ты ежедневно и даже нѣсколько разъ во дни будешь призывать Его къ себѣ молитвою. Никогда другъ не отзывается столь вѣрно на голосъ друга, какъ Онъ отзывается на нашу молитву.

Я долженъ тебѣ отвѣтомъ на примѣчанія твои къ письму о воспитаніи. Весьма справедливо, что душа безъ чувствительности не способна къ образованію. Подъ именемъ чувствительности Г-жа Ламбертъ вѣроятно разумѣла сію плаксивую чувствительность, которая нѣкогда была въ модѣ, и которая конечно можетъ *сдѣлать несчастія вѣчными*: ибо она любитъ

ихъ питать и одно къ другому нализывать; но это есть чувствительность de ma tante Augore; чувствительность монастырокъ, кои не видя свѣта и не живя жизнію практическою, пустоту души своей наполняютъ разными призраками. Ихъ душа изнѣживается именно отъ недостатка впечатлѣній подобно какъ тѣло безъ труда и безъ воздуха. Но истинная чувствительность есть способность не только принимать, но и выдерживать впечатлѣнія, бороться съ ними и побѣждать ихъ внутреннею силою. Разсужденіе твое о славѣ женщинъ также весьма справедливо. Нѣсколько примѣровъ женщинъ, кои сами искали и достигли славы ничего не доказываетъ: *ce sont des aberrations de la nature*. — Приучать дѣтей къ дружбѣ корыстолюбивой также вредно. Подаркомъ, ласковымъ словомъ можно иногда подкупить легкую благосклонность. Дружба производитъ подарки; но подарки никогда не производятъ дружбы. Вообще любовь предполагаетъ взаимность и я никогда не повѣрю, что бы ни говорили всѣ старые романы, чтобъ можно было долго любить жестокихъ красавицъ: тотъ кто ихъ любитъ, надѣется; а надежда есть уже взаимность.

Удивляюсь, какъ вы могли столь долго пребыть въ Мавринѣ; послѣднее письмо твое было отъ 7-го Ноября. У насъ морозы стоятъ жестокіе; каждый день 30° и 36° . Но вчера былъ первый день, что я не могъ ходить пѣшкомъ. Въ полдень на солнцѣ довольно сносно. Впрочемъ хотя бы было и не сносно, но я безъ воздуха, какъ рыба безъ воды. За то, никогда здѣсь не бывалъ не только боленъ, но и нездоровъ. Правда, что здѣсь я наблюдаю болѣе во всемъ осторожности; хожу по ниточкѣ и еслибы сей образъ жизни продолжился, я наконецъ сдѣлался бы старикомъ малодушнымъ. Но всему есть конецъ и по счастью конецъ моего пребыванія здѣсь каждый день ко мнѣ становится ближе.

Трудное время почти все уже миновало. Генварь есть уже для меня весенній мѣсяцъ, предвѣстникъ ясныхъ дней и скорого возврата. Кстати о морозахъ. Среди всей ихъ жестокости, нѣсколько уже недѣль продолжающейся, ужасная наша Ангара вчера только стала; рѣка дѣйствительно ужасная своею глубиною и быстротою. Въ Мартѣ она уже открывается и слѣдовательно стоитъ не съ боль-

шимъ два мѣсяца, и это на днѣ Сибири. Другая странность. Здѣсь снѣговъ столь мало, что на нѣкоторыхъ станціяхъ къ Иркутску и теперь еще съ трудомъ на саняхъ ѣздить. Въ самомъ Иркутскѣ едва на четверть аршина есть снѣгу, а горы чуть покрыты. И сіе есть явленіе здѣсь обыкновенное. Въ 60-ти верстахъ отсюда скотъ всю зиму на поляхъ бродить. Тутъ живутъ Монголы, древніе наши обладатели съ безчисленными ихъ стадами. Одинъ изъ ихъ князцовъ, кои называются у нихъ Тайшами, подарилъ въ пользу водворяемыхъ здѣсь поселенцовъ тысячу лошадей, какъ дарятъ бездѣлку. Жаль что ты не видала сихъ родоначальниковъ степной восточной Азіи. Вообрази себѣ дьякона въ парчевомъ стихарѣ подпоясаннаго золотымъ поясомъ съ саблею; прибавь только бобровую къ стихарю опушку, длинные волосы заплетенные назадъ въ косу; и Тайша будетъ предъ тобою. Сколько я расскажу тебѣ сихъ диковинокъ, о ихъ языкѣ, о ихъ религіи и проч. Готовься къ моимъ повѣствованіямъ. Послѣ завтра открываю здѣсь Библейское Общество и Тайши Монгольскіе и Бурятскіе будутъ его членами.

Прощай моя милая; Христосъ съ тобою.

PS. Вотъ подарокъ одной изъ здѣшнихъ дамъ (ибо гдѣ нѣтъ дамъ) и собственной ея работы. Замѣть корзинку и собачку и признайся, что это довольно тонко для Иркутска.

Иркутскъ. Генваря 1-го 1820.

Начинаю новый мой годъ, любезная моя Елисавета, бесѣдою съ тобою. Да благоволить тебя Господь въ теченіи сего года также, какъ хранилъ и благословлялъ въ теченіи минувшихъ лѣтъ. Благословеніе Его состоитъ въ силѣ души, въ крѣпости, въ терпѣннѣи, кротости и веселіи духа. Всѣ сіи дары ты имѣла и имѣть будешь; слѣдовательно и не можешь сомнѣваться въ благословеніи Небеснаго Отца: ибо все сіе отъ Него происходитъ.

Друзей нашихъ перемѣнить намъ нельзя. Надобно любить ихъ каковы они есть. Помощи большой ожидать тебѣ отъ нихъ нельзя, особливо теперь, когда они заняты своими дѣлами. Впрочемъ должно оставить Арк. Алексѣевичу мыслить и говорить какъ онъ понимаетъ. Онъ судить о моемъ здѣсь положеніи по дѣламъ и судить спра-

ведливо; они несносны. — Ты судишь по состоянію моего духа и судишь также справедливо: ибо терпѣніе мое не истощилось и надежда, что сіе скоро кончится и что подвигъ сей можетъ быть есть послѣдній, сія надежда даетъ мнѣ нужную силу и крѣпость. Впрочемъ ни твои слова, ни его увѣренія положенія моего перемѣнить не могутъ. Если бы я каждый день здѣсь плакалъ и каждую почту писалъ слезами, а не чернилами, меня бы не послушали; я знаю людей. Если бы напротивъ и въ самомъ дѣлѣ находилъ я себя здѣсь весьма счастливымъ: то ни завидовать ни подозрѣвать они не перестали бы. Тутъ другой расчетъ и все зависитъ отъ партіи преобладающей и мнѣніемъ управляющей. Но что это за существо — мнѣніе? Я открою тебѣ великую истину. Въ моемъ положеніи и въ моихъ понятіяхъ мнѣніе есть почти физическая сила, дѣйствующая на меня единственно чрезъ тебя, единственно потому, что она можетъ разлучить или соединить меня съ тобою. Не ищи болѣе ничего; въ семъ состоитъ для меня вся сущность, вся гигантская сила мнѣнія, сгибающая, покоряющая, обладающая мною подобно

какъ Индѣецъ обладаетъ слономъ. Но и сія сила минется: ибо Богъ милосердъ; а Государь правосуденъ.

Прощай моя милая. Христосъ съ тобою.

Иркутскъ 7-го Января 1820.

Предъидущее письмо мое было уже написано и запечатано, какъ Жоржъ принесъ мнѣ вашъ подарокъ. Весьма благодаренъ, любезная моя Елисавета; портреты всѣ сходны; но лица всѣ, исключая твоего сердиты, особливо лицо Марьи Карловны. Сходства вообще много; а шаль и отдѣлана прекрасно. Я весьма благодаренъ Вильгельму, домашнему вашему живописцу; всѣхъ сходиѣ Алекъ. Лицо Марьи Карловны также очень сходно исключая, что вмѣсто печали, она гнѣвается и кажется хочетъ кому-то сказать: ты дуракъ. Предо мною на столѣ всегда стоятъ двѣ твои Пензенскія миниатюры; къ сожалѣнію одна изъ нихъ въ сарафанѣ наиболѣе сходная линяетъ. Теперь будетъ чѣмъ замѣнить. Вильгельму я пришлю прекрасной туши изъ Кяхты.

Я самъ смѣялся вспоминая, что въ предъидущемъ письмѣ сравнилъ себя

съ слономъ, а мнѣніе съ Индѣйцемъ, тебя же поставилъ началомъ и причиною моей покорности. Это все равно, какъ бы я жаловался на свой собственный умъ, на свое сердце. И въ самомъ дѣлѣ мы часто жалуемся на то и на другое, какъ будто лучше быть безъ ума и безъ сердца и какъ будто можно отдѣлить ихъ отъ себя и однако же мыслить и чувствовать. Большая часть нашихъ жалобъ столько же справедливы. Мы желали бы міръ и свои въ немъ дѣла устроить по своему; а этотъ міръ былъ бы безъ сомнѣнія и весьма глупъ, и для насъ самихъ вреденъ. Впрочемъ желанія и мелкія наши покушенія открываютъ намъ причину первобытнаго нашего паденія. Хотѣли перестроить міръ; думали сдѣлать лучше; вышли изъ покорности и тѣмъ себя и міръ погубили. Разсмотри движенія собственной воли и ты увидишь, что мы и нынѣ въ маломъ видѣ, въ мелкихъ нашихъ страхахъ, надеждахъ и желаніяхъ продолжаемъ и повторяемъ ту же древнюю большую исторію. По счастью бывъ лишены прежнихъ силъ, мы много испортить нынѣ не можемъ. Провидѣніе насъ водить, какъ дѣтей

на лентѣ и только для опыта дозволяется иногда намъ обжечься или уколѣться.

А когда дѣти упрямы и порвутъ ленту: тѣмъ для нихъ хуже; тутъ ожидается ихъ лоза; но и тутъ еще рука ихъ наказующая, все есть дрожащая рука матери.

Прощай моя милая; Господь съ тобою.

Братъ пишетъ ко мнѣ изъ Георгіевска, что онъ Андрею Карловичу Амбургеру на обратный путь далъ 500 р. Я его за сіе похвалилъ.

Иркутскъ 13-го Января 1820.

Съ восхищеніемъ читалъ я, любезная Елисавета, твои мысли на слова: *придите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи и Азъ упокою вы.* Предчувствіе Николаши весьма справедливо; большіе черные его глаза наполняются нѣкогда горестію и слезами и онъ весьма будетъ счастливъ, если сердце его будетъ чувствовать силу сихъ словъ, если ангель-хранитель наставитъ его, гдѣ искать успокоенія. — Вѣришь-ли ты бытію ангела-хранителя? — Многіе и христіане сему не вѣрятъ; церковь наша принимаетъ ихъ бытіе при каждомъ человѣкѣ; они знаютъ и радуются всѣмъ добрымъ нашимъ помышленіямъ, напротивъ скорбятъ и печалются о нашихъ заблужденіяхъ. Есть нѣчто столь идеальное, столь привлекательное въ сей мысли имѣть всегда съ собою домашняго друга — что если бы она и не была справедли-

ва: то для утѣшенія принять ея должно. Она же и справедлива. Сей другъ не можетъ ни воспретить зла, ни понудить насъ къ добру; онъ можетъ только жалѣть о насъ или утѣшаться нами и тѣмъ положеніе его при насъ, мнѣ кажется, интереснѣе. Это страданіе безкорыстное; это привязанность болѣе страдающая, нежели дѣйствующая. Это другъ всегда вѣрный и въ молчаніи переносящій всѣ наши оскорбленія. Въ молитвахъ нашихъ часто повторяется: *опечалихъ ангела-хранителя моего*. Въ самомъ дѣлѣ печалить существо столь намъ преданное, столь невинное есть родъ жестокости непростительной. Кстати о сихъ идеяхъ; какъ груба, какъ мертва религія безъ нихъ. Посуди изъ сего, какъ жалки Лютеране и все то что называютъ реформою; религія душъ холодныхъ, чувствъ матеріальныхъ, между тѣмъ какъ они хвалятся чистотою. Изрядная чистота! Еще бы лучше было все привести въ математическія исчисленія и линіи.

Никакъ не удивляюсь, что начало твоего письма не сходно съ продолженіемъ и что вышедъ изъ спектакля ты вспомнила текстъ Евангельскій.

Это входитъ въ мою систему о контрастахъ или возбужденіи идей противоположностями.

У васъ спектакли; а у насъ маскарады и прекрасные; это сушая исторія всѣхъ нашихъ дикихъ костюмовъ. Тутъ Китайцы, Японцы, Алеуты, шаманы и Богъ знаетъ чего тутъ нѣтъ и все одѣто съ большою точностію и все весьма благопристойно. Число людей было не менѣе 500. Это было въ новый годъ и на другой день Рождества. Я не веселился: ибо здѣсь безъ тебя ничто веселить меня не можетъ; но любовался съ полчаса сему зрѣлищу.

Если Пензенской обозъ еще не пришелъ: то напиши къ тетускѣ; она не столь разсѣяна — дядюшка же въ Пензѣ. Ты знаешь что обозъ сей сданъ имъ на руки въ Пензѣ и вмѣстѣ съ ихъ обозомъ долженъ быть въ Москвѣ. Мнѣ помнится, къ тебѣ доставилъ я изъ Пензы и реестръ; тутъ книги, столовое бѣлье, часть столоваго серебра и проч.

Изъ письма А. А. Жерве съ удовольствіемъ вижу, что здоровье его поправляется. Я считаю почти излишнимъ къ нему писать. Какая даль!

На сихъ дняхъ пришлю вамъ прекраснаго крепу и шелковъ; ожидаю только случая къ отправленію. Жоржъ посылаетъ съ тѣмъ же случаемъ бабушкѣ чаю; это первый подарокъ ей отъ внучка.

Прощай моя милая; Христось съ тобою.

Иркутскъ 20-го Генв. 1820.

Съ симъ нарочнымъ, любезная моя Елисавета ты ничего болѣе не получишь, какъ росписку въ моемъ здоровьѣ и извѣстіе, что въ слѣдъ за симъ съ возвращающимся фельдгегеремъ, съ коимъ получилъ я и письма твои и посылки, буду писать къ тебѣ подробно, пришлю и денегъ и крепу и шелковъ. Онъ отправляется отсюда дня черезъ три и можетъ быть прійдетъ въ Петербургъ прежде сего. Жоржъ пишетъ сегодня же къ своей маминкѣ и посылаетъ чаю бабушкѣ, первый плодъ гражданской его службы. Это еще не взятка; а просто подарокъ. Онъ ведетъ себя, какъ нельзя лучше.

Какъ огорчила меня исторія твоихъ денегъ. Мнѣ казалось я такъ хорошо все распорядилъ и вышло, что люди помнить только свои дѣла, а нечужія, а

чужимъ считаютъ все, что прямо и лично къ нимъ не принадлежитъ. Впрочемъ это урокъ изъ всеобщей исторіи. Но счастью все можно поправить и по крайней мѣрѣ впередъ ты не будешь имѣть нужды. Всѣ дѣла денежные я тебѣ поручаю и пришлю въ слѣдъ за симъ всѣ нужныя бумаги и полномочія. Раскаиваюсь, что прежде сего не сдѣлалъ. Отъѣздъ Жерве все разстроилъ; онъ, какъ видно, при отъѣздѣ не сдѣлалъ съ Дазеромъ никакого положенія.

Прощай моя милая. Господь съ тобою.

Иркутскъ 21-го Января 1820.

Конечно, любезная моя Елисавета, нашъ подагрикъ не ловко сдѣлалъ, что сообщилъ письмо мое NN; но большой бѣды въ томъ нѣтъ. Оба они ничего не могутъ сдѣлать въ мою пользу; а повредить мнѣ не пожелаютъ. И впрочемъ къ тебѣ одной, моему *единственному* другу, пишу я съ полною откровенностію и довѣріемъ. Какое безмѣрное разстояніе между тобою и всѣми другими друзьями; всѣми не исключая никого, ни женщинъ, ни мужчинъ. — Къ подагрику я просто писалъ что дѣла мои здѣсь, по роду своему, для меня огорчительны, несносны: ибо я долженъ преслѣдовать и разыскивать виновныхъ; а это совсѣмъ не мое дѣло; что впрочемъ я надѣюсь къ новому году или къ Марту мѣсяцу ихъ кончить и что тогда мнѣ дѣлать здѣсь будетъ нечего: ибо управлять сими губерніями я

никакъ не могу. Съ чего сіи политики взяли вывести изъ сего скорое свиданіе? Я и самъ надѣюсь; но въ Ноябрь, когда письмо сіе было писано, я не могъ надѣяться ничего скорого. Нынѣ это скорѣе, ибо мы ближе къ Маю; но все еще какое разстояніе! Впрочемъ оставь ихъ гадать и утверждать, что они хотятъ. Никто изъ нихъ прежде тебя ничего не узнастъ вѣрнаго о моемъ возвращеніи.

Я писалъ къ тебѣ третьяго дня съ курьеромъ и въ теченій сей недѣли еще надѣюсь писать болѣе и по-подробнѣе.

Прощай моя милая, Господь съ тобою.

Иркутскъ 23 Генв. 1820.

Нечаянный случай представляетъ мнѣ возможность писать къ тебѣ, любимая моя Елисавета, и послать ящикъ обыкновеннаго здѣшняго подарка, чаю. Шелки и крепы пойдутъ на сихъ же дняхъ съ курьеромъ. Человѣкъ имѣющій тебѣ представить письмо сіе есть нашъ Енисейскій купецъ Перфильевъ. Съ нимъ ты можешь писать, что угодно. Прикажи только ему за день до отъѣзда у тебя побывать. Онъ возвратится сюда послѣднею зимнею дорогою. Письмо сіе, какъ и одно изъ твоихъ походить на билетъ. Онъ встрѣтилъ меня почти на лѣстницѣ.

Прощай, моя милая, Господь съ тобою.

Иркутскъ 28-го Генв. 1820.

Я имѣю удовольствіе, любезная моя Елисавета, писать къ тебѣ почти каждый день. Не знаю, какъ будутъ доходить къ тебѣ сіи письма; вѣрно совсѣмъ въ другомъ порядкѣ, нежели какъ были они писаны. Здѣсь отвѣчаю тебѣ на письмо писанное на другой день вашего маскарада у Конради. Какая старина! Я думаю, ты чуть уже помнишь.

Эдипъ Озерова точно таковъ, какъ ты его понимаешь. Слабое, натянутое подражаніе, сборъ разныхъ мѣстъ изъ французскихъ трагедій. Озеровъ никогда и ни въ чемъ не имѣлъ истиннаго таланта. Это трудолюбивая посредственность. Я зналъ его коротко. Онъ лучше писалъ по-французски и весьма поздно принялся за русскій. Но еслибъ онъ и ранѣе началъ: то не болѣе бы сдѣлалъ. Меня раздражаетъ не то, что онъ могъ ошибиться въ своемъ родѣ; но то, что вкусъ на-

шей публики такъ еще мало образованъ, въ такомъ ребячествѣ, что всякая мишура его веселитъ и восхищаетъ. Впрочемъ мы поздно пришли, чтобъ желать или надѣяться имѣть у себя драматическихъ стихотворцевъ; родъ сей вообще проходитъ или уже и прошелъ во всей Европѣ. Поэзія, языкъ боговъ, перелилась нынѣ вся въ политику. Нынѣ не стихи строить воображеніемъ; но государства. Правда, что одно другаго невиннѣе; но что же дѣлать? Поэзія точно приняла или скоро приметъ совсѣмъ другой путь. Платонъ былъ большой стихотворецъ; но въ его вѣкѣ, да и въ нашемъ еще, считаютъ его философомъ и политикомъ.

Зима наша почти кончилась; бываютъ утренники; но дни уже теплые. Не болѣе 8° или 10°. Никогда можетъ быть возвращеніе весны не было для меня столь пріятно; это возвращеніе къ тебѣ, къ свободѣ. Съ первымъ весеннимъ путемъ я непременно отсюда отправляюсь — разумѣется — сперва въ Томскъ, потомъ въ Тобольскъ; но все уже къ тебѣ ближе и все уже возвращаюсь.

Прощай моя милая. Господь съ тобою.

Иркутскъ 1-го Февраля 1820.

Письмо твое любезная Елисавета, на четырехъ языкахъ съ фельдъегеремъ посланное я получилъ и по сіе время оно есть самое позднее то есть отъ 24-го Декабря. Сей курьеръ былъ въ дорогѣ только 25 дней, а могъ бы поспѣть сюда и въ 20 дней, если бы Петербургская дорога его не задержала.

Начну съ денежныхъ дѣлъ. Какъ прискорбно мнѣ, что положась на чужія распоряженія нанесъ тебѣ столько безпокойства. Я утѣшался мыслию, что къ огорченіямъ существеннымъ не прибавится по крайней мѣрѣ сей родъ печальной заботы. Мнѣ казалось я такъ все распорядилъ изъ Пензы, что не можетъ быть ни затрудненія, ни остановки. Но чтобъ не теряться въ пустыхъ сожалѣніяхъ посылаю тебѣ 1, тысячу рублей наличныхъ на всякій случай, 2, вѣрю-

щее письмо на отдачу дома въ наймы. Цѣну и условія отдаю на твою волю. Если Дубенскій не согласится дать прежней платы $\frac{1}{2}$ р. то можно и уступить по усмотрѣнію тѣмъ болѣе, что вѣроятно трудно будетъ найти другаго. По крайней мѣрѣ домъ содержится въ порядкѣ и приносить доходъ. Перестройку каминовъ и другихъ бездѣлицъ можно ему дозволить, лишь бы не было какихъ либо существенныхъ поврежденій. Для образца прилагаю при семъ и прежній контрактъ. Ты увидишь изъ него, что срокъ новому будетъ 1-го Іюля (*). 3, Письмо къ моему арендатору Г-ну Пекейру (Peucker). Я полагаю почти невозможнымъ, чтобъ доселѣ онъ не заплатилъ денегъ слѣдующихъ за вторую половину минувшаго года. Срокъ 15-го Декабря. Но если бы паке чаянія ни тебѣ лично, ни Дазеру онъ не заплатилъ: то пошли къ нему письмо съ первою почтою спросивъ только у Журавлева, не въ Петербургѣ-ли онъ, и точно-ли адресъ его въ Дерптъ, какъ доселѣ было. Не

(*) Должно узнать, гдѣ же дѣвались прежнія деньги. — Они должны быть или у Масальскаго, или у Сталыпина. Я ничего отъ найма дома не получалъ. С.

худо, если бы и Журавлевъ къ нему вмѣстѣ съ тѣмъ написалъ. Никогда ни слова не было ему говорено о Сибири; напротивъ, какъ ты изъ письма можешь видѣть, онъ долженъ былъ платить или Жерве, или Дазеру. 4, Письмо къ Дазеру на случай крайній и почти невѣроятный, если бы Пейкеръ и по письму моему не прислалъ дохода: тогда Дазеръ долженъ, какъ уже онъ Цейеру и общалъ, открыть тебѣ кредитъ отъ 10% до 12% , а я съ нимъ въ свое время разотчуся. 5, Письмо къ нему же отъ Цейера на случай, если бы затруднился онъ выдать тебѣ тѣ $\frac{1}{2}\%$ рублей, которыя переведены къ нему отсюда отъ Англинскаго миссіонера Сталибраса на Сарептскій торговый домъ въ Петербургъ. Письмо сіе отъ Цейера. Само собою разумѣется, что оба сіи письма должно оставить безъ дѣйствія и ему не отдавать, если они не нужны. Симъ кончатся всѣ денежныя твои дѣла и мои предосторожности. Надобно быть особенному несчастію, чтобъ они всѣ вдругъ не удались. Впрочемъ считаю излишнимъ тебя ограничивать: ибо ты сама утверждаешь, что ты уже не *малолѣтняя* и я весь-

ма согласенъ сему вѣрить. Одно примѣчаніе: если деньги будешь брать у Дазера: то бери по частямъ и по мѣрѣ нужды ибо проценты въ купеческихъ домахъ рассчитываются со дня полученія денегъ. Росписки давай ему, какъ онъ потребуетъ по формѣ, или просто. Не худо было бы тебѣ самой съ нимъ увидѣться. Тутъ ничего нѣтъ неприличнаго. Къ нему всѣ ходятъ въ лавку и не стыдятся быть ему должны. Это старый обычай. Я бы тебѣ даже совѣтовалъ отдавать ему подъ сохраненіе и тѣ деньги, кои могутъ оставаться у тебя лишними, что легко быть можетъ, если ты 1-го Апрѣля получишь половину денегъ арендныхъ. Курсъ у васъ слышно 350-к. на серебро: слѣдовательно вся годовая арендная сумма должна составить около 11.600 рублей ассигнаціями. Выгода сей отдачи подъ сохраненіе есть та, что онъ точно также платить проценты (6%) съ тѣхъ денегъ, кои принимаетъ, какіе платятъ ему, когда у него берутъ. Симъ кончится исторія денегъ.

Я уже писалъ къ тебѣ мои мысли о нескромностяхъ нашего подагрика и о довѣріи его N. N. По счастью

тутъ ничего нѣтъ вреднаго. Я къ нему ничего не пишу, что бы не могло быть прочитано вслухъ предъ всѣми. Онъ составилъ себѣ весьма странное предположеніе; вздумалъ, что показавъ мое письмо графу Кочубею онъ произведетъ такое впечатлѣніе, что за мною тотчасъ отправятъ фельдъегеря. Есть люди, кои вѣчно не будутъ имѣть истиннаго расчета вѣроятностей и опытъ для нихъ всегда будетъ бесполезный учитель, хотъ учителю сему они платятъ и дорого.

Дѣла мои дѣйствительно здѣсь къ Генварю почти кончились. Мнѣ осталось привести ихъ въ порядокъ. Съ 1-го Мая я оставляю Иркутскъ. О семъ пишу я нынѣ къ Государю; доказываю, что мнѣ послѣ сего дѣлать въ Сибири совершенно нечего. Управлять ею невозможно; къ сему надобны люди и другой порядокъ. Письмо посылаю чрезъ К. Голицина; но пишу при томъ и къ графу Кочубею. Отвѣтъ надѣюсь получить по крайней мѣрѣ въ концѣ Марта. Судя по содержанію его я могу ускорить или умедлить обратный мой путь; но во всѣхъ случаяхъ, хотя бы и не получилъ я никакого отвѣта, все съ 1-го

Мая отправляюсь въ Тобольскъ и между тѣмъ приму рѣшительныя мѣры. Независимо отъ разлуки съ тобою, я не могу здѣсь (т. е. въ Сибири) и потому еще долѣе оставаться, что продолжая управленіе безъ способовъ и безъ людей, я могъ бы утратить и честь и довѣріе мною здѣсь приобрѣтенное. Чѣмъ болѣе я цѣню сіе довѣріе: тѣмъ болѣе чувствую, что поддержать его въ послѣдствіи никакъ не могу. Такимъ образомъ мнѣ не остается почти и выбора и если въ укоризну всѣмъ увѣреніямъ и надеждамъ не получу я другаго мѣста: то долженъ буду оставить службу. На сіе не рѣшусь я конечно не испытать всѣхъ другихъ средствъ, кои у меня есть еще въ запасѣ.—Но когда и рѣшусь, то вѣроятно ни ты, ни я жалѣть о томъ не будемъ. Лишь бы была свобода жить, гдѣ пожелаемъ. А сей свободы кажется, лишить меня теперь невозможно. Хотя публичное мнѣніе въ Россіи еще весьма молодо: однакоже оно существуетъ и знаю, что оно все въ мою пользу. Изъ всѣхъ сихъ предположеній одинъ случай можетъ сдѣлать исключеніе: это есть путешествіе Государя въ Сибирь. При-

знаюсь, я радъ бы былъ сему событію. Оно отложило бы мои надежды на мѣсяцъ или на два; но тѣмъ вѣрнѣе, кажется, было бы въ послѣдствіи. Сибирь для меня есть театръ довольно выгодный. Если не много я здѣсь сдѣлалъ: по крайней мѣрѣ много осушилъ слезъ, утишилъ негодований, пресѣкъ вопіющихъ насилій, и, что можетъ быть еще и того важнѣе, открылъ Сибирь въ истинныхъ ея политическихъ отношеніяхъ. Одинъ Ермакъ можетъ спорить сомною въ сей чести. Все сіе — разумѣется — я пишу только къ тебѣ и для тебя.

Посылаю тебѣ (*) моя милая, наконецъ послѣ всѣхъ обѣщаній, прекраснаго крепу и шелковъ. Мнѣ обѣщали и еще доставить; но все сіе надобно выписывать изъ Пекина. Чаю надѣюсь у васъ еще довольно. Впрочемъ онъ такъ будетъ дешевъ, что не стоитъ труда пересылать. Здѣсь 250 р. мѣсто т. е. 250-к. фунтъ весьма добраго. У васъ вѣроятно будетъ онъ въ 350-к. Нынѣшній годъ вы-

(*) Съ фельдгеремъ Грааа Нессельрода. С.

везли его несравненно болѣе. Вообще по счастью или иначе Кяхтинская торговля при мнѣ взяла самый счастливый оборотъ.

Прощай, моя милая; Господь съ собою.

Иркутскъ 4-го Февраля 1820.

Начинаю письмо мое окончаніемъ твоего. Жаль конечно, любезная моя Елисавета, что судьба насъ непростанно разлучаетъ. Никто конечно лучше меня понять тебя не можетъ: ибо тонкія души ощущенія понимаютъ сердцемъ, а не умомъ. Впрочемъ, сколько дозволено намъ постигать непостижимыя пути Провидѣнія, мнѣ кажется въ самой разлукѣ Оно имѣло благотворную для насъ цѣль. Обоихъ насъ Онъ учитъ терпѣнію; тебя же въ особенности учить ходить на своихъ ногахъ, разбирать собственные свои чувства, соображать ихъ съ другими и дѣйствовать. До какой степени сія наука и сей навыкъ нужны въ будущей твоей практической жизни, ты узнаешь сіе въ свое время. Отчего женщины большею частію слабы, нерѣшительны? — Оттого, что

долго ходили на помочахъ, долго въ самыхъ мелочахъ опирались на другихъ. Сіе выгодно для мужчинъ, но совсѣмъ не выгодно для женщинъ. Тотъ степень слабости, или лучше сказать уклончивости, какую женщинамъ имѣть иногда должно, всегда можно пріобрѣсть. Онъ зависитъ отъ кротости, даже отъ правильнаго расчета взаимныхъ отношеній: но крѣпость души и силу чувствъ не всегда найдешь, когда ищешь. Ее должно имѣть въ запасъ и въ привычкѣ.

Я все еще не отправился въ заморскія мои владѣнія то есть въ двѣ округи за Байкаломъ лежащія, гдѣ побывать мнѣ нужно и оттуда посѣтить Кяхту, гдѣ продають тѣневые шелки и крепы, но на первой недѣлѣ поста непременно туда отправлюся. Это будетъ верстъ 500 далѣе на югъ. Меня увѣряють, что тамъ и теперъ снѣгу нѣтъ или очень мало. Посмотримъ. На сихъ дняхъ у меня были два Англинскіе миссіонеры, которые поселяются въ Селенгинскѣ. Ни слова ни по русски, ни по европейски. Я позвалъ ихъ къ себѣ на другой день обѣдать. Отворяются двери и ко мнѣ движется большая, длинная, су-

хая, пожилая женская фигура. Это Шотландка изъ роду пѣтистокъ, жена одного изъ сихъ миссіонеровъ. Это первая женская фигура, которой духъ явился въ моихъ комнатахъ съ тѣхъ поръ, какъ я въ Сибири. По счастью она такъ молчалива, что мнѣ не нужно было раскрывать для нее всѣ неизвѣстныя и самому мнѣ сокровища Англинскаго языка. Жоржа не было дома и такъ мнѣ одному оставалось нести всю сію тяжесть. Странное дѣло! одинъ изъ сихъ миссіонеровъ есть молодой человѣкъ лѣтъ 23 или 25. Прекрасной фигуры, открытое лицо, образъ ангельской чистоты и невинности. Ангелъ обвинитель да изгладить слезою всякую мысль подозрѣнія, чтобъ люди сіи имѣли какую-нибудь другую цѣль въ ихъ путешествіи.

Прощай, моя милая, Господь съ тобою.

Иркутскъ 10-го Февраля 1820.

Письмо твое отъ 26-го Декабря на другой день Рождества Христова весьма печально, любезная моя Елисавета. Чтobъ утѣшить себя, я представляю себѣ, что ты была нездорова, а не огорчена. Впрочемъ какое другое утѣшеніе могу я имѣть, или тебѣ дать, кромѣ надежды на Отца Небеснаго.

Послѣ завтра я отправляюсь въ Кяхту и оттуда въ Нерчинскъ, подлинно уже на край свѣта. Быть можетъ, что слѣдующая почта не принесетъ тебѣ моихъ писемъ; но не болѣе, какъ одна почта. Надѣюсь, что и изъ Нерчинска письмо мое дойдетъ къ тебѣ въ срочное время; это только 700 верстъ далѣе.

Сіе путешествіе есть послѣднее: ибо возвращеніе мое отсюда я не считаю уже путешествіемъ. Отлучка моя отсюда означаетъ, что дѣла мои здѣсь

кончились; прочее есть дѣло писцовъ и канцеляріи; но и сіе меня не задержитъ. Во всѣхъ возможныхъ случаяхъ, исключая одного высочайшаго посѣщенія, съ 1-го Мая я отсюда отправляюсь.

Архимандритъ сюда еще не прибылъ, слѣдовательно и писемъ твоихъ съ нимъ я еще не имѣю.

Не знаю еще, какой подарокъ привезу тебѣ изъ Кяхты; вѣроятно тѣневыхъ шелковъ: ибо тамъ ничего другаго достать нельзя.

Прощай моя милая; Господь съ тобою.

Кяхта 18 Февраля 1820.

Внезапный случай представляетъ мнѣ удобность писать къ тебѣ отсюда, любезная моя Елисавета и тѣмъ вознаградить одну пропущенную почту. Я приѣхалъ сюда третьяго дня. Вчера былъ на праздниѣ у Китайцевъ въ торговой ихъ слободѣ Маймадчинахъ. Какая странная узорочность. Это лихорадочный бредъ, неизъяснимое смѣшеніе блестящихъ мѣлочей, уютности и порядка въ частяхъ и смѣси въ цѣломъ. Подробно-сти ты найдешь со временемъ въ моемъ журналѣ. Въ гостинецъ тебѣ ничего здѣсь не нашелъ; чаю же посылать не стоитъ труда. Шелки еще не доставлены изъ Пекина.

Сегодня отправляюсь отсюда прямо въ Нерчинскъ. По счастью зима здѣсь стоитъ постоянная и, что бываетъ здѣсь, то есть на границѣ довольно рѣдко, много снѣговъ и хоро-

шая дорога. По сему я имѣю всю надежду совершить мое путешествіе съ успѣхомъ. Я буду первый начальникъ, который посѣтилъ Нерчинскъ. Хотя первенство сіе не возбуждаетъ моего честолюбія, но возбуждаетъ надежду, что путешествіе сіе будетъ полезно и утѣшительно обывателямъ того края. Кто знаетъ, какой плодъ принесетъ со временемъ сѣмя брошенное на сію землю? Впрочемъ въ Сибири и такъ далеко не бывають два раза въ жизни и потому должно въ одинъ разъ сдѣлать все что можно.

Прощай моя милая; письмо сіе доставитъ тебѣ здѣшній чиновникъ сынъ извѣстнаго Нижегородскаго механика Кулибина. Господь съ тобою.

41.

Верхне-Удинскъ. 20 Февр. 1820.

Тебѣ надобно, любезная моя Елисавета, твердо знать Сибирскую географію, чтобъ угадать или найти мѣсто, откуда къ тебѣ пишу. Это за Байкаломъ въ 400 верстахъ отъ Иркутска. Третьяго дня изъ Кяхты писалъ къ тебѣ съ Г—номъ Кулибинымъ; нынѣ пишу только для того, чтобъ не пропустить почты. Завтра поутру отсюда отправляюсь въ Нерчинскъ, откуда чрезъ три или четыре дня надѣюсь къ тебѣ писать. По расчету моему письмо сіе придетъ къ тебѣ около Свѣтлаго Воскресенья. На второй недѣлѣ поста поздравляю тебя съ симъ свѣтлымъ праздникомъ и за $\frac{6}{7}$ верстѣ лобызая тебя въ духѣ говорю Христосъ воскрес. Воскресенію Его въ душахъ ни мѣсто, ни время не препятствуетъ.

Воздухъ и движеніе удивительно какъ способствуютъ моему здоровью;

напротивъ сидячая жизнь меня утомляетъ. По сему-то между прочимъ переносу я всё трудности моего путешествія съ бодрымъ духомъ. Должно тебѣ примѣтить, что я путешествую попеременно въ саняхъ и въ коляскѣ. Здѣсь за моремъ во многихъ мѣстахъ снѣгъ уже сошелъ. Небольшое число верстъ можетъ быть доведется сдѣлать верхомъ. Жаль, что здѣсь нѣтъ ни моей Діаны, ни твоей Великопольской Рогатки. На нихъ покойнѣе было бы перебраться за хребетъ Нерчинскихъ горъ.

Прощай моя милая, Господь съ тобою.

Нерчинскъ 29-го Февраля 1820.

Христосъ воскресъ, любезная моя Елисавета. Вчерашній день я возвратился сюда изъ преисподней, изъ Нерчинскихъ заводовъ, гдѣ спускался я на 36 сажень подъ землю, чтобъ видѣть своими глазами послѣднюю линію человѣческаго бѣдствія и терпѣнія. Ничто не можетъ быть поучительнѣе сего впечатлѣнія.

Письмо мое будетъ коротко; я усталъ и спѣшу возвратиться въ Иркутскъ, который теперь представится мнѣ столицею. Впрочемъ кромѣ усталости здоровье мое никакой не испытало переменъ, хотя шесть разъ я перемѣнялъ повозки лѣтнія на зимнія. Здѣсь снѣгу мало, да и то по мѣстамъ.

Прощай моя любезная. Господь съ тобою.

43.

Иркутскъ 10-го Марта 1820.

Наконецъ я въ Иркутскѣ, любезная моя Елисавета; то есть въ столицѣ, послѣ всего, что въ продолженіи пути мнѣ встрѣчалось. Въ три недѣли я совершилъ болѣе $\frac{3}{4}$ т. верстъ; странствовалъ въ саняхъ, въ коляскахъ, на телегѣ и только не верхомъ. Не жалѣю однакоже ни трудовъ, ни усталости: ибо я видѣлъ бѣдствія человѣческія кажутся на послѣдней ихъ линіи. Впрочемъ кромѣ усталости ничего не чувствую. Отдыхая и разбираясь съ бумагами не могу много къ тебѣ писать. Письма твои получалъ исправно. Весьма радъ, что Кяхтинскія бездѣлки столько тебѣ понравились. Постараюсь ихъ достать болѣе и съ собою ихъ привезу. Крепы для тебя и для Сонюшки есть у меня прекрасные. Молись и ожидай. Сонюшку цѣлую за письмо. Прощай моя милая; Господь съ тобою.

44.

Иркутскъ 17-го Марта 1820.

Написавъ сіе число я вспомнилъ, любезная моя Елисавета, роковой мой день. Почему же роковой? — Потому только, что человѣкъ привыкъ ставить себя обладателемъ своей судьбы, что онъ съ удовольствіемъ переноситъ всѣ трудности, странствуетъ по бѣлу свѣту, но не тогда, какъ его пошлютъ, а когда онъ самъ того захочетъ. Человѣкъ не умѣетъ еще покоряться Провидѣнію, не можетъ понять, что онъ не что иное, какъ кусокъ глины, коей даютъ разныя формы, что въ гибкости и мягкости состоитъ все его достоинство, что планъ и экономія вселенной такъ обширны, такъ многосложны, что странно и смѣшно вздумать управлять ими и между тѣмъ въ семъ то именно и состоитъ наше притязаніе: ибо нельзя управлять частію, не касаясь цѣлаго. Покорность и гибкость вотъ все, что намъ оста-

лось. Всякій ропотъ есть бунтъ противъ Провидѣнія. Такъ разсуждалъ бы я о другомъ въ обстоятельствахъ моимъ подобныхъ. Но о себѣ самомъ я долженъ разсуждать еще строже. Сколько возмездій, сколько милостей небесныхъ получилъ я въ сіи *восемь* по видимому несчастныхъ лѣтъ! Сколько истинныхъ прозрѣній въ природу человѣческую и даже высшую. И что жъ послѣ всѣхъ такъ называемыхъ гоненій и страданій наконецъ нашлось?—волосъ не упалъ съ головы моей. Обращаюсь къ тебѣ: ибо существо мое не простое, но сложное. Буря застала тебя въ такія лѣта, когда ты ее не чувствовала. Ты играла въ Нижнемъ, играла въ Перми и начала чувствовать бытіе твое въ Великопольѣ. Всѣ вѣроятности есть, что оставаясь въ Петербургѣ ни умъ, ни характеръ твой не получили бы ни развитія, ни твердости. Я не могъ бы тобою заниматься; обстоятельства болѣе изнѣжили бы тебя, нежели укрѣпили. Ты была бы по сіе время не что иное, какъ вялый ребенокъ. Таковы суть большая часть женщинъ. Слово трусъ по мнѣнію моему выражаетъ одно всѣ пороки и въ самомъ

дѣлѣ большая ихъ часть происходятъ отъ трусости. Какъ же быть мужественнымъ, не посмотрѣвъ прямо въ глаза опасности и несчастію? Несчастіе! его должно бы было называть другимъ именемъ, именемъ благороднѣйшимъ, какое только есть въ происшествіяхъ человѣческихъ. Въ духовномъ смыслѣ оно есть помѣщеніе въ число чадъ Божіихъ, сыноположеніе. Въ моральномъ сопричтеніе въ дружину великодушныхъ. Несчастіе! его должно бы было вводить въ систему воспитанія и не считать его ни оконченнымъ, ни совершеннымъ безъ сего испытанія.

Ты видишь изъ сего, любезная моя Лиза, что я отдохнулъ отъ моего путешествія. Отдохнулъ и готовлюсь издалека къ другому. Все яснѣетъ предо мной. Самое небо кажется беретъ въ томъ участіе. Зима наша кончилась; мы гуляемъ уже во фракахъ; я по крайней мѣрѣ такъ гуляю. Шубы носятъ только по привычкѣ и то рѣдко. Зимній путь совершенно рушился. Сколько бы ни желалъ я послать тебѣ Китайскихъ бездѣлицъ, не могу. У меня есть для тебя *между прочимъ* полный Китайскій нарядъ

женскій—но прекрасный и онъ къ тебѣ весьма пристанетъ.

Въ послѣднемъ письмѣ я вижу тебя на балѣ у Линга. Чинъ и имя конечно что нибудь значать и въ танцахъ. Но еслибъ ты была *taussade*: ни то, ни другое не запретило бы тебя отъ сидѣнья. Трапезниковъ еще не бывалъ. Я ожидаю съ нимъ интересныхъ писемъ.

Вотъ письмо къ новому моему куму. Улади его твоими привѣтами. Мысль его дѣйствительно мнѣ обязательна. Я всегда искренно любилъ Елисавету Карловну за ея добродушіе и кротость. Совсѣмъ иначе написалъ бы я, если бы къ ней писать было можно. Но я знаю его и знаю оттънки характеровъ.

Прощай моя милая; Господь съ тобою.

Иркутскъ 24 Марта 1820.

Я говѣю, любезная моя Елисавета, и потому съ сею почтою писать къ тебѣ много не буду. Минувшая почта принесла мнѣ твое письмо съ извѣстіемъ о возобновившихся ячменяхъ. Съ нетерпѣніемъ ожидаю дальнѣйшихъ извѣстій. Вѣроятно это пройдетъ съ лѣтами.

Цейеръ съ минувшею почтою получилъ увѣдомленіе отъ Пирлинга, что деньги за вторую половину аренды 6220 р. отъ Пейкера получены и отданы имъ въ Банкъ. Къ 1-му Апрѣля сего года онъ долженъ будетъ заплатить такую же сумму и вѣроятно къ нимъ же то есть къ Дазеру и Пирлингу доставить. Всѣ деньги сіи $12\frac{1}{2}$ р. въ твоемъ распоряженіи. Сверхъ того у нихъ есть 2000 р. оставшихся отъ векселя высланнаго отсюда Англическими миссіонерами.

Прощай моя милая; Господь съ тобою.

Иркутскъ 31-го Марта 1820.

Вотъ день, любезная моя Елисавета, въ который сидя подъ окошкомъ въ Пензѣ, слышалъ я колокольчикъ и взглянувъ увидѣлъ фельдъ-егеря и Сибирь. Это кажется было вчера; а сегодня я въ Иркутскѣ. Голова кружится, когда подумаешь, сколько перемѣнъ, происшествій, путей, движеній, дѣлъ въ теченіи одного года; и что же значить сей годъ въ сравненіи со всею жизнію; а что жизнь въ сравненіи съ вѣчностію; откуда наконецъ должно будетъ нѣкогда взглянуть на все прошедшее подобно, какъ теперь смотрю я на минувшій годъ. Но тогда духъ не связанъ будетъ тѣломъ; тогда шесть тысячъ верстъ, Пенза и Иркутскъ все сольется въ одну точку; все будетъ ясно, но ничто не будетъ раздѣльно; ибо всѣ несообразности здѣшней жизни согласятся и

все войдетъ въ одинъ обширный, но весьма простой планъ Провидѣнія.

Третій день, какъ я угощаю у себя въ теченіи сей свѣтлой недѣли здѣшнюю публику. Третьяго дня принималъ духовенство и въ томъ числѣ осанистаго, тебѣ знакомаго Пекинскаго Архимандрита ¹⁾; вчера обѣдали чиновники; сегодня купечество. Я усталъ жить въ непрестанныхъ ябедахъ, слѣдствіяхъ и обвиненіяхъ; слава Богу они кончились и готовясь оставить Иркутскъ, я хочу оставить его съ пріязнію. Еще мѣсяцъ и много полтора и я съ ними распрощаюсь — на вѣки-ли? — Богъ знаетъ, но кажется, намъ болѣе не видаться.

Лишь только успѣлъ я написать съ прошедшею почтою къ тебѣ: *я говорю*, какъ получаю и отъ тебя въ письмѣ тѣже слова *я говорю*. Разница только та, что ты говѣла на первой недѣлѣ; а я на страстной.

Не удивляйся смущенію духа; это почти обыкновенное состояніе поста и говѣнья. Когда вино вливаютъ въ самую чистую воду: она сначала стру-

¹⁾ Петра Каменскаго, отправленнаго въ Китай на смѣну Іакинфа Бичурина.

ится: ибо вино не вдругъ соединяется съ водою; но потомъ такъ ее проникнетъ, что нѣсколько капель окрасятъ цѣлый стаканъ и раздѣлить ихъ невозможно. Таково дѣйствіе благодати. Утѣшенія и сладостныя чувствія приходятъ послѣ, а бываетъ, что не приходятъ повидимому и никогда: ибо превращаются въ пищу, въ самый составъ души, въ нравственное ея здоровье. Кто же когда чувствовалъ, какъ прибавляются силы и здоровье? Кто чувствовалъ, какъ растутъ? ²⁾

У насъ почти лѣто и дни прекрасные; глаза мои, отдыхаютъ покоясь хоть не на зелени, по крайней мѣрѣ не на снѣгу ослѣпляющемъ отъ яркаго преломленія лучей. Ожидаемъ землетрясеній, кои обыкновенно бываютъ въ Апрѣлѣ; но здѣсь никто ихъ не боится: въ самомъ дѣлѣ они обыкновенно бываютъ легки. Не знаю, будетъ-ли Жоржъ сегодня къ вамъ писать. Ему на праздникахъ большія хлопоты: надобно объѣздить весь городъ съ визитами; надобно ѣздить верхомъ; вчера же было собраніе и

²⁾ Религіозныя мысли Сперанскаго нигдѣ такъ полно не выразились, какъ въ большомъ письмѣ его изъ Перми, къ Словоцову (Библ. Зап. 1861, № 17)

слѣдовательно надобно ему же танцевать за полночь.

Прощай, моя милая; поцѣлуй за меня Сонюшку. Христосъ съ вами.

Предваряю тебя, что почта съ сего времени начнетъ отставать; это обыкновенно бываетъ въ распутицу.

Иркутскъ 7-го Апрѣля 1820.

Въ письмѣ твоёмъ отъ 20-го Февраля я нахожу, любезная моя Елисавета, что весеннее солнышко глядитъ къ вамъ въ окно. Не завидую вѣщему счастью. Ко мнѣ въ окно глядитъ не только весеннее, но само лѣтнее солнышко и вмѣстѣ съ нимъ глядитъ надежда скорого отсюда отправленія. Легко себѣ представить дѣйствіе сихъ соединенныхъ лучей.

Бѣдные люди, еслибы смерть была всему конецъ. Подлинно бѣдные! и мысль твоя весьма справедлива. Но по счастью будущее, для меня по крайней мѣрѣ, кажется вѣрнѣе настоящаго. Я такъ привыкъ къ сей мысли, что упрекаю себя, когда занимаюсь настоящимъ, хоть занимаюсь имъ еще весьма часто. Мнѣ кажется это потерянное время, столькоже потерянное, какъ въ дорогѣ на почтовыхъ дворахъ. Какая неизмѣримость насъ ожи-

даетъ! Что будетъ тутъ эта капля, которую привыкли мы называть временемъ, жизнію.

Между тѣмъ какъ ты читаешь *Journey from Moscow*, я путешествую въ Китаѣ. Сколько привезу я тебѣ вѣстей объ исторіи и словесности сего чудеснаго народа. Двѣсти милліоновъ головъ, то есть число болѣе всей Европы, подъ одною шапкою! это первое чудо; чудо политики, образованія доселѣ неслыханное и небывалое въ исторіи міра. За симъ слѣдуютъ другія чудеса не менѣе разительныя, не менѣе смиряющія гордость Европейскаго просвѣщенія. Признаться должно, что наши учителя Греки и Римляне не большіе были знатоки въ народномъ воспитаніи и видно суждено востоку всегда брать верхъ надъ западомъ.

Прощай моя милая. Христосъ съ тобою.

Пргутьсь 14 Апрель 1820.

Не бойся надѣяться, любезная моя Елисавета. Богъ милостивъ. Онъ вложилъ надежду въ сердце наше, какъ залогъ, какъ предчувствіе вѣчности. И если надежда иногда и обманываетъ: мы все не въ убыткѣ: ибо взяли впередъ то, что есть въ жизни лучшаго. Французская твоя мысль дѣйствительно прекрасна. Можно къ ней присоединить еще одно практическое правило на томъ же законѣ основанное: никогда событіями нельзя человѣка вести столь далеко, какъ надеждами. Дѣло состоитъ только въ томъ, чтобъ умѣть ихъ распредѣлять безъ расточенія и поддерживать съ точностію. Schwärmerey Нѣмцовъ происходитъ изъ того же источника. Но не всѣ люди способны къ мечтательности (почему бы не перевести симъ словомъ Schwärmerey). Есть сердца положительные, умы столповые, спо-

собные къ всѣмъ расчетамъ жизни, но неспособные къ тонкому ощущенію будущаго. Отсюда, отъ сей неподвижности ихъ видовъ, отъ единообразія и ограниченности ихъ чувствій происходятъ всѣ ихъ успѣхи. Успѣхи, на кои не промѣнялъ бы я несчастій.

Мнѣ весьма любопытно, а можетъ быть и пріятно будетъ познакомиться съ Поггенполемъ. Изъ привязчивыхъ душъ много можно сдѣлать добраго.

Ты спрашиваешь о Вильде. Онъ ведетъ себя здѣсь очень хорошо. Поигрываетъ въ карты, но умѣренно; ничего не дѣлаетъ, никакихъ дѣлъ на рукахъ у него нѣтъ и слѣдовательно не можетъ ничего употребить во зло. Не знаю даже, былъ-ли бы къ сему и способенъ. Доселѣ я въ немъ видѣлъ человѣка обыкновеннаго, но не худаго и къ порокамъ не склоннаго. Для Жоржа онъ даже и полезенъ: ибо я не могу надзирать за нимъ въ обществахъ; а держать его дома въ заперти всегда надѣ книгами, невозможно. Жоржъ не только не потерялъ ни одного добраго и любезнаго качества, но я надѣюсь, вы всѣ найдете, что онъ кой-что и приобрѣлъ въ семь родѣ. Съ нимъ остались ребяческое его

добродушіе, прямизна и откровенность, но прикрашенная и убранныя нѣкоторыми познаніями, басистымъ голосомъ и усами (разумѣется еще чуть возникающими). Чего же лучше? Онъ пойдетъ далѣе: ибо сердце его прекрасно и умъ гибкій и способный. Вильде можетъ самъ имѣть нѣкоторыя шалости; но никакъ не способенъ быть ни потатчикомъ, ни соблазнителемъ. Съ сей стороны мы безопасны. Кстати о Вильде. Онъ послалъ твоей маминкѣ кусокъ краснаго грепу; а она не сказала ему и спасибо.

Время у насъ стоитъ прекрасное. Каковъ-то будетъ Май, время нашего путешествія. Вчера осматривали мы наши экипажи. Неужели все это будетъ мечта? хоть я по сіе время еще живу во мракѣ неизвѣстности; но все твержу и въ умѣ и чувствую въ сердцѣ: Богъ милостивъ.

Прощай моя милая, Господь съ тобою.

Иркутскъ 21-го Апрѣля 1820.

Твой флюсъ привелъ мнѣ на память, любезная моя Елисавета, прежнее мое правило, что въ свѣтѣ есть три только существенныя несчастія: порокъ, бѣдность и болѣзнь. Все прочее можно поправить умомъ или терпѣніемъ; но болѣзнь именно лишаетъ насъ сихъ средствъ. Я не вѣрю даже, чтобъ въ болѣзни можно было имѣть терпѣніе. Терпѣливыми въ болѣзни кажутся только тѣ, коихъ степень чувствительности физической различенъ отъ обыкновеннаго, отъ нашего. А различіе сіе столь далеко простирается, что дикій поющій побѣдную пѣснь въ то время, когда палять его на огнѣ, для меня совсѣмъ не есть предметъ удивленія, но предметъ познанія и опыта, до какаго степени устройство нервъ можетъ быть различно и обстоятельствами измѣняемо.

Молодой человѣкъ отправляющійся съ Китайскою миссіею еще не бы-

валъ, я его нетерпѣливо ожидаю: ибо онъ вѣроятно привезетъ мнѣ о тебѣ подробности. Между тѣмъ мы каждую недѣлю по немножку собираемся; я дописываю свою Сибирь, люди заботятся о разныхъ мелочахъ и все въ движеніи. Съ сей стороны я счастливѣе тебя: ибо образъ надежды кажется ближе и живѣе, когда сборы и мѣлочи его украшаютъ.

Прощай моя милая, Господь съ тобою.

Иркутскъ 28-го Апрѣля 1820.

Наконецъ Пекинскій приставъ*) привезъ мнѣ письмо твое, любезная моя Елисавета, привезъ отъ тебя носки и отъ Жерве газеты. Признаюсь первое лучше послѣднихъ. Продолжительное наблюденіе заблуждений и глупостей человѣческихъ дѣлаетъ почти къ нимъ равнодушнымъ.

Съ симъ нарочнымъ я получилъ много писемъ изъ Петербурга—всѣ розовыя и въ томъ числѣ есть самаго яркаго и положительнаго цвѣта. Терпѣнію твоему осенью будетъ конецъ. Но внѣшніе твои отзывы должны оставаться такъ же неопредѣленны, какъ и прежде. Надежда бываетъ еще прелестнѣе, когда таится въ душѣ и наружу не испаряется. — Поггенполю я непременно

*) Тимковскій Егоръ Теодоровичъ, напечатавшій въ 1824 г. чрезвычайно интересное описаніе своего путешествія въ Китай, подъ заглавіемъ: Путешествіе въ Китай чрезъ Монголію, въ 1820 и 1821 годахъ..

буду отвѣчать на письмо его, но не надѣюсь скоро отыскать здѣсь Толмачева, о коемъ онъ говорить. Сибирь не комната; ее скоро не обыщешь; скажи маминькѣ, что я употреблю всѣ способы. Объ Александрѣ подумаемъ осенью: дѣла сего рода не дѣлаются за $\frac{6}{10}$ верстъ; ихъ надобно сдѣлать лично

Жаль, что я старѣю, что слишкомъ много въ свѣтѣ видѣлъ и наблюдалъ. Духъ твой, любовь твоя къ отечеству сдѣлали бы меня любочестивымъ.

Прощай моя милая; Господь съ тобою.

Иркутскъ 5-го Мая 1820.

Нѣтъ, любезная моя Елисавета, не женщины въ томъ виноваты, что молодые люди большею частію суть повѣсы. Не женщины, а война. Война умудряетъ храбрыхъ, дѣлаетъ ихъ скромными и кроткими; война ничтожныхъ людей дѣлаетъ наглыми и несносными. Война и скороспѣлое воспитаніе. Когда толпа мальчиковъ, кои должны бы быть еще въ пенсіонѣхъ подъ лозою Мюралта *), пущена будетъ на свою волю чего тутъ ждать добраго?

Мысли твои о вдохновеніи такъ привлекательны, что я написалъ бы цѣлое сочиненіе и точно доказалъ бы, что это не мечта, но дѣйствительное и весьма существенное свойство нашего духа усыпляемое разсѣ-

*) Извѣстный реформатскій пасторъ, содержатель пансіона въ Петербургѣ,

янною чувствъ, но возбуждаемое обстоятельствами, мѣстомъ, уединеніемъ, временемъ, воспоминаніями, связію мыслей. Но отложимъ сіе до бесѣды, или до той большой книги, которую столько лѣтъ я собираюсь написать.

Ты не дома; понимаю любезная Елисавета всю горестъ сея мысли; но потерпи еще немного; заря не только занимается, но уже и занялась. Ты вѣрно видѣлась съ графиней Кочубей? Ты будешь дома; будешь имѣть удовольствіе у себя угощать тѣхъ, кои тебя столь добродушно, столь сердечно угощаютъ и добрая твоя душа ни у кого не останется въ долгу.

Я полагаю, что вы уже на дачѣ. Жаль что я васъ, можетъ быть, тамъ уже не застаю. Желай чтобъ лѣто было прохладно, а осень самая сухая и продолжительная.

Прощай моя милая; Господь съ тобою.

Иркутскъ 12-го Мая 1820.

Съ фельдъегеремъ сюда прибывшимъ я не получилъ отъ тебя писемъ, любезная моя Елисавета. Вѣроятно друзья наши или не знали, или сказать тебѣ не успѣли. Впрочемъ онъ ничего не привезъ мнѣ ни новаго, ни интереснаго. Та же неизвѣстность и заря моя опять превращается въ полночь. Впрочемъ меня Богъ научилъ ходить и во мракѣ. О семъ буду писать къ тебѣ подробнѣе при первомъ удобномъ случаѣ.

И такъ талантъ Зеера образуетъ твой вкусъ къ музыкѣ. Слѣдовательно я правъ, когда предвѣщалъ тебѣ, что ты будешь любить ее, противъ всѣхъ твоихъ чувствъ и увѣреній. Мнѣ казалось неестественнымъ, чтобъ имѣя душу чистую можно было не любить музыку. Недостатокъ чувства происходилъ единственно отъ недостатка органа и отъ боязни труд-

ностей. Изящное есть степень высокаго, а высокое есть степень божественнаго, безпредѣльнаго. И въ изящномъ предѣлы, т. е. вещественное уже чуть примѣтны—въ высокомъ они теряются, а въ божественномъ совсѣмъ исчезаютъ. Что бы была жизнь моя здѣсь, еслибы не размышлялъ я о сихъ предметахъ и размышляя не забывалъ прошедшее и настоящее?—Счастливъ, что могу съ тобою говорить о нихъ и быть увѣреннымъ, что ты ихъ понимаешь или лучше сказать чувствуешь.

Прощай моя милая; Господь съ тобою.

Иркутскъ 15-го Мая 1820.

Половина Мая, а я еще въ Иркутскѣ. Не хочу скрывать отъ тебя, любезная моя Елисавета, истиннаго моего положенія. Отъ 8-го Марта я получилъ чрезъ графа Кочубея высочайшее повелѣніе прибыть въ Петербургъ къ послѣднимъ числамъ Октября. Срокъ сей былъ сносенъ и даже довольно сходенъ съ собственнымъ моимъ расположеніемъ. Я распорядился и водою отправилъ отсюда почти всѣ тяжести, дабы отправясь на легкѣ найти ихъ въ Москвѣ. Послѣ того три недѣли спустя получаю другое повелѣніе чрезъ К. Голицына отъ 20-го Марта, чтобъ прибыть мнѣ въ Петербургъ уже не въ Октябрѣ настоящаго года, но въ Мартѣ будущаго. Отстрочка сія и сама по себѣ горестна; но горестнѣе еще по смыслу, который она въ послѣдствіи имѣть можетъ. Если безъ всякой ви-

димой причины могли отстрочить до будущаго Марта: то могут отсрочить еще на годъ и такъ далѣе.— Въ письмѣ графа Кочубея по крайней мѣрѣ означена причина и именно путешествіе государя и возвращеніе его въ столицу не прежде 14-го Октября. Но въ письмѣ К. Голицына не означено никакой причины, я разумѣю причины истинной: ибо въ предлогахъ никогда не можетъ быть недостатка. По сему я рѣшился сдѣлать слѣдующее: *во первыхъ* съ симъ же фельдъегеремъ пишу и къ Е. В. и къ министрамъ, что отсрочку сію я принимаю въ точномъ смыслѣ удаленія. *Во вторыхъ* чрезъ мѣсяцъ или два посылаю прошеніе въ отставку, о чемъ нынѣ же и предваряю графа Кочубея. Первый шагъ вѣроятно не сдѣлаетъ никакой перемѣны въ моемъ положеніи—промолчатъ. Второй можетъ болѣе подѣйствовать. Отставки вѣроятно не дадутъ; по крайней мѣрѣ почувствуютъ, что нельзя никого держать Генераль-Губернаторомъ по неволѣ и слѣдовательно скорѣе на что нибудь рѣшатся. Впрочемъ я исчислилъ всѣ послѣдствія. Если меня и уволятъ отъ службы: ни ты, ни я

ничего не потеряемъ.—Ничего существеннаго. Время то прошло, когда могли меня тѣснить по произволу: ибо всему есть конецъ, даже и народнымъ заблужденіямъ и моему терпѣнію. Публичное мнѣніе у насъ слабо; но существуетъ. Оно же мнѣ и нужно въ самой малой мѣрѣ и только для тебя.

Какъ бы то ни было я долженъ буду провести будущую зиму въ Сибири и именно въ Tobolskѣ. Мои собственные огорченія тутъ не должны быть въ счетъ принимаемы; я всегда найду силу ихъ перенести и даже сдѣлать ихъ для себя равнодушными. Чувствительность моя вся въ тебѣ. Если при семъ отдаленіи нашего свиданія нужны тебѣ мои какіе-либо совѣты: требуй ихъ откровенно и не полагай никакихъ предѣловъ моимъ чувствамъ. Не бери въ счетъ моего бытія; думай только о своемъ счастьи и будь увѣрена, что я буду совершенно счастливъ, когда за 6-т. верстъ буду только знать, что ты счастлива. Любовь моя къ тебѣ совершенно безкорыстна: ибо мое личное счастье и пожеланія моимъ и по милости Божіей

такъ удостовѣрено, что оно ни отъ кого не зависитъ. Слѣдовательно думай только о себѣ, если хочешь видѣть меня счастливымъ. Можетъ быть тебѣ придетъ мысль видѣться со мною въ Tobolsk; вещь почти невозможная. Если бы Марья Карловна и согласилась проводить тебя: то сверхъ трудностей пути, сверхъ неимовѣрныхъ издержекъ, сверхъ опасности измучиться и заболѣть въ пути—мнѣ помѣститъ васъ негдѣ; совершенно нѣтъ дома не только удобнаго, но даже и сноснаго. Сверхъ сего отсутствіе твое изъ Петербурга уронитъ всѣ надежды друзей моихъ, сдѣлаетъ ихъ малодушными и ободритъ нашихъ непріятелей. Словомъ это невозможно. Самая власть моя здѣсь отъ сего поколеблется: ибо между прочимъ она держится на томъ, что я лично буду въ Петербургѣ.

Какъ желалъ бы я сказать тебѣ что-нибудь въ утѣшеніе; но ничего не могу. Можетъ быть смыслъ, который я даю отсрочкѣ слишкомъ обширенъ; можетъ быть отсутствіе Государя дѣйствительно продолжится до Марта и въ семъ предположеніи отсрочка имѣетъ нѣкоторое основаніе;

нѣкоторое, но несовершенное: ибо я не знаю, почему бы бытіе мое такъ было важно, чтобъ нельзя было мнѣ видѣться съ тобою, иначе какъ только въ данное время и при извѣстныхъ обстоятельствахъ.

Всѣ дары, которые я съ такимъ удовольствіемъ тебѣ готовилъ, по полученіи перваго извѣстія отправилъ я водою въ Москву со всѣми своими тяжестями бывъ увѣренъ, что найду ихъ тамъ въ Октябрѣ и привезу съ собою. Безъ меня они должны тамъ лежать цѣлую зиму. Можетъ быть однакоже найду я способъ достать ихъ изъ ящиковъ и велѣть переслать изъ Москвы къ тебѣ. Они адресованы не къ дядюшкѣ, который добрый пріятель, но худой комиссіонеръ.

Между тѣмъ въ письмѣ къ Дазеру при семъ прилагаемомъ содержится вексель въ $\frac{4}{m}$ р. Ты отдай письмо сіе сама, или пошли съ самымъ вѣрнымъ человекомъ. Деньги сіи также будутъ въ твоемъ распоряженіи. Между тѣмъ Дазеръ отдастъ ихъ въ банкъ. Это долгъ тѣхъ же самыхъ Англинскихъ миссіонеровъ, о коихъ прежде я писалъ.

Прилагаю здѣсь ⁽¹⁾ отвѣтъ Г-ну Поггенполю и письмо къ Графу Нессельдору объ Андреѣ Карловичѣ; онъ долженъ самъ ему представить его когда въ Петербургъ придетъ. Между тѣмъ я съ симъ же фельдъегеремъ писалъ къ Графу Нессельроду и просилъ его о семъ молодомъ странникѣ усердно.

У насъ здѣсь весна совершенная. Мы собирались отправиться въ путь въ теченіи сего мѣсяца; но теперь спѣшить не куда и я проживу здѣсь еще съ мѣсяцъ. Въ Тобольскъ я приѣду къ осени. Лѣто же проведу въ путешествіи по Южной Сибири, коей одну только часть я видѣлъ. Можетъ быть сіе путешествіе освѣжить и разсѣетъ мои мысли. Дай Богъ. Прощай моя милая, Господь съ тобой. Излишнимъ считаю напоминать тебѣ, что ты не должна роптать ни на кого, а особливо въ письмахъ. Это воля Божія. Можетъ быть и всё къ лучшему. Не можетъ быть, но вѣрно къ лучшему въ порядкѣ вещей вышемъ.

⁽¹⁾ Передумалъ: прилагаю ихъ къ письму Марьи Карловны С.

Что это за Енисейскій купецъ, который къ тебѣ является ⁽²⁾. Я его не помню. Я писалъ къ тебѣ одно письмо съ купцомъ Иркутскимъ, съ Трапезниковымъ. Какъ по крайней мѣрѣ зовутъ его?

⁽²⁾ См. выше писмо 35-е отъ 23 Генв. 1820.

54.

Иркутскъ 19-го Мая 1820.

Я получилъ вчера чрезъ Американскую контору престарое письмо твое, любезная моя Елисавета отъ 23 Февраля, съ письмомъ отъ Жерве, съ газетами и книжками. За намѣреніе благодаренъ; но и газеты и книжки остаются не развернуты. Равнодушіе, холодность моя ко всѣмъ происшествіямъ съ лѣтами и опытомъ возрастаютъ. Все это потерянное время. Совсѣмъ къ другимъ сценамъ, къ сценамъ высшаго рода я долженъ себя готовить. На землѣ же для меня есть одна только точка интересная: ты. Но и ты перестанешь меня привязывать къ землѣ, какъ скоро я увижу, или услышу что земное твое положеніе устроено и что можешь ты идти и безъ меня. Тогда я скажу: нынѣ отпускаешь раба твоего съ миромъ. Не вводи меня въ составъ земной твоей участи, всякъ, кто привязывалъ

ся ко мнѣ — страдалъ — болѣе или менѣе. Таковы суть тайныя судьбы Провидѣнія. Можно положительно утверждать, что всѣ друзья мои, исключая весьма немногихъ, суть земные страдальцы. Никогда, ни въ какую эпоху жизни не привязывались ко мнѣ душевно люди счастливые, да и самъ я къ нимъ не прикасался. Я утверждаю сіе по самымъ вѣрнымъ воспоминаніямъ. И здѣсь напримѣръ кто истинные друзья мои? Колодники и чернь. Такъ было, такъ есть и такъ должно быть.

Прощай моя милая; Господь съ тобою.

Иркутскъ 28-го Мая 1820.

Mille remerciemens, chère Sophie, pour la lettre que Lise avoit commencée et que vous avez finie. La communauté des biens est une très belle chose et surtout quand l'amitié s'en mêle. Un bras malade est bientôt supplée par la main d'une amie. Et ces sortes de supplemens peuvent aller très-loin et s'étendre même aux yeux, au nez etc., etc. Je vous conseille même d'essayer de vous suppléer mutuellement pour le manger; peut-être cela vous reussira (!).

Какъ бы то ни было, но сіе двухъязычное письмо могло бы меня обез-

(!) Тысячу разъ благодарю, дорогая Sophie за письмо, начатое Лизою и вами оконченное. Общность имущества—прекрасная вещь, и особенно, когда къ нему прихъшивается дружба. Рука больная тотчасъ восполняется рукою подруги, и эти восполненія могутъ идти очень далеко и даже простираются до глазъ, носа и пр. Я вамъ совѣтую даже испробовать замѣнять другъ друга при ѣдѣ. Быть можетъ, это вамъ удастся.

покоить, если бы съ тою же почтою не получилъ я другаго твоего письма, любезная моя Елисавета отъ 1-го Апрѣля, гдѣ столь яркими красками изображаешь ты богиню твою надежду: знаешь что ты здорова: ибо сія прелестная богиня рѣдко посѣщаетъ болящихъ; одинъ недостатокъ; другой, что она любить юность, пристрастна къ ней одной и рѣдко благопріятна къ намъ старикамъ. Я говорю рѣдко: ибо желаю имѣть и дѣйствительно имѣю право на исключеніе. Кисть твоя дѣйствительно прекрасна и легка; даже и дѣдушка ей улыбнулся: ибо иногда, чтобъ развести его морщины, я читаю ему нѣкоторыя мѣста твоихъ писемъ—разумѣется, когда онъ не очень мраченъ, да и то нѣкоторыя; ибо дружба имѣетъ свой и весьма большіе степени.

Я читалъ твое *solo* объ Исландіи. Вообрази, что я ничего почти о ней не знаю. Это страна новыхъ для меня открытій. Но можетъ быть мы откроемъ въ Сибири новую Исландію. Ко мнѣ прислали цѣлыя двѣ партіи молодыхъ морскихъ офицеровъ для открытій по Ледовитому морю (!).

(!) Эти офицеры были: баронъ Врангелъ, Анжу и Матюшинъ.

На сихъ дняхъ отправляю ихъ въ путь къ бѣлымъ медвѣдямъ. Есть дѣйствительно признаки большаго острова, а можетъ быть и земли соединяющей Сибирь съ Америкой. Со временемъ можно будетъ ходить пѣшкомъ чрезъ Иркутскъ въ Бостонъ или Филадельфію.

Отправивъ мои письма съ фельдъегеремъ я успокоился. Resignation! мнѣ не привыкать къ тебѣ. Но писемъ твоихъ въ отвѣтъ буду ожидать съ нетерпѣніемъ. Мнѣ хочется, по крайней мѣрѣ знать планъ твоей жизни на цѣлый годъ безнадежнаго свиданія. Богиня твоя мила; но какъ вѣроломна!

Иркутскъ 2 Іюня 1820.

Носить за друга бремя горести и стихъ и дѣло прекрасное; вообще стихи твои, любезная моя Елисавета, посвященные Сонюшкѣ суть вдохновение не поэзіи, но дружбы; они просты, плавны и искренни, какъ она.

Когда встрѣтишься съ Бутягинымъ (*) въ Іюль, поклонись ему отъ меня и увѣрь, что я точно не въ Петербургѣ и напротивъ половину Іюля проведу въ Иркутскѣ. Я дѣйствительно на сіе рѣшился какъ потому, что спѣшить мнѣ болѣе некуда, такъ и потому, что здѣшній климатъ лучше, нежели во всѣхъ другихъ городахъ Сибири. — Весна здѣсь полная; въ Апрѣлѣ началась и по сіе время продолжается. Дѣйствитель-

(*) Павелъ Степановичъ Бутягинъ, коллежскій совѣтникъ и камеръ-юнкеръ, служилъ въ Государственной Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ. Онъ нѣкогда былъ очень любимъ въ Петербургскихъ салонахъ.

но рѣдкое явленіе даже и въ Россіи.—
Мнѣ иногда досадно, что климатъ тутъ
въ противорѣчій и съ людьми и съ
моими мыслями. Но сія глупая до-
сада при первомъ взглядѣ на цвѣту-
щія деревья исчезаетъ. Желалъ бы
я прислать тебѣ въ письмѣ здѣшнюю
яблоню. Вся почти въ цвѣтѣ; листовъ
не видно; а яблоки на ней величиною
съ бруснику; имѣютъ однако же все
образованіе, все притязанія настоя-
щихъ яблокъ. Для умовъ нѣкотораго
разбора они могли бы служить по-
учительною эмблемою.

Прощай, моя милая; Господь съ
тобою.

Иркутскъ 9-го Іюня 1820.

Легко понимаю, любезная моя Ели-
савета, какъ тяжело разставаться съ
умнымъ человѣкомъ, особливо если
онъ имѣетъ пріятность разговора,
пріятность на которую все имѣютъ
притязаніе, и которою рѣдкіе облада-
ютъ. Уединеніе ума все однако же
лучше, нежели пустое и безвкусное
его развлеченіе. Я привыкъ здѣсь къ
сему уединенію; не съ кѣмъ слова
промолвить. Словцовъ, одинъ здѣсь
умный и нѣкогда острый человѣкъ,
боленъ и старъ. Это потухающій ого-
некъ, который изрѣдка только вспых-
нетъ. Правда, что и въ Пензѣ участь
моя съ сей стороны, особливо по ва-
шемъ отъѣздѣ, была не завидна.

Весьма много меня обяжешь, если
окончишь Итальянскій свой языкъ.
Это старый и единственный долгъ,
который у меня на тебѣ остался; я

увѣренъ въ твоей честности; тебѣ же это ничего не стоитъ; четыре мѣсяца и все будетъ кончено. Не жалѣй денегъ; найми учителя. Я достоверно знаю, что онъ нуженъ тебѣ на два или на три мѣсяца. Тутъ нельзя разориться. — Кстати объ Итальянскомъ языкѣ. Ты ничего мнѣ не пишешь о твоёмъ пѣніи. Какъ жалко, что люди такъ глупы, что не слышатъ въ твоёмъ голосѣ будущаго его раскрытія, не знаютъ цѣны его timbre, который требуетъ только упражненія и гибкости. — Не кому слушать и я очень понимаю, что и пѣть для глухихъ не хочется; но пой для меня и вѣрь, что за $\frac{6}{m}$ верстъ я услышу.

Ты собираешься на дачѣ читать всеобщую исторію. Теперь съ Сегюромъ (Segur) нѣтъ отговорокѣ не знать ее наизусть. Онъ умѣлъ сдѣлать изъ нее классическую книгу. Купи ее; она и для меня пригодится; но купи хорошаго изданія и въ добромъ переплетѣ, чтобъ она могла оставаться въ Библіотекѣ. Я узналъ ее здѣсь въ Иркутскѣ и нашелъ ее у Словцова.

Прощай моя милая. Господь съ тобою.

Иркутскъ 13-го Іюня 1820.

Вотъ курьеръ, любезная моя Елисавета, а у меня послать къ тебѣ нечего; всѣ вещи мои давно уже отосланы и теперь плаваютъ по рѣкамъ Сибирскимъ. Даже и чаю нѣтъ, кромѣ обыкновеннаго.

Пишу къ тебѣ чрезъ Аркадія Алексѣевича потому, что курьеръ найдетъ его скорѣе, нежели тебя. Сей курьеръ, глупый человѣкъ, не зналъ, что у меня есть дочь въ Петербургѣ, не привезъ мнѣ ни одного письма.

Съ минувшею почтою получилъ я твое письмо, въ коемъ ты извѣщаешь о продажѣ дома. Доброе дѣло и сверхъ того мнѣ такъ пріятно видѣть тебя хозяйкою! Я увѣренъ, что ты большой ошибки не сдѣлаешь, а небольшую если и сдѣлаешь: то Богъ проститъ: ибо все твое; моихъ нуждъ никогда въ счетъ принимать тебѣ не должно. Слава Богу! они каждый

день сокращаются: ибо каждый день есть шагъ изъ сего міра. Почти жаль, что твой путь еще столь длиненъ; сокращай его мыслию о будущемъ.

Куда завела меня мысль о продажѣ дома? Кажется очень далеко и однако же очень близко. Чтобъ возвратиться однако же отъ вѣчности къ Таврическому саду, я считаю нужнымъ тебѣ примѣтить, что домъ сей заложенъ у Баташевой въ $\frac{50}{100}$ рублѣхъ и слѣдовательно изъ цѣны его необходимо должно заплатить ей сіи $\frac{50}{100}$ р. (*). Въ семь то и состоитъ выгода всякаго покупателя: ибо по всей вѣроятности всякому, хотя не много значительному лицу, она можетъ отсрочить и потому наличныхъ денегъ въ покупкѣ нужно не много. Заплативъ сіи $\frac{50}{100}$ р. я останусь ей долженъ всего около $\frac{50}{100}$ р. и сей долгъ уже есть послѣдній. Я увѣренъ, что она платежа сихъ остальныхъ $\frac{50}{100}$ р. настоятельно не потребуетъ, а если бы и потребовала: то Аркадій Алексѣичъ дѣло сіе сладить и уговорить ее или повѣреннаго ея къ отсрочкѣ. По сему остальные

(*) И возвратить отъ нее закладную, безъ коей и купчей вѣрности совершить будетъ нельзя.

деньги отъ продажи дома будутъ въ твоёмъ расположеніи. Ихъ должно отдать къ Дазеру, нашему банкиру. Они у него будутъ вмѣстѣ съ прочими до временіи въ вѣрныхъ рукахъ и принося вѣрный доходъ. Не должно вѣрять ихъ болѣе никому, какъ бы ни прельщали тебя вѣрностію или большими процентами. Гдѣ большіе проценты: тамъ опасность и отвага; а намъ отваживать и некогда и не кстаети. Если удастся продать домъ за $\frac{75}{100}$ р. тогда остатокъ будетъ составлять около $\frac{25}{100}$. Приложивъ его къ тѣмъ деньгамъ, кои находятся у Дазера, будетъ у тебя на всякій даже и важный случай порядочный запасъ.

Хотя и есть вѣрющія письма на продажу дома и у Аркадія Алексѣича и можетъ быть у Петра Григорьича, тѣмъ не менѣе, я не излишнимъ счелъ доставить къ тебѣ и особенное вѣрющее письмо на твое имя.

Поповъ хотя и мнителенъ и не расторопенъ, но по дѣламъ мнѣ всегда онъ былъ вѣренъ. То же можно сказать и о Масальскомъ, кромѣ крайней его отлагательности; но онъ никогда меня не обманывалъ и какъ бы дру-

не ни судили, ко мнѣ онъ всегда
былъ вѣренъ.

Прощай, моя милая, чрезъ два дня
съ почтою писать къ тебѣ буду. Го-
сподь съ тобою.

Иркутскъ 16-го Іюня 1820.

Есть дни, любезная моя Елисавета,
въ которые мнѣ писать къ тебѣ, ка-
жется, нечего. Голова такъ пуста или
такъ занята дѣлами (что для меня
почти одно и тоже), что съ трудомъ
или горестію къ тебѣ умъ обращается.
Писать въ семъ расположеніи есть
писать одинъ жалобы; а я сто разъ
запрещалъ себѣ всякое роптаніе.

Не благодарно было бы приписать
сіе времени или здѣшнему климату.
Напротивъ и время и климатъ здѣсь
прекрасны. Вообще сторона довольно
пріятная для жизни, если бы можно
было уединить и оторвать сердце и
воображеніе отъ естественныхъ ихъ
связей. Счастіе и несчастіе суть тай-
на; никто со стороны угадать ее не
можетъ кромѣ тѣхъ, кои ихъ съ нами
раздѣляютъ.

Съ курьеромъ возвращающимся я
писалъ къ тебѣ подробно о домѣ. При-

бавить кажется нечего. Я надѣюсь, что по сіе время дѣло сіе уже кончено, или близко къ окончанію.

Прощай, моя милая, Господь съ тобою.

Я не помню, писалъ ли я къ тебѣ, что твой дядюшка поселился въ Пензѣ. Отъ него писемъ еще я не имѣю; но его туда ожидаютъ.

Иркутскъ 23 Іюня 1820.

Я получилъ отъ тебя, любезная моя Елисавета, полтора письма на прошедшей недѣлѣ. Половину письма съ почтою: ибо другой листъ остался по ошибкѣ у тебя и цѣлое письмо съ Енисейскимъ твоимъ купцомъ. Я совѣмъ о немъ позабылъ; это просто мѣщанинъ; но очень добрый человекъ. И онъ и товарищъ его не могутъ тобою нахвалиться и безъ слезъ не могутъ вспомнить, что *такіе высокіе люди*, какъ Елисавета Михайловна и Марья Карловна такъ съ ними были ласковы, это ихъ слова.

Болѣзнь руки твоей (отъ 5-го Марта) потому только меня не беспокоитъ, что послѣдующія письма удостовѣряютъ, что она прошла. Не понимаю, что это за болѣзнь. У тебя не можетъ быть ревматизма.

Напрасно ты не досказала мнѣ, чего ты хочешь отъ меня о Сонюшкѣ;

это не политика, слѣдовательно писать можно. Если на почтѣ и прочитаютъ, то бѣда не большая. Если бы были Иркутскія газеты, то я сталъ бы печатать въ нихъ мои и твои письма.

У меня вчера былъ прощальный обѣдъ, какой въ Сибири только быть можетъ. На одной сторонѣ сидѣлъ архимандритъ и свита его сегодня отправившіеся въ Пекинъ, на восточный конецъ свѣта. На другой сторонѣ трое молодыхъ морскихъ офицеровъ, также сегодня отправившіеся на Ледовитое море къ бѣлымъ медвѣдямъ, къ самому полюсу. Двѣ сіи противоположныя по всѣмъ видамъ экспедиціи оставляютъ отечество одна на пять, другая на десять лѣтъ почти безъ сожалѣнія, даже съ нѣкоторымъ удовольствіемъ. Это дополненіе къ твоему письму и къ рассказамъ Енисейскихъ твоихъ странниковъ. Я думаю, Сибирь есть настоящая отчизна Донъ-Кихотовъ. Въ Иркутскѣ есть сотни людей бывшихъ въ Камчаткѣ, на Алеутскихъ островахъ, въ Америкѣ съ женами ихъ и дѣтьми и они все сіе рассказываютъ, какъ дѣла обыкновенныя. Человѣкъ ко

всему привыкаетъ, а привычка къ странствованію, къ тому чтобъ искать походовъ, кажется, еще скорѣе другихъ приходитъ.

Прощай, моя милая; Господь съ тобою.

Иркутскъ 30 Іюня 1820.

И такъ пророчества мои сбываются; мозгъ твой сохнетъ, любезная моя Елисавета, ты сама сіе чувствуешь и попеченіе твое о хозяйствѣ доказываетъ сіе съ очевидностію. Благодаря тебѣ, съ продажею дома мы свободимся отъ долговъ и будемъ хоть и не богаты, но независимы. Всѣ расчеты должны привести Дубенскаго къ сей покупке; я давно твердилъ о семъ Сталыпину; но онъ не хотѣлъ или не умѣлъ за сіе приняться. — Можетъ быть и часъ еще не ударилъ: ибо важная вещь во всѣхъ дѣлахъ, знать часъ.

Понимаю, другъ мой, всю твою потерю въ Погенполлѣ. Знаю общество твое совершенно. Но что же дѣлать? вотъ вопросъ, который девять лѣтъ сряду мы дѣлаемъ другъ другу и девять лѣтъ не находимъ ему отвѣта.

То, что ты говоришь о Графѣ Румянцовѣ есть действительно для меня новость. Но изъяснить се не трудно. Кто жалуется на несправедливости человѣческія: тотъ указываетъ на меня. Въ высшихъ отношеніяхъ вѣчной истины лучше быть жертвою, нежели жрецомъ.

Маврина и при мнѣ уже близка была къ разрушенію; но я не желалъ бы, чтобъ рѣшили судьбу прежде моего возвращенія.

Радъ, что я изъ Иркутска познакомилъ тебя съ письмами Софіи. Пусть они напоминаютъ тебѣ Великополье: счастливѣйшее время моей жизни, когда я занимался только Богомъ и тобою. Бѣдность грозя желѣзнымъ своимъ прутомъ, одна могла меня оттуда выгнать.

Прощай моя милая; Господь съ тобою.

Иркутскъ 7-го Іюля 1820.

Благодаренъ, весьма благодаренъ тебѣ, любезная моя хозяйка, за продажу дома. Чего не можно сдѣлать изъ здраваго смысла? Это золото, принимающее всѣ формы; изъ него все выливается; тягучесть его непостижима. Я долго занимался твоими дѣлами; справедливость требуетъ, чтобъ ты занялась теперь и своими и моими. Я увѣренъ, что отъ сего они пойдутъ не хуже.

Продажа весьма выгодна и точно такова, какъ я представлялъ себѣ въ самыхъ лестныхъ моихъ мечтаніяхъ. Я радъ, что при томъ и Петръ Григоричъ оправдался въ глазахъ твоихъ; я точно такъ всегда его видѣлъ: лѣнивымъ, несноснымъ, но усерднымъ въ случаяхъ рѣшительныхъ. О расположеніи денегъ я уже писалъ къ тебѣ. Если Баташева потребуетъ, чтобъ отданы ей были всѣ деньги

полученныя за домъ, то и въ семь не можетъ быть большаго затрудненія: тогда вмѣсто $\frac{50}{100}$ т. я останусь ей долженъ только $\frac{25}{100}$ т. бездѣлка въ сравненіи съ тѣмъ, что было и впрочемъ и сей долгъ я въ состояніи нынѣ же заплатить такъ, что съ продажей дома можно положительно сказать, что я ничего не долженъ и все имѣніе наше чисто. Дай Богъ, любезная моя Елисавета, никогда не знать тебѣ долговъ. Это особенный родъ душевнаго страданія, который ни съ чѣмъ не сходенъ, который не на всѣхъ дѣйствуетъ; но когда дѣйствуетъ: то превращается въ зубную боль. Суди же по сему, какъ я тебѣ благодаренъ. Ты лучше всѣхъ Соссеротовъ ибо лѣчишь безъ боли. Впрочемъ имѣніе наше все въ наилучшемъ положеніи; оно ничего не имѣетъ блистательнаго; но всѣ части его тверды и не представляютъ нисколько отваги (risque). Такъ всегда я желалъ его имѣть. Ни деревня, ни земли сторгѣть не могутъ; не могутъ даже быть и разорены при всемъ неустройствѣ. Изъ Пензы по сему предмету получаю я одни пріятныя извѣстія. Тамъ все идетъ просто, беззаботно и можетъ такъ ити,

хотя бы мы съ тобою были за три-
 девять земель: ибо все основано не
 на машинахъ, не на выдумкахъ и
 искусственныхъ заведеніяхъ: но на
 матери-землѣ — всегда движущейся и
 всегда для насъ неподвижной. Въ
 нравственномъ мірѣ такова надежда
 всегда измѣняющаяся въ своихъ ви-
 дахъ, но всегда постоянная въ суще-
 ствѣ: ибо якорь ея брошенъ на небѣ.
 Поздравляю тебя, моя милая, и съ
 другимъ добрымъ дѣломъ а именно съ
 тѣмъ, что ты даешь уроки въ рус-
 скомъ языкѣ. Ничто такъ не остритъ,
 не раскрываетъ всей тонкой мозаики
 языка, какъ сей родъ упражненія.
 Десять разъ прочитаешь одно и не
 примѣтишь ошибки; а уча примѣтишь
 ее съ перваго взгляда. Я предпола-
 галъ, что ты будешь съ нею читать
 и грамматику. Среди прекрасныхъ
 мыслей и самыхъ живописныхъ вы-
 раженій у тебя еще вырываются нѣ-
 которыя ошибки въ языкѣ — слѣдствие
 твоего младенчества — такъ точно мла-
 денчества. Такова сила первоначаль-
 наго языка. Правда, что ихъ весьма
 мало и всѣ они маловажны; но есть.
 И на примѣръ въ послѣднемъ письмѣ
 сказано „Братъ его не имѣетъ ни

умъ его ни способности“ то есть: ни
 ума, ни способностей. Это тѣмъ хуже,
 что сказано о Поггенполѣ младшемъ;
a tunc il faut être correcte (*). Извини-
 те, Елисавета Михайловна.

Я уже изъяснялъ тебѣ, какимъ
 образомъ неблагодарная богиня — На-
 дежда еще разъ насъ обманула. Но
 теперь и она, бѣдная, совсѣмъ неви-
 новна. Путешествіе заграничное все
 изъясняетъ самымъ простымъ обра-
 зомъ. Меня огорчали нравственные
 послѣдствія, кои могъ я предполагать
 и выводить изъ сей перемѣны пер-
 выхъ намѣреній. На необходимость
 же было бы было бы глупо и бесполезно
 гнѣваться. Укажи мнѣ необходимость
 и я спокоенъ. Теперь она указана
 ясно. Впрочемъ продолженіе разлуки
 нашей четырьмя мѣсяцами болѣе, въ
 томъ счетѣ, къ коему судьба насъ
 уже приучила, не дѣлаетъ большой
 разницы.

Отвѣтъ на сіе письмо я получу
 ранѣе: ибо я поѣду къ нему на
 встрѣчу. 1-го Августа я положилъ
 непремѣнно отсюда отправиться въ
 Тобольскъ.

Прощай моя милая; Господь съ
 тобою.

(*) Надо быть точною.

Иркутскъ 14-го Іюля 1820.

Надобно любезная моя Елисавета, чтобъ ты испытала всѣ роды огорченій, узнала всѣ разнообразія характеровъ. Демонъ домашняго несогласія конечно есть одинъ изъ злѣйшихъ и хотя онъ для тебя не новъ, но въ первое его явленіе ты не имѣла еще довольно зрѣлости и ума, чтобъ узнать его въ подробности. Теперь ты можешь на него наглядѣться и различить всѣ черты его, чтобъ послѣ быть въ состояніи узнать его по первому взгляду, какъ бы онъ ни скрывался.

Что значитъ добродушіе темперамента? Старость, болѣзнь, припадокъ и оно исчезло. И понеже большая часть людей добродушныхъ суть таковы существенно по темпераменту: то для сего-то я всегда твердилъ и впредь твердить буду о здоровьѣ. Гдѣ нѣтъ высшихъ нравственныхъ навъ-

ковъ и понятій: тамъ здоровье есть единственный залогъ спокойствія, мира и дружбы. Болѣзнь вообще омрачаетъ мысли. Но въ людяхъ нравственныхъ вся горестъ кроется внутри; они страдаютъ; но не заставляютъ страдать другихъ.

Впрочемъ это почти обыкновенно случается съ людьми, кои всю жизнь свою просмѣялись. Подъ старость они или плачутъ, или сердятся. Лучше плакать или по крайней мѣрѣ лечить, если есть лекарство отъ старости. Вотъ что значитъ пускаться въ путь жизни безъ запаса молитвы или по крайней мѣрѣ навыковъ и вкусовъ къ изящному. Сіи вкусы остаются намъ вѣрными даже и тогда, какъ старость клюкою своею отгонитъ всѣ смѣхи и обыкновенныя глупости и погрешности жизни. Хорошая книга, умный разговоръ, вкусъ къ музыкѣ, словомъ науки суть ангелы хранители добрыхъ нравовъ, когда нѣтъ другихъ ангеловъ лучшихъ и сильнѣйшихъ — ангеловъ религіи и молитвы.

Впрочемъ твое искусство въ настоящемъ положеніи все состоитъ въ томъ, чтобъ ни во что не мѣшаться и сколь можно быть просто зрите-

лемъ всѣхъ сихъ явленій. И въ самомъ дѣлѣ ты зритель весьма худой мелодраммы. Правда, что зрѣлище слишкомъ продолжительно; но тѣмъ не менѣе оно точно зрѣлище; пѣса будетъ вѣроятно продолжаться до самой смерти актеровъ. Но ты наконецъ оставишь сей театръ и дѣло тѣмъ кончится. Марья Карловна также выйдетъ изъ него вмѣстѣ съ тобою и съ Сонюшкою. Какой бы жребій нашъ ни былъ: но мы съ ними подѣлимся. Послѣ чего даже и Софья Иванова будетъ покойнѣе: ибо расположенія сего рода умягчаются разлукою и рѣдкимъ свиданіемъ.

Если бы однако же противъ моего чаянія обстоятельства ваши дошли до нетерпимости: то отъ васъ, то есть отъ тебя и отъ Марьи Карловны зависить и прежде моего пріѣзда отдѣлиться. Къ сему не болѣе надобно какъ рѣшимость. Ты снимешь всю вину на себя. Марья Карловна будетъ имѣть видъ принужденія и слѣдовательно самое злословіе не найдеть тутъ возможности къ ней прикоснуться. Ты же не обязана жить въ чужомъ домѣ и можешь имѣть свой. Къ составленію его ты най-

дешь почти все нужное въ остаткахъ нашего Пензенскаго дома и Великопольскаго. Сии послѣднія должны быть въ кладовыхъ Андрея Андреича; они туда отправлены Поповымъ. Остатки же Пензенскаго дома должны уже къ тебѣ по сіе время придти изъ Москвы. Такъ проживете вы до Марта; а тамъ мы устроимъ уже вмѣстѣ все окончательно.

Я положилъ оставить Иркутскъ непременно 1-го Августа. Отсюда получишь ты еще двѣ почты. Утѣшаюсь по крайней мѣрѣ тою мыслию, что въ Сентябрѣ буду къ тебѣ ближе $\frac{3}{4}$ версты. Цѣлою половиною; и буду получать твои письма не чрезъ шесть, но чрезъ три недѣли.

Прощай моя милая; Господь съ тобою.

Иркутскъ 21-го Іюля 1820.

Поздравляю, любезная Елисавета, съ новымъ знакомствомъ Walter Scott. Я думаю у стихотворцовъ то есть у истинныхъ поэтовъ есть предчувствіе; они знаютъ другъ друга никогда не видавшись. Мудрено-ли, что онъ угадалъ и бытіе твое и чувства?

Шатобріанъ есть великій волшебникъ. Франція имѣла только двухъ истинныхъ поэтовъ; Фенелона и его. Прочіе не исключая и Расина суть остроумные люди; но ни въ одномъ изъ нихъ нѣтъ искры сильнаго воображенія. Можетъ быть цѣпи, которыми они себя оковали, подавили естественный ихъ талантъ; но то справедливо, что никогда не воспламенятъ они воображенія читателей. Смѣшиваются удовольствіе разума съ восторгомъ; это двѣ вещи совсѣмъ разные.

Но сей самый высокій, парящій Шатобріанъ есть простой площадной враль въ политикѣ. Таковъ былъ Ньютонъ за Апокалипсисомъ. Разсудокъ пріобыкшій къ высокимъ созерцаніямъ изящнаго рѣдко можетъ приспособить себя къ грубымъ вещественнымъ формамъ міра физическаго или политическаго. Слѣдовательно ошибки тутъ происходятъ не отъ недостатка разудка, но отъ свойствъ его. Есть свой разсудокъ для поэтовъ и свой для политиковъ. Словомъ разсудокъ есть слѣдствіе таланта и имъ образуется. Кстати о Фенелонѣ; тебѣ предлежитъ великое удовольствіе, это есть читать Телемака. Ты удивишься, что книга, которую ты вѣрно сто разъ имѣла въ рукахъ, есть для тебя теперь книга совершенно новая. Такъ по крайней мѣрѣ было со мною, когда я читалъ ее. Великая книга для всѣхъ и особенно для государей.

Мы въ хлопотахъ обыкновенныхъ сборовъ къ путешествію. Напишу къ тебѣ отсюда еще два письма и тѣмъ заключу 11-ти мѣсячное мое пребываніе въ Иркутскѣ.

Прощай моя милая; Господь съ тобою.

Иркутскъ 28-го Іюля 1820.

Письмо твое, любезная моя Елисавета, исполненное надеждъ близкаго свиданія раздираетъ мою душу. Ты уже знаешь какъ надежды сіи разрушились. Упрекаю себя, что преждевременно и самъ повѣрилъ и тебѣ ихъ сообщилъ. Но они казались вѣрными. Я забылъ, что нѣтъ въ судьбѣ моей ничего вѣрнаго, кромѣ вѣчности. Она одна не заблется и не зависить отъ мнѣній человѣческихъ.

Дядюшка твой дѣйствительно поселился въ Пензѣ; это лучшее что могъ онъ сдѣлать: ибо опытъ ему показалъ, что лечиться и жить невоздержно, есть мечта: а воздержаніе для него есть вещь невозможная. Онъ очень худо сдѣлалъ, что обратился къ тебѣ съ требованіемъ долгу на Софѣ Ивановѣ. Онъ долженъ былъ знать ея положеніе. Ты весьма умно сдѣлала не сказавъ ей о семъ. Я пе-

ревель отсюда къ нему въ Пензу пять тысячъ рублей; кажется довольно на обзаведеніе и устройство его дома. Хлѣбъ и припасы онъ будетъ имѣть изъ деревни. Слѣдовательно можетъ жить покойно, если будетъ разсудителенъ и умѣренъ. Впрочемъ я запретилъ ему вступаться въ управленіе нашей деревни. Онъ не имѣетъ довольно для сего ни разсудка, ни постоянства. Управленіе остается по прежнему у Андрея Сергѣича Мартынова и я всѣ причины имѣю быть имъ довольнымъ.

Пѣсенка твоя къ Мечтѣ прекрасна: есть одна ошибка или описка: *тяжеска горесть одинако*; одинокой (т.е. *мнѣ*): ибо одинакій и одинокій есть разница; первый есть *le mème, uni-fogme*, одинакого росту, одинакого цвѣту; второй есть *solitaire, isolé*. Вотъ тебѣ цѣлая диссертация объ одной буквѣ *о*. Впрочемъ слово одинокій взято изъ деревни и можетъ быть употребляемо только въ простомъ легкомъ слогѣ. Много есть деревенскихъ словъ весьма выразительныхъ и жаль что они не приняты въ высшія сообщества. Это есть одна изъ тысячи человѣческихъ несправедливостей.

Прощай моя милая; чрезъ два дня
еще писать къ тебѣ буду и тѣмъ
закончу письма мой къ тебѣ изъ
Иркутска. Господь съ тобою. X.

Иркутскъ 1-го Августа 1820.

Одиннадцать мѣсяцовъ письма мои
къ тебѣ, любезная моя Елисавета,
имѣли сію траурную надпись: *Ир-
кутскъ*. Сіе письмо будетъ отсюда по-
слѣднее. Пишу въ самый день отъѣз-
да въ обыкновенныхъ хлопотахъ и
окруженъ народомъ. Надѣюсь писать
къ тебѣ съ будущею почтою изъ
Томска.

Все, что есть въ сердцѣ моемъ въ
ры и надежды нужно было собрать,
чтобъ читать письмо твое отъ 19-го
Іюня, въ коемъ твердость упованія
твоего борется съ вѣстями отъ меня
дошедшими. Надобно, чтобъ новость
сія пришла къ тебѣ изъ Иркутска.
Ни одинъ изъ друзей моихъ не имѣлъ
ни разума, ни сердца предупредить
и смягчить первое впечатлѣніе. Я
не жалею на нихъ; но поведеніе
ихъ весьма поучительно.

Впрочемъ духъ мой не упадаетъ. Мнѣ надобно еще перенести двѣ, или три почты, когда идеи твои установятся и сладостная улыбка покорности замѣнитъ мѣсто перваго волненія. По счастью я буду въ дорогѣ; а дорога есть лучшее для меня успокоеніе. Тутъ я одинъ съ моими мыслями и сей родъ бытія всегда имѣлъ для меня прелесть неизъяснимую.

Прощай, моя милая, Господь съ тобою.

67.

Красноярскъ 7-го Августа 1820.

Въ теченіи одной недѣли я получилъ три письма твои, любезная моя Елисавета; послѣднее отъ 1-го Іюля.

Первое движеніе мое во всякой глубокой душевной скорби есть бѣжать въ горнее мое отечество. Въ семъ расположеніи мыслей я стараюсь скорѣе распорядить земныя дѣла мои и сдѣлать послѣднее мое завѣщаніе и какое другое могу я имѣть дѣло на землѣ, кромѣ твоего счастья? Письмо мое къ тебѣ было въ существѣ своемъ не что иное, какъ вопросъ: можешь ли ты найти другаго въ жизни спутника кромѣ меня, который по странному сдѣленію судьбы, вмѣсто того чтобъ тебя вести, запинаятъ твой путь. За шесть тысячъ верстъ я не могъ разрѣшить сего вопроса. Ты еще не знаешь всей заботливости, всей тон-

кости отеческаго сердца. Нѣкоторыя черты твоихъ писемъ открывали мнѣ, что нѣчто лежитъ у тебя на сердцѣ; я не могъ опредѣлить, что именно. Я видѣлъ четыре дѣйствующія лица; но не зналъ, какъ ихъ сложить. Все что могъ и долженъ былъ я сдѣлать, было предоставить тебѣ полную свободу, разрѣшить тебя на всѣ случаи, увѣрить, что одно знаніе, одинъ слухъ о твоемъ счастьи есть уже для меня дѣйствительное счастье. Я долженъ былъ сіе сдѣлать потому, что въ любви къ тебѣ не имѣю я никакого самолюбія, и что жертвуя всѣмъ я желаю одного — чтобъ ты была неприкосновенною, чтобъ на одного меня излили все, что есть горестнаго въ судьбѣ моей. Я не могу чувствовать радостей жизни безъ тебя. Но могу жить и безъ радостей; одного желаю и прошу у Бога, чтобъ ты была счастлива. Вотъ содержаніе письма моего. Никогда не перестанешь ты меня *привязывать къ землѣ*, доколѣ желаніе сіе не совершится и если бы должно было еще пять разъ быть въ Сибири, я чувствую себя въ силахъ все перенести безъ ропота и безъ ослабленія. Я писалъ въ

семъ же смыслѣ къ Марѣ Карловнѣ. Но она поняла меня иначе. Тутъ не личной своей свободы я ищу — куда мнѣ ее дѣвать? Ищу одного, чтобъ ты не была жертвою моихъ обстоятельствъ, чтобъ не мѣшать тебѣ въ путяхъ жизни Провидѣніемъ тебѣ предназначенныхъ — словомъ чтобъ ты была неприкосновенною; но не отдѣльною: ибо мысль отдѣлать мое бытіе отъ твоего счастья есть выше всего моего терпѣнія.

Впрочемъ въ самыхъ обстоятельствахъ моихъ съ того времени многое прояснилось. Мысли мои были слишкомъ предупредительны; я смотрѣлъ не столько на отсрочку, сколько на ея послѣдствія и побужденія. Нашлось, что я хотѣлъ видѣть далѣе, нежели человѣку дозволено видѣть и я радъ, что на сей разъ ошибся.

Какъ желалъ бы я отсюда подать тебѣ руку помощи во внутреннихъ твоихъ чувствіяхъ. Одного прошу, отсрочь свои страхи и надежды. Въ Мартѣ или въ Апрѣлѣ мы разберемъ ихъ вмѣстѣ и вѣрно разберемъ лучше. Тотъ же самый совѣтъ давай и Сонюшкѣ. Тверди ей, что привязанности твердыя и основательныя укрѣ-

пляются, а не разрушаются временемъ. Тверди ей, но не принимай на себя никакого посредства. Ты сама признала, что это неосторожно: а я прибавлю, что и опасно: ты сама не знаешь, куда можетъ тебя повести сей первый шагъ. Рѣшись тотчасъ перемѣнить линію твоего поведенія въ семь дѣлъ; лучше перемѣнить ее вдругъ, нежели исправить. Одобрение М. Карл. тутъ не защита; она не знатокъ въ дѣлахъ сего рода и сверхъ того сердце матери есть само по себѣ источникъ разныхъ очарованій. Одного прошу, отстрочьте обѣ и страхи ваши и надежды. Тотъ, кто искренно любить мою Елисавету, долженъ по первому ея знаку прилетѣть съ того свѣта, иначе онъ ее не знаетъ или любовь его есть игра ума и воображенія. Участь Сонюшки не можетъ зависѣть отъ ветхихъ соображеній богатства; покуда я буду что нибудь имѣть, она не можетъ быть въ нуждѣ.

Мы продолжаемъ путь нашъ довольно успѣшно. Время намъ благопріятствуетъ. Прощай моя милая. — Читаю письмо твое и не могу довольно читать его; никогда горестъ

не изображалась столь глубоко, какъ горести твои печатлѣются на моемъ сердцѣ. И я причиною всѣхъ сихъ горестей и я не могу искупить ихъ никакими жертвами! Вотъ ничтожество; оно все во мнѣ, а не въ тебѣ. Господь съ тобою.

Томскъ 19-го Августа 1820.

Еще два письма отъ моей Елисаветы. Если бы и не было другой выгоды возвращаться съ востока на западъ: то одна встрѣча твоихъ писемъ стоила бы путешествія.

Послѣднія твои два письма припоминаютъ мнѣ Дюссека Consolation. Въ нижнихъ тонахъ, въ глубинѣ сердца слышенъ еще гулъ печали; но въ верхнихъ проявляется уже нѣкоторая радость и по крайней мѣрѣ надежда. Такъ время и разсудокъ утѣляютъ всѣ печали. Впрочемъ должно отдать справедливость и обстоятельствамъ: они по старому начинаютъ улыбаться. Здѣсь получилъ я два положительные письма, коими утверждается наше свиданіе въ Мартѣ, а можетъ быть нѣсколько и раньше. Подвяжи крылья симъ пяти или шести мѣсяцамъ. Фантазіи твоей это не будетъ стоить большого труда; ты же не одна съ книгами и фортепiano. Изъ шести мѣсяцовъ можно

вычестъ одинъ на путешествіе; а это уже полу-свиданіе.

Поздравляю съ прогулкою въ Петергофъ. Это участь всѣхъ прогулокъ сего рода и я не понимаю, какъ можно предпринимать ихъ два раза въ жизни.

Докторовъ вашихъ я велѣлъ остановить въ Tobolskѣ и тамъ имъ дамъ экзаменъ, разумѣется, не надъ собою. Ни одной капли лекарства не принималъ и не приму я въ Сибири. Обхожусь своимъ горькимъ чаемъ и своею діетою. Вообще лекарь для меня нуженъ только для разговора и для того, что я не могу самъ писать рецептовъ; но никогда никому изъ нихъ, кромѣ Вейкарта, я не вѣрилъ.

Мы пробудемъ здѣсь еще день и потомъ отправимся въ мѣста прекрасныя, говорятъ, но коихъ даже и имена мало извѣстны. Кто у васъ на примѣръ умѣетъ выговорить *Барнауль*? Оттуда вдоль Иртыша въ Tobolskѣ. Быть можетъ, что въ семь длинномъ пути какъ нибудь пропущу я почту; но за то письма мои изъ Tobolska будутъ приходить скорѣе.

Прощай моя милая, Господь съ тобою.

Барнаулъ 24-го Августа 1820.

Мы оставили Томскъ 20-го Августа и чрезъ два дня очутились въ Барнаулъ. Путь нашъ лежалъ прямо на полдень. Въ Сибири-ли мы? Едва можно вѣрить сему очарованію. Прекраснѣйшій климатъ, пріятнѣйшія мѣстоположенія, орошаемая величественною, гордою, покойною Обью. За двѣ станціи до Барнаула встрѣтили насъ арбузы растущіе здѣсь на воздухъ, величиною съ твою голову, а цѣною по 5-ти и 10-ти копѣекъ. Дыни здѣшнія также весьма вкусны. Словомъ это очарованіе. Какъ можно себя представить? Шесть дней тому назадъ мы были среди болотъ и лѣсовъ почти непроходимыхъ. Чувствовали уже не только осень, но даже почти и морозы, а здѣсь полное лѣто во всемъ блескѣ и роскоши растеній и все это вмѣстѣ есть Сибирь; вопіющее смѣшеніе и злоупотребле-

ніе словъ. На каждомъ шагу здѣсь встрѣчаешь пчельники и медъ здѣшній есть превосходнѣйшій, ароматный.

Здѣсь въ Барнаулъ встрѣтилъ я чудака Кохрана*) Острота, бродяжничество, упрямство и вмѣстѣ безразсудное легкомысліе и несвязность предпріятій. Онъ кончитъ сумасшествіемъ и по моему мнѣнію есть уже и теперь помѣшанъ. Совсѣмъ неправда, чтобъ онъ путешествовалъ пѣшкомъ. Онъ благополучно нанимаетъ лошадей и ѣдетъ довольно покойно. Здѣсь купилъ даже и повозку; доселѣ онъ ихъ перемѣнялъ; вся особенность состоитъ только въ томъ, что онъ одинъ безъ слуги и отпустилъ себя маленькую рыженькую бородку. Добрый путь! Одна примѣчательная черта въ его путешествіи. Онъ былъ ограбленъ между Петербургомъ и Тосною и прошелъ половину Сибири не потерявъ ни одного волоса, и хвалясь вездѣ ласкою и гостепріимствомъ. Я увѣренъ, что пройдетъ и другую половину стольже покойно и

*) Джонъ Кохранъ, Англичанинъ, извѣстный всей Европѣ своими пѣшеходными странствіями.

безопасно. А Сибирь по вашему мнѣнію населена преступниками. Дай Богъ, чтобъ честные люди были также добροхотны и кротки, какъ сіи преступники. Съ послѣдними можно жить; а съ первыми трудно.

Завтрашній день я отсюда отправляюсь въ Семипалатинскъ то есть на самый полдень. Мѣсто сіе получило названіе отъ древнихъ развалинъ неизвѣстнаго народа изъ семи палатъ состоявшихъ. Это есть средоточіе довольно значительной торговли. Мы поѣдемъ по Иртышу то есть по самой границѣ и если Киргизы наши сосѣди вздумаютъ на насъ сдѣлать нападеніе: то по всей вѣроятности первое мое письмо къ тебѣ будетъ изъ Персіи или изъ Константинополя.

Прощай любеная моя Елисавета, до свиданія въ Семипалатинскѣ. Господь съ тобою.

Семипалатинскъ 30-го Августа 1820.

Мы прибыли въ Семипалатскъ 28-го Августа. Для Александрова дни здѣсь остановились. Въ Россіи-ли мы? Въ одномъ-ли я съ тобою отечествѣ?—Здѣсь окружаютъ меня Бухарцы, Ташкинцы, Киргизы. Это сущій маскарадъ и хотѣ послѣ Иркутска я долженъ привыкнуть къ симъ превращеніямъ: тѣмъ не менѣе они поразительны. Дома безъ крышъ по Азіатскому обычаю, всѣ почти головы въ чалмахъ или въ скуфьяхъ, три мечети и ни одной церкви. Путешествіе по Сибири есть сущій бредъ, особливо когда путешествуешь съ примѣчаніемъ. Два дня тому назадъ мы были въ самыхъ ущеліяхъ Алтайскихъ хребтовъ, коихъ верхи покрыты вѣчными льдами. Сегодня въ степи, коей одна сторона примыкаетъ къ Ледовитому морю;

другая идетъ почти непрерывно до Тибета, и гдѣ снѣгу почти не бываетъ.

Торговля здѣшняя маловажна. Даже и подарка тебѣ купить не могъ. Видѣлъ шали только лишь привезенныя изъ Кашемира и идущія ко двору. Ничего нѣтъ замѣчательнаго. Купецъ, Грузинецъ родомъ, самъ былъ въ Кашемирѣ и думалъ, что онъ произведетъ чудо заказавъ на бордюрѣ изобразить Россійскій гербъ и Русскую поговорку: *кого люблю: того дарю*. Желаю ему успѣха; но увѣренъ, что всѣ примутъ ихъ за поддѣльныя.

Сію минуту письмо отъ моей Елисаветы. Я не ожидалъ сего удовольствія въ Семипалатинскѣ, но услужливая почта умѣла меня и здѣсь встрѣтить. Мнѣ кажется судьба насъ предопредѣлила къ странностямъ. Общество, въ коемъ ты живешь, принадлежитъ къ сему предопредѣленію. Живопись твоя прекрасна; я его вижу предъ собою. Италіанскій твой языкъ есть послѣдняя черта моихъ о тебѣ желаній. Окончивъ ее кажется все будетъ окончено, что было начато и безъ тщеславія можно быть покойнымъ. Ты не отстанешь отъ

своего вѣка, сколько бы ходъ образованія его ни былъ обширенъ и стремителенъ. Всѣ двери познаній, всѣ источники чистыхъ удовольствій тебѣ открыты. Ангелъ хранитель да будетъ съ тобою. Завтра мы отправляемся въ Тобольскъ. Прощай моя милая; Господь съ тобою.

Тобольскъ, 11 Сентября 1820.

Вчерашній день, любезная моя Елисавета, я возвратился наконецъ въ Тобольскъ, въ мѣсто откуда началъ я поприще Сибирскихъ моихъ подвиговъ; возвратился живъ и здоровъ, хотя чрезмѣрно усталъ и отъ пути и отъ разнообразія видѣнныхъ мною предметовъ. Здѣсь получилъ я письмо твое отъ 19-го Августа: слѣдовательно чрезъ двадцать почти дней; въ ожиданіи лучшаго и это уже утѣшеніе быть къ тебѣ тремя тысячами верстъ ближе и получать каждый почти мѣсяцъ вопросъ и отвѣтъ. Отъ усталости много писать не могу. Просьба: прислать мнѣ дюжину или двѣ носовыхъ платковъ. Они могутъ быть здѣсь въ концѣ Октября; я отлагалъ сіе до свиданія; но тебѣ непріятно будетъ, когда старые платки мои дойдутъ до такого состоянія,

что нельзя уже будетъ мнѣ подарить тебя ими. Если ты хочешь сего подарка: то поспѣши, покуда они имѣютъ еще видъ платковъ.

Прощай моя милая до слѣдующей почты. Господь съ тобою.

Тобольскъ, 18-го Сентября 1820.

Письмо твое, любезная Елисавета, отъ 26-го Августа пришло ко мнѣ чрезъ 20 дней. Отсюда надежда получать отъ тебя и о тебѣ каждыя три недѣли вѣрныя извѣстія.

Пять тысячъ рублей насъ не разорятъ, лишь бы они дѣйствительно поправили дѣла К. Карловича. Возьми деньги сіи у Дазера и отдай ихъ Марьѣ Карловнѣ. Пусть она дастъ ихъ отъ себя, а не отъ меня и не отъ тебя и съ тѣмъ, чтобъ никому не было извѣстно, гдѣ она ихъ взяла. Сія осторожность для разныхъ причинъ необходима. О возвратѣ сихъ денегъ и думать нечего: онъ можетъ быть; но вѣроятнѣе его не предполагать и не надѣяться.

Тотъ же самый Тобольскъ; но со всѣмъ иначе мнѣ нынѣ представляется. Минувшаго года предъ нимъ стояла грозная туча, Иркутскъ; теперь

туча назади; а передъ нимъ яркіе цвѣты радуги. Отъ нихъ все принимаетъ другой видъ. Дѣла и люди иначе смотрять. Правда, что дѣла и сами по себѣ становятся стройнѣе; и люди привыкають къ порядку. Какъ непріятно, горестно обвинять и подозревать! Слава Богу это прошло и я живу если не среди друзей, то крайней мѣрѣ не среди непріятелей.

Здѣсь мы нашли цѣлую колонію Нѣмцевъ и Нѣмокъ, сосланныхъ сюда по извѣстному Ревельскому дѣлу и контръ-бандѣ. Они привезли мнѣ много рекомендательныхъ писемъ; но много пособить я имъ не могу. Сколько можно однако же пособию. Впрочемъ я ихъ еще не видалъ.

Здѣсь всѣ дивятся времени; и въ самомъ дѣлѣ осень прекрасная и здѣсь почти не бывала. Легко себѣ представить, какое благотворное дѣйствіе она имѣетъ на мое здоровье и вообще на игру и цвѣтъ моихъ мыслей. Четырехъ-мѣсячный мой здѣсь карантинъ дѣлается отъ сего сносно, хотя впрочемъ каждый день имѣетъ тѣ же часы и минуты, какъ и въ Иркутскѣ.

Прощай моя милая; Христосъ съ тобою.

Вчера у Губернатора (*) на балѣ я видѣлъ здѣшнее женское общество. Сурокъ да кротъ да двѣ-три набожныя лани. Жоржъ танцевалъ однако отъ чистаго сердца. Онъ растетъ и нравственно и физически Прекрасный характеръ!

* Губернаторомъ въ Tobolskъ въ это время былъ тайный совѣтникъ Францъ Абрамовичъ Фонъ Бринъ.

Tobolskъ 25-го Сентября 1820.

И такъ судьба Сонюшки должна рѣшиться. Никогда почта не была для меня интереснѣе. Я ожидаю ее, любезная моя Елисавета съ нетерпѣніемъ. По всѣмъ предчувствіямъ сердечнымъ, даже по всѣмъ расчетамъ здраваго смысла она будетъ счастлива. Помѣщеніе Поггенполя есть одно изъ выгоднѣйшихъ. Стакельбергъ (*) мнѣ знакомъ; онъ брюзгливъ, но поладить съ нимъ можно. Какъ странно! Сонюшка въ Итали и въ Неаполѣ! Мы живемъ въ такое время, когда смѣшеніе языковъ достигаетъ, кажется, послѣднихъ своихъ предѣловъ. Народы проникаются взаимностію и нельзя будетъ никуда заглянуть не встрѣтивъ родни или друга. — Если для устройства ея нужно будетъ

* Чрезвычайный посланникъ въ Неаполѣ, дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Густавъ Оттоновичъ Стакельбергъ.

какое нибудь и съ твоей стороны денежное пособие: то напередъ тебя на все разрѣшаю, сколько ограниченныя наши средства дозволить могутъ. Ихъ мѣра есть одна: не входить въ долги. Въ Декабрѣ ты получишь $\frac{6}{7}$ р. отъ аренды. Жаль, что нѣтъ на сей случай Жерве въ Петербургѣ.

Подробности о продажѣ дома я получилъ; но не отъ тебя, и не отъ Массальскаго, который ко мнѣ совсѣмъ не пишетъ, чему впрочемъ я и радъ; но совсѣмъ нечаяннымъ образомъ — отъ моего вѣрнаго Лазарева, который ко мнѣ пишетъ изъ Тулы, гдѣ онъ съ своею женою посѣщаетъ свои владѣнія. Жаль, что не согласили Баташеву ограничить платежъ $\frac{50}{100}$ рублями: тогда бы изъ $\frac{25}{100}$ остальныхъ можно было при настоящемъ случаѣ сдѣлать лучшее употребленіе.

Прощай моя милая: Господь съ тобою.

Тобольскъ 1-го Октября 1820.

Всеобщій Нашъ Отецъ да благословитъ Сонюшку всѣми Своими благословеніями! Тебѣ, любезная моя Елисавета, извѣстны были прежде мои мысли о женихѣ ея. Тайное нѣкоторое чувство и все, что ты мнѣ о немъ писала, влекло меня къ нему и ты можешь быть увѣрена, что я буду любить его искренно и душевно.

Понимаю безпорядокъ письма твоего. Но жалѣю не о тебѣ, а о Марьѣ Карловнѣ. Ты все перенесешь, а ей всѣ сіи волненія перенести будетъ трудно. Не думаю, чтобъ тайна ваша долго сохранилась; но если бы ее и узнали: то большой бѣды тутъ не вижу. Жаль, что вы запретили мнѣ говорить о семъ Жоржу; онъ былъ бы симъ обрадованъ. Я часто съ нимъ стороною говорилъ о Николаѣ Васильевичѣ * и всегда находилъ въ

* Поггенполъ.

немъ большое къ нему пристрастіе, разумѣется въ его пользу.

Сонюшкѣ сегодня не пишу въ ожиданіи письма ея и письма отъ Марьи Карловны. Но упрекъ, который Сонюшка себѣ дѣлаетъ, что не ожидала моихъ писемъ, дѣлаетъ честь тонкому ея чувству, въ самомъ же дѣлѣ онъ не имѣетъ никакого основанія: ибо какъ могъ я не одобрить привязанности ея не зная ничего противнаго и видя, что и Марья Карловна ее одобряетъ. Мелкіе расчеты родни ея слишкомъ очевидны, чтобъ можно было на нихъ остановиться. Какъ много должно имѣть чистоты въ душѣ и правильности въ мысляхъ, чтобъ собственные наши виды устранить отъ счастья друзей нашихъ. Непримѣтно привыкаешь смотрѣть на все сквозь собственное стекло свое и думать, что всѣ ошибаются, когда видятъ иначе.

Прощай моя милая; Господь съ тобою.

Тобольскъ 9-го Октября 1820.

Если сердце моей Елисаветы спокойно: то нѣтъ для меня горестей на свѣтѣ. Сіе одно существенно; все прочее исчезнетъ, какъ мечта, какъ призракъ при первомъ нашемъ взглядѣ другъ на друга.

Ты не угадала. Въ числѣ четырехъ лицъ на сценѣ, совсѣмъ не было Ф. Карл. Сіе четыре лица суть ты, Сонюшка и оба Погг. — О Ф. Карл. я думалъ, какъ о добромъ маломъ, каковы почти всѣ они; но никакъ не далѣе и не болѣе. Болѣе сего мнѣ и въ мысль не входило и признаюсь, кажется никогда не войдетъ. Кстати о немъ и о связи родственныхъ чувствъ, мнѣ пришло теперь на умъ одно примѣчаніе. Я не знаю настоящаго тона вашего дома; но въ мое время между мужчинами и женщинами много было короткости (фамильярности); это происходило съ одной стороны отъ

чистоты женскихъ нравовъ, а съ другой отъ того, что привыкнувъ жить всегда въ одномъ семейственномъ кругѣ, они мало по малу теряли тонкость различій, даже и съ посторонними. Всѣ были друзья, а потому всѣхъ они считали и своими братьями, и понеже племянница могла гулять одна съ дядею: то не находили страннымъ, чтобъ гуляла съ нимъ и не племянница. Словомъ не было различія между родствомъ и дружбою. Всѣ сие было въ совершенной невинности; но все сие не могло быть въ совершенномъ приличіи; а свѣтъ повелительно требуетъ *non seulement être, mais paroître*. (*) И сие требованіе тѣмъ нужнѣе примѣчать, что оно различно, само по себѣ часто неправильно и непостоянно, а иногда и глупо, но всегда повелительно. Въ Англіи дѣвица можетъ гулять одна съ молодымъ мужчиною, сидѣть съ нимъ одна въ каретѣ и проч., но молодая женщина совсѣмъ не должна и не можетъ. У насъ совсѣмъ напротивъ: однѣ только замужнія женщины пользуются сею свободою.

(*) Не только внутреннего, но и вѣшняго.

Но къ чему вся сія исторія? — Ни къ чему; одно бѣглое примѣчаніе къ самой отдаленной предосторожности; примѣчаніе почти излишнее для всѣхъ другихъ; но для тебя не бесполезное; ибо въ составъ судьбы нашей съ тобою входитъ та странность, что ты болѣе обязана ко всѣмъ тонкостямъ, ко всей взыскательности самыхъ глупыхъ и стѣснительныхъ приличій, нежели всѣ другія. Это есть слѣдствіе твоего и моего положенія и той всеобщей пытливости, которой можно избѣгнуть, но коей нельзя отразить, ни презреть. Это еще есть жертва, которую ты должна принести моей судьбѣ. Я объясню тебѣ сие однимъ примѣромъ. У васъ зимою могутъ быть катанья. Всѣ дѣвицы могутъ быть въ саняхъ съ мужчинами: ты одна не можешь; ты не можешь быть даже съ Жоржемъ. Ты не можешь нигдѣ носу показывать безъ Марьи Карловны. Даже Сонюшка тебѣ тутъ не защита: ибо нигдѣ не написано, что она тебѣ сестра; а за вами стоитъ ея дядя. Вотъ тиранство. По счастью оно не можетъ быть продолжительно. Со мною придетъ къ тебѣ свобода.

Надежда моя оставить Тобольскъ и Сибирь въ первыхъ числахъ Февраля остается непремѣнна. По счастью ничего я не вижу, что бы могло перемѣнить ее. Жоржъ пишетъ къ своей маменькѣ, чтобъ прислать ему нѣкоторыя математическія книги. Хотя время остающееся здѣсь и коротко: но всё еще мѣсяцъ или два онъ можетъ воспользоваться прекраснымъ своимъ математическимъ учителемъ. Съ Вильде онъ переводитъ съ русскаго на французскій; а подъ моимъ руководствомъ читаетъ по латыни. Все идетъ очень хорошо.

Прощай моя милая; Господь съ тобою.

Тобольскъ 16-го Октября 1820.

Сколько писемъ любезная моя Елисавета и какъ жаль, что они пришли столь поздно. Вдругъ три письма отъ 14-го Іюня, отъ 6-го Іюля и отъ 1-го Іюля. Всѣ они по видимому готовы были съ фельдъегеремъ и потому посланы съ почтою; прошли въ Иркутскъ вмѣстѣ съ Парижскими газетами, тамъ меня не застали, пошли въ слѣдъ за мною на южную Сибирскую линію и наконецъ третьяго только дня пришли ко мнѣ въ Тобольскъ. Всѣ обстоятельства сихъ писемъ по счастью изъяснились уже послѣдующими; жаль только, что въ нихъ вложено 750 р. старыми ассигнаціями, коихъ срокъ и здѣсь давно уже миновалъ. Онъ продолжался не далѣе 1-го Августа; слѣдовательно если бы письма сіи были посланы и всѣ отъ 1-го Іюля: то не успѣли бы уже къ сроку въ Иркутскъ. Деньги

сїи должно считать невозвратно потерянными; я сохраню однако же ихъ у себя на всякій благопрїятный, хотя и маловѣроятный случай.

Сколько ты терпѣла, моя милая Елисавета! Но Господь милостивъ; Онъ вознаградить тебя въ послѣдствїи, если не благами жизни, то сердечными чувствїями, коихъ наслажденіе и вѣрнѣе и насъ достойнѣе.

Обращаюсь къ послѣднему письму твоему отъ 22-го Сентября; я получилъ его 14-го Октября. Прѣжняя твоя подруга—веселость, не знаетъ толку въ людяхъ, когда тебя оставляетъ. Гдѣ ей лучше, какъ съ тобою? Ей такъ пристало быть съ тобою! Кажется вы сдѣланы другъ для друга. И впрочемъ всѣ обстоятельства кажутся, теперь такъ располагаются, чтобъ быть вамъ неразлучными. Это не есть притязаніе на счастье, слово слишкомъ громкое и нарядное. Но ясность души, тихій лунный свѣтъ надежды, сего кажется можно желать и ожидать безъ дерзости и самолюбія. Одна дружба къ сему достаточно. Кто же отторгнетъ отъ меня твое сердце или кто перемѣнитъ мое?

Что бы ни говорила ты объ Италіанскомъ языкѣ: но мнѣ весьма прїятно будетъ тебя на немъ слышать. Я всегда плѣнялся его звучностію; вѣроятно потому, что онъ сходенъ съ Латинскимъ. Онъ не можетъ быть самъ по себѣ бѣденъ; но мысли писателей могли быть и даже должны быть бѣдны. Разумъ тогда только что выходилъ изъ пеленъ; удивительно-ли, что онъ только лепеталъ. То, что имъ казалось превосходно, даже высоко, было ребячество. Столько прїобрѣтеній сдѣлано съ того времени, а безъ познаній мудрено быть краснорѣчивымъ. Я даже увѣренъ, что тотъ же самый языкъ подъ перомъ нынѣшнихъ писателей, если бы Италія еще ихъ имѣла, принялъ бы другой видъ и музыка его не помѣшала бы ему быть глубокимъ. Что бы былъ Шиллеръ если бы онъ обладалъ симъ языкомъ? Я насмотрѣлся на дикую природу; она часто бываетъ поразительна; но можно быть высокимъ и безъ дикости.

14-е Октября (*) былъ у насъ большой праздникъ; у меня былъ большой

(*) День рожденія Е. В. императрицы-матери. С.

обѣдъ а ввечеру данъ былъ въ другомъ отдѣльномъ домѣ маскарадъ. Одна маска поднесла мнѣ букетъ цвѣтовъ и стишки, кои при семъ прилагаю. Послѣ узнали, что эта была одна дѣвица Нѣмка, которая послѣдовала сюда изъ Ревеля съ матерью за вотишимомъ (le beau père), посланнымъ сюда на сихъ дняхъ по извѣстному таможенному дѣлу Роде. Важнѣйшее то, что при семъ случаѣ удалось собрать до $\frac{1}{2}$ рублей въ пользу здѣшнихъ бѣдныхъ. Благотворительное общество прошедшаго году мною здѣсь заведенное, идетъ весьма удачно, несравненно лучше и Томскаго и Иркутскаго.

Руслана (*) я знаю по нѣкоторымъ отрывкамъ. Онъ дѣйствительно имѣетъ замашку и крылья генія. Не отчаявайся; вкусъ придетъ; онъ есть дѣло опыта и упражненія. Самая правильность полета означаетъ тутъ силу и предприимчивость. Я также, какъ и ты замѣтилъ сей метеоръ. Онъ не безъ предвѣщанія для нашей словесности.

Прощай моя милая; Господь съ тобою.

(*) Поэму А. С. Пушкина.

Тобольскъ 23 Октября 1820.

Письмо твое любезная моя Елисавета, послѣднее изъ Маврина отъ 28-го Сентября дошло сюда вчера — распутица. 28-го Сентября у васъ была уже зима, а у насъ и теперь еще ее почти нѣтъ. Тому пять только дней, какъ начались небольшие морозы. Разсуждай послѣ сего о климатахъ.

Исповѣдь! — добро пожаловать; радъ быть духовнымъ твоимъ отцомъ; ты ошибешься, если выберешь другаго; никто не можетъ быть ни правдивѣе, ни снисходительнѣе.

Я былъ вчера съ тобою на вечерѣ у княгини Щербатовой; видѣлъ, какъ медвѣженки одѣтые мальчиками или дѣвочками плясали. Знаю и батюшку и матушку. Сущая правда, что и толстая Матрена и тонкая модница равно несносны въ припадкахъ самолюбія и какъ его ни скрывай, у

него для всѣхъ ослиныя уши. Дѣтей нужно приучать къ свѣту, чтобъ они не были застѣнчивы. Но лучше заставлять ихъ просто играть при людяхъ между собою такъ, чтобъ никто ими и они никѣмъ не занимались, нежели дѣлать изъ нихъ зрѣлище, дѣйствительно, всегда скучное.

Кстати о вечерахъ; не оставляй иногда быть у Вѣры Николаевны (*), дабы показать имъ, что Марья Карловна ничему не мѣшаетъ и не разрываетъ, какъ то имъ кажется, никакихъ дружескихъ связей. — Впрочемъ Сталыпинъ ко мнѣ совсѣмъ почти не пишетъ, да и я къ нему не пишу. Но это ничего не перемѣняетъ въ нашемъ положеніи. Есть разные степени дружбы и каждому можно найти мѣсто и пристроить. Въ дружбѣ есть свои романы, какъ и въ любви; но по симъ романамъ не должно и нельзя поступать въ общежитіи и не должно имѣть химерическаго совершенства. Довольно, если добрыя качества имѣютъ перевѣсъ надъ худыми.

Что дѣлаетъ наша невѣста? Спокойна-ли? Вѣрить-ли своему счастью?

(*) Сталыпиной.

Не худо бы и ей вмѣстѣ съ тобою приняться за Итальянскій языкъ, c'est toujours autant de fait.

Видѣла-ли ты, какъ прославляютъ меня въ газетахъ (въ Петербургскихъ, но не въ Инвалидѣ)? Мнѣ стыдно и жаль, что лгутъ столь нескладно. Не могу довольно надивиться, какъ все сіе печатать дозволяютъ.

И такъ къ тебѣ опять возвратился ребяческій твой нравъ. Увѣряю тебя, что и въ шестьдесятъ лѣтъ онъ тебя не оставитъ, если силою ты его не выгонишь. Это есть печать, которую на извѣстные характеры полагаетъ сама природа; горести могутъ ее затмить но не изгладить, проглянетъ солнце надежда — и печать тутъ. Я первый ее въ тебѣ примѣтилъ, для другихъ и теперь еще это тайна; они не знаютъ къ чему отнести все это, что есть въ характерѣ твоёмъ пріятнаго; а это *candeur*; это не есть откровенность *franchise*, ни пристота *simplicité*, ни то, что называютъ *naïveté*, хотя часто смѣшиваютъ одно съ другимъ (собственно говоря ты не имѣешь *naïveté*). Это есть нѣчто невыражаемое на словахъ; но въ природѣ это можно отличить и указать. Я бы на-

звалъ это *близною права*: ибо и въ самомъ дѣлѣ *sandeur* по нашему означаетъ близну. Даръ безцѣнный, источникъ тонкой, глубокой, внутренней чистоты и невинности, тихихъ удовольствій и кроткаго веселонравія. Дѣти всѣ почти имѣютъ сей даръ; но у кого онъ не глубоко на сердцѣ положенъ, тотъ теряетъ его скоро. Рѣдкіе сохраняютъ. Но я знаю примѣры, что сохраняютъ до глубокой старости. Я его совсѣмъ не имѣю. У тебя онъ отъ матери.

Прощай, моя милая; Господь съ тобою.

Тобольскъ 29 Октября 1820.

Здравствуй, любимица счастья! Надобно имѣть много здраваго разума, чтобъ тебѣ, любезная моя Елисавета, назвать себя симъ именемъ. И однако же это справедливо; но справедливо въ такомъ смыслѣ и въ такомъ образѣ мыслей, который не многіе понять могутъ. Столько-то внѣшнее можетъ быть въ противоположности съ внутреннимъ; столь высокъ и независимъ духъ человѣческій; столь мнѣнія наши разнятся съ перемѣною точки зрѣнія. Дай Богъ, моя милая, чтобъ сей образъ мыслей былъ всегда твоимъ. Онъ совершенно справедливъ и всегда будетъ ангеломъ-хранителемъ твоего счастья. Пропasti, къ коей судьба тебя подвела, я не совсѣмъ вѣрю и думаю, что это была не пропасть, а просто небольшой ровъ или яма; искушеніе, опытъ знакомства съ собственнымъ своимъ сред-

Сегодня только наконец у нас зима стала. Жорж мнѣ сказывалъ, изъ твоего письма, что Елисавета Карловна осталась жить на дачѣ. Что значитъ это уединеніе: я боюсь за нее и за дѣтей ея.

Зять Мылникова, Неупокоевъ, мнѣ знакомъ. Онъ не глупъ и говоритъ умѣть. Онъ былъ въ числѣ притѣсненныхъ и слѣдовательно мнѣ пріятель.

Прощай, моя милая, Господь съ
тобою. Тысячу поклоновъ милой мамѣ.

1. **ВВЕДЕНИЕ**
 2. **ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ**
 3. **ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ**
 4. **МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ**
 5. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ**
 6. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ**
 7. **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ**
 8. **ПРИЛОЖЕНИЯ**
 9. **УКАЗАТЕЛЬ**
 10. **СЛОВАРЬ**
 11. **ПРИМЕЧАНИЯ**
 12. **ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ**
 13. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 14. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 15. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 16. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 17. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 18. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 19. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 20. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 21. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 22. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 23. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 24. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 25. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 26. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 27. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 28. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 29. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 30. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 31. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 32. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 33. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 34. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 35. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 36. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 37. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 38. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 39. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 40. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 41. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 42. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 43. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 44. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 45. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 46. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 47. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 48. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 49. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 50. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 51. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 52. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 53. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 54. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 55. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 56. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 57. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 58. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 59. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 60. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 61. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 62. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 63. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 64. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 65. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 66. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 67. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 68. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 69. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 70. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 71. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 72. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 73. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 74. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 75. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 76. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 77. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 78. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 79. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 80. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 81. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 82. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 83. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 84. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 85. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 86. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 87. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 88. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 89. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 90. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 91. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 92. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 93. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 94. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 95. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 96. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 97. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 98. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 99. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**
 100. **ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА**

Мы съ тобою, любезная моя Елисавета, столько пережили страховъ, что не могу я страшиться простуднаго твоего припадка. Мерцъ и Марья Карловна одни пусть трусятъ; это ихъ дѣло.

Изъ Пензы я получаю письма почти въ 12 дней. Тамъ худой урожай и деревня наша на сей годъ не дастъ и третьей части дохода. Самые богачи тамошніе вздыхаютъ и перестаютъ курить вино. Это впрочемъ пройдетъ; надобно только умѣть перенести: ибо тамъ рѣдко неурожай бываетъ два года сряду. Дядюшка твой Кузьма хочетъ служить въ Пензѣ; такъ она ему понравилась и такъ худо понимаетъ онъ свое положеніе. Впрочемъ если въ самомъ дѣлѣ здоровье его поправилось, или поправиться можетъ: то нѣтъ большой трудности тамъ его пристроить.

Вотъ одинъ изъ тѣхъ дней, когда писать кажется нечего и какъ ни тяни, мысли не развиваются. Прощай, моя милая; Господь съ тобою.

Тобольскъ 13-го Ноября 1820.

Почта еще не пришла; но въ замѣнъ того сегодня явился ко мнѣ Бутацъ съ твоими письмами отъ 16-го го Іюля. Предсказаніе твое совершилось; я не только ему улыбнулся: но нашелъ въ лицѣ его пріятность; таково очарованіе твоихъ писемъ или лучше сказать такъ цвѣтъ нашихъ идей отражается обыкновенно на всѣхъ предметы

Но вотъ и почта; вотъ и письмо отъ 22 Октября. Слѣдовательно всѣ дѣла наши въ порядкѣ; ты здорова: ибо ничего не говоришь о твоей простудѣ, а я веселъ и безъ заботы о тебѣ на цѣлую недѣлю.

Предчувствіе твое не сбудется; никогда не будешь ты мнѣ причиною горестей, да и никогда не бывала; что я разлученъ съ тобою, это вина обстоятельствъ; что забочусь о тебѣ, это вина моя, вина маловѣрія, не-

достатокъ преданности къ Промыслу, остатокъ того прирожденнаго намъ чувства, по коему мы считаемъ, что собственная наша дѣятельность всё лучше бы расположила и что мы самому Богу въ судьбахъ Его весьма нужны.—Глупость!

Слѣдовательно умѣй только быть счастлива, умѣй молиться и быть ребенкомъ Промысла и будь увѣрена въ совершенномъ моемъ счастіи.

Я получилъ съ Бутацомъ письмо Марьи Карловны и твои счѣты. Денегъ вышло дѣйствительно много; но что же дѣлать? Ничего, кажется, нѣтъ расточительнаго; впрочемъ все сіе мы устроимъ лучше, когда будемъ вмѣстѣ.

Марья Карловна пишетъ о библіотекѣ. Дѣло не совсѣмъ несбыточное; но его, какъ и множество другихъ дѣлъ должно отложить до свиданія. Тѣмъ или другимъ образомъ я найду способъ устроить сію библіотеку.

Прощай моя милая; Господь съ тобою.

Тобольскъ 20-го Ноября 1820.

И тебѣ предсказывалъ, любезная моя Елисавета, что слава стиховъ твоихъ промчится до предѣловъ міра. Англія есть средоточіе всѣхъ сообщеній; слѣдовательно чрезъ годъ, чрезъ два имя твое извѣстно будетъ и въ Америкѣ, о коей очень много писала классическаго извѣстная miss Smith. Съ твоими стихами дѣлается то же, что съ моими мыслями; ихъ печатаютъ на всѣхъ Европейскихъ языкахъ.

Я получилъ твои платки. Благодаренъ тебѣ и Сонюшкѣ за трудъ: въ нихъ одинъ недостатокъ; слишкомъ тонки, жаль ихъ употреблять. Едва ли не пожертвую имъ табакомъ, единственнымъ моимъ тираномъ.

Кто этотъ Львовъ? Сынъ ли Львова или братъ жены его *). Одного изъ

*) Здѣсь идетъ рѣчь объ Алексѣѣ Теодоровичѣ Львовѣ извѣстномъ знатокѣ музыки

нихъ я помню. Если сынъ: то это наслѣдственный даръ. Вечера ваши дѣйствительно должны быть пріятны; не завидую имъ потому, что и самъ не отчаиваюсь скоро ими наслаждаться. Какое рѣдкое положеніе: три почти года не слышать ни одной ноты. Прибавь къ сему ни одного почти умнаго слова; три года ни разу съ удовольствіемъ не смѣяться. Что же значать всѣ посты отшельниковъ? И все это надѣюсь не сдѣлало ни одной лишней на лбу моемъ морщины; доказательство, что можно жить не одною жизнію, но различными и что въ счастіи и въ несчастіи внутреннее расположеніе духа есть истинный талисманъ.

Прощай, моя милая, Господь съ тобою.

Тобольскъ 27 Ноября 1820.

Трудно, любезная моя Елисавета, опредѣлить, какимъ образомъ можно быть авторомъ въ корсетѣ. Признаюсь, мнѣ всегда было смѣшно, когда я воображалъ себѣ M-me Stael сидящею за большимъ бюро и за кипой бумагъ. Тутъ есть какое-то противорѣчіе, которое изъяснить трудно, но нельзя его не чувствовать. Все, что можно женщинамъ позволить, это есть быть M-me Sévigné; это ихъ родъ, *pas plus ultra* женскаго генія; изрѣдка можно написать и пѣсенку и стихи; но всё не болѣе одного полустрочка.

Словесность Европейская вообще еще въ младенчествѣ: ибо въ ней много еще механическаго. Мы всё притворяемся; всё вырабатываемъ вещи легкія. Истинная словесность должна быть вдохновеніе. Совершенство ея есть не писать, но говорить

краснорѣчиво. Въ Греціи она уже почти доходила до сего степени. Стихотворцы истинные тамъ пѣли свои стихи. Итальянскіе импровизаторы въ новѣйшихъ временахъ даютъ нѣкоторую идею о семъ тихомъ, продолжительномъ восторженіи ума и воображенія. Музыка есть душа поэзіи и слѣдовательно наши стихотворцы еще не поэты. Ихъ скорѣе можно назвать живописцами.

Вотъ тебѣ отвѣтъ на споръ твой съ NN. Жоржъ показывалъ мнѣ стихи его. Не дай Богъ тебѣ имѣть такихъ Петрарковъ.

Весьма радъ, что ты была у графини Кочубей; хоть изрѣдка, но должно ее посѣщать. Въ искренней ихъ дружбѣ я не могу имѣть ни малѣйшаго сомнѣнія; друзей же надобно любить такъ, какъ Богъ ихъ создалъ, а не такъ, какъ бы мы имѣть ихъ желали.

Прощай моя милая; Господь съ тобою.

83.
Тобольскъ 3-го Декабря 1820.

Еслибъ я менѣ имѣлъ довѣрія къ Промыслу и къ здоровому твоему смыслу: то письмо твое показалось бы мнѣ грознымъ. Ты грозишь себѣ какими то горестями, предвѣщаешь, что мнѣ будетъ, за что бранить тебя. — Увѣрю тебя, что это одно воображеніе. Богъ милосердъ; Онъ не попуститъ, чтобъ страдалъ я въ тебѣ: ибо сей родъ страданія едва-ли не будетъ выше силъ моихъ. Содержи только сердце твое въ свободѣ; а за умъ твой я тебѣ отвѣчаю. Омраченія его не могутъ быть, какъ только мгновенны; одно слово можетъ ихъ рассыпать. Не похищай только у Провидѣнія Его плановъ. Не дѣлай никакого важнаго шагу впередъ; не связывай ни ума твоего, ни сердца; и будь увѣрена, что никогда чело-вѣкъ не можетъ быть слабѣе, нежели онъ самъ быть хочетъ. Здѣсь-то

сила вѣры и если сила сія не управляетъ нашими поступками, и самыми внутренними побужденіями: то она есть пустой предлогъ, пустое слово. Ты изъ сего видишь, что я беру назадъ ту свободу, которую тому шесть мѣсяцовъ тебѣ давалъ; но обстоятельства различны. Я окруженъ былъ тогда страхомъ и неизвѣстностію; теперь разлуку мою съ тобою я считаю не годами и не мѣсяцами, но недѣлями и почти днями.

Весьма радъ, что ты рекомендовала Петра Петровича NN-у; но вотъ все, что должно было для него сдѣлать и на семъ должно остановиться. Въ письмѣ ко мнѣ онъ предъявляетъ разныя притязанія; я поручаю его Аркадію Алексѣвичу. Лучше, чтобъ онъ къ нему, нежели къ тебѣ относился. Скажи только ему, что онъ найдетъ всѣ его аттестаты у Аркадія Алексѣвича, къ коему вмѣстѣ съ симъ я ихъ посылаю. Аркадій Алексѣичъ вручитъ тебѣ также и деньги, о коихъ ты писала. Я посылаю къ нему пакетъ всѣхъ сихъ бумагъ не съ почтою, но по случаю.

Весьма умно, что ты готовишь подарокъ нашей невѣстѣ. Хотя вы не

множко и поразстроили планы моихъ финансовъ; но я надѣюсь, что буду еще въ состояніи принять нѣкоторое участіе въ ея приданомъ

Прощай моя милая; Господь съ тобою

84.

Тобольскъ 11-го Декабря 1820.

Предъидущее письмо мое есть почти отвѣтъ, любезная моя Елисавета, на настоящее. Новый знакъ предчувствія. Въ поступкѣ Запольской есть нѣчто не деликатное. Герой ея не виноватъ, что онъ имѣетъ чинъ; при достоинствахъ это простить можно; но онъ виноватъ и самъ себя обличилъ въ грубости чувствъ, вздумавъ рѣшить выборъ свой по одному взгляду. Кого же онъ тутъ избираетъ?—Не тебя конечно; но или меня или предполагаемое у тебя богатство. Вотъ чего Запольская не умѣла себѣ изъяснить. Впрочемъ выборъ его легко быть могъ слѣдствіемъ похвалъ, кои она тебѣ заочно воспѣвала. Часто браки рѣшались симъ образомъ и вотъ почему мы видимъ столько много уродливыхъ браковъ (*). За-

(*) Примѣтила-ли ты, что люди посредственные не только живутъ чужимъ умомъ, но даже чувствуютъ чужими чувствами. С.

польская ведетъ дѣло сіе, какъ обыкновенно они идутъ въ свѣтъ; отъ нее нельзя болѣе и требовать. Для нее участь генеральши есть самая блистательная. По крайней мѣрѣ тутъ можно извинить усердіе. Но Зейдель неизвинителенъ. Скажи ему, что я вызову его на поединокъ, если онъ осмѣлится любить тебя.

Всѣ сіи непріятности суть слѣдствіе того круга, въ коемъ ты живешь; онъ всѣмъ открытъ и всѣмъ кажется приступенъ. Утѣшаюсь только тѣмъ, что все сіе должно скоро перемѣниться и повторю прежнее: содержи сердце свое въ свободѣ; не дѣлай никакого выбора: ибо ты стоишь въ самомъ невыгодномъ положеніи, чтобъ сдѣлать его безошибочно. Время еще не ушло и спѣшить я не вижу никакой нужды. У меня есть множество идей, кои должно сообщить тебѣ. Ты знаешь, что я прежде никогда не говорилъ съ тобою о сихъ предметахъ: ибо считалъ сіе неблаговременнымъ. Вотъ почему нужно намъ прежде все сіе разобрать и уложить вмѣстѣ: ибо что бы ни говорили; но самая пламенная любовь зависитъ отъ идеала и въ правильномъ составленіи

сего идеала состоитъ все дѣло. Можно утвердительно сказать, что каждый предметъ любви знакомъ намъ былъ прежде. Мы образъ его нашли уже въ душѣ своей и человѣкъ тутъ есть только подлинникъ сего образа. Тутъ двѣ ошибки быть могутъ. Ошибка въ образѣ и ошибка въ приложеніи его къ человѣку. Сколько слезъ пролито отъ сихъ двухъ ошибокъ; какія ужасныя они имѣли послѣдствія.

Изъ сего ты можешь видѣть, сколь обширенъ, почти неограниченъ твой выборъ. Никакая мысль любочестія, а еще менѣе мысль богатства не смѣетъ прикоснуться къ понятіямъ моимъ о твоёмъ счастьи. Я бы желалъ чтобъ ты тутъ забыла даже собственное мое счастье, если забыть и раздѣлить его можно. Таково было содержаніе и прежнихъ моихъ писемъ. Бросаю всѣ сіи черты почти съ сожалѣніемъ; они безобразятъ только мои мысли не выражая ихъ ни малѣйшей части. Тутъ надобенъ голосъ и взглядъ: они только могутъ изображать душу.

Прощай, моя милая; Господь съ тобою.

Тобольскъ 18-го Декабря 1820.

Теперь остается одного желать для бѣдной Елисаветы Карловны — смерти и если и на сей разъ предчувствіе мое справедливо: то или ее нѣтъ уже на свѣтѣ, или скоро она его оставитъ. Можно быть увѣреннымъ въ ея счастіи; она заплатила здѣть дань свою и Всемилосердый приметъ сію измученную, кроткую душу въ Свои объятія. Исторія ея жизни весьма поучительна; она всегда была жертвою.

Живо представляю себѣ ваши домашнія смятенія и что бы ты ни говорила, не могу быть спокойнымъ. Большая школа терпѣнія; но я боюсь, чтобъ оно не истощилось. Все упованіе мое на милость Господа. Онъ не попуститъ, чтобъ послѣ столь долговременной и жестокой разлуки нашелъ я умъ твой омраченнымъ или сердце не свободнымъ. Не имѣй никакого личнаго сношенія съ боль-

ною; я бы желалъ тебя отъ нее спрятать. — Тутъ всѣ благопристойности могутъ быть нарушены. Они и безъ того уже много страдаютъ; но перемѣнить нечѣмъ.

Слѣдовательно Баумъ банкротъ. Вотъ какъ почти обыкновенно кончаются ихъ скорыя пріобрѣтенія. Самый худой и опасный промыслъ, самый неразборчивый и безразсудный бракъ; но они были жертвою своихъ обстоятельствъ, желали можетъ быть поддержать падающій домъ, быть подпорою отцу и матери. Не справедливо-ли послѣ сего, чтобъ они получили свой вѣнецъ въ будущемъ лучшемъ мірѣ.

Прощай моя милая; Господь съ тобою. Ему единому тебя поручаю.

— Гдѣ же вы живете? —
 — Въ Петербургѣ, въ
 — Въ какомъ мѣстѣ?
 — Въ мѣстѣ, гдѣ много
 — Много чужихъ?
 — Много чужихъ.

86.
 Тобольскъ 25 Декабря 1820.

Христосъ рождается, любезная моя Елисавета; да рождается Онъ въ насъ; да освѣщаетъ тайнымъ Своимъ присутствіемъ умъ твой и сердце; да устрояется царство Его на земли такъ, какъ нѣкогда оно устроилось на небеси. Какъ малы, какъ странны и смѣшны представляются намъ съ сей высоты всѣ настоящія наши заботы, радости и безпокойствія. Они могли бы и нынѣ таковыми намъ казаться, если бы мы умѣли держать себя всегда въ молитвѣ, которая одна возвышаетъ душу и отрѣшаетъ ее отъ міра. Письмо твое отъ 3-го Декабря много меня успокоило; но жизнь Елисаветы К. мнѣ кажется все еще въ опасности. Чахотка есть почти обыкновенное слѣдствіе сего рода болѣзней. У нихъ же она нѣсколько и природная.

Я всегда вамъ твердилъ о Мерцѣ. Вы мнѣ не вѣрили — мало-ли кто мнѣ не вѣрилъ и послѣ раскаялся. Мы медики издавна другъ друга видимъ. Не удивляюсь чудсамъ, которыя онъ производитъ. Онъ первый докторъ въ Петербургѣ да можетъ быть не послѣдній былъ бы и въ Европѣ, если бы умѣлъ казаться.

Прощай моя милая, Господь съ тобою.

87.

Тобольскъ 1-го Января 1821.

Начинаю новый годъ бесѣдою съ тобою, любезная моя Елисавета и не могу начать его лучше. Желаю тебѣ, мой другъ, не новаго счастья, но новаго благословенія, приумноженія благодати свыше. Желаю, чтобъ проходя путь жизни, ты легкою ногою касалася земли, помнила бы всегда, что ты идешь, возвращаешься въ отечество; что все встрѣчающееся съ тобою на пути, собственно для тебя, есть чуждое и постороннее, предметъ любопытства и наблюденія, изученіе языка, коимъ говорить ты будешь въ вѣчности. Есть Евангельская притча о бѣлыхъ дѣвахъ, кои идучи во срѣтеніе жениха, не взяли съ собою масла. Я не знаю ничего точнѣ сего изображенія. Мы всѣ живемъ въ родѣ сумасшествія. Знаемъ, что должно будетъ явиться въ вѣчности, должно къ сему готовиться и въ тѣнномъ тѣлѣ

изъ свитка червей составленномъ, слагать и возвращать другое тѣло, тѣло духовное (сіе есть елей), которое одно можетъ горѣть и свѣтить въ вѣчности и безъ коего мы тамъ окружены будемъ сырымъ холоднымъ мракомъ; знаемъ все сіе болѣе или менѣе, и каждый день только собираемся готовиться; время проходить въ сихъ сборахъ, часъ бѣетъ и ничего не сдѣлано. Ступай въ тьму кромѣшную! А музыка, а книги, а народы, а надежды, а привязанности? — все прошло, все точить червь. Тутъ спрашиваютъ сердца чистаго и тѣла свѣтлаго. Ступай во тьму, или начинай, бѣлая дѣва, новую жизнь, новую науку, новыя бѣдствія, вновь покупай елей—купишь несравненно дороже—возвратишься опять ко дверямъ жениха, но двери, можетъ быть, найдешь уже затворенными; бытіе міра кончилось и тебѣ скажутъ съ другими: не вѣмъ васъ.

Мнѣ кончилось сегодня пятьдесятъ лѣтъ. По общему счету жизнь довольно долговременная—а готовъ-ли я?—Все упованіе мое на одно милосердіе Божіе. Одно достовѣрно, что собственно для себя я не привязанъ къ міру;

но слишкомъ много привязанъ къ твоему счастью и по странному противорѣчю чего не желаю себѣ, того желаю тебѣ. Вотъ тонкая игра самолюбія. Но Господь разсыплетъ сіе обольщеніе. Онъ дастъ мнѣ силы видѣть тебя даже и несчастною и не роптать, если для вѣчности твоей сіе будетъ нужно, если Ему угодно. Молись!

Чтобъ новый годъ не оставить тебя безъ подарка — прими вмѣсто подарка вѣсть, что съ сего дня остается мнѣ написать къ тебѣ еще только три письма и болѣе уже не писать.

Твоя Черницына составила ложную спекуляцію. Она вообразила, что я уже въ Петербургѣ, что въ милостяхъ, что во всемогуществѣ и раздаю всѣмъ пенсіоны; а чтобъ не опоздать: то она рѣшилась писать въ Тобольскъ — а ей совсѣмъ пенсіонъ и не слѣдуетъ ни по службѣ мужа, ни по какимъ уваженіямъ. Дѣло другое милостыня; такъ и проси просто милостыни. Остерегись сихъ раннихъ слёзъ; ты не можешь знать ихъ источника, а между тѣмъ пройдетъ слухъ, что ты даешь уже обѣщанія; ты чувствуешь, какое употребленіе

могутъ изъ сего сдѣлать мои пріатели. Сверхъ того, я не знаю, извѣстно-ли тебѣ, что я никакого не имѣлъ и не имѣю вкуса выпрашивать милости, считаю ихъ даже вредными. Помогать нищимъ изъ своего кармана, это дѣло другое; но ходить за симъ въ чужой карманъ, никогда не будетъ моимъ промысломъ. Если бы служба состояла въ сихъ мѣлкихъ частныхъ чувствительностяхъ: то я не гоюсь для службы. Дѣло другое поправить несправедливость; вступить за слабого противъ сильнаго. Тутъ я поспорю съ самимъ Донъ-Кихотомъ, и готовъ принять тебя моимъ Санхою.

Прощай, моя милая, Господь съ тобою

Тобольскъ 8-го Генв. 1821.

Я радъ, любезная Елисавета, что сношенія твои съ тетушкою остались въ прежнемъ положеніи. Она имѣетъ много добраго смысла въ умѣ, и много мужества въ сердцѣ. Въ Москвѣ я останавлиюсь въ ихъ домѣ и она будетъ первая, которая мнѣ расскажетъ о тебѣ. Но что разскажъ противъ личнаго свиданія? Я же привыкъ видѣть всѣ вещи съ такой точки зрѣнія, которая не можетъ быть общею. Всѣ тетушки и всѣ свахи на свѣтѣ перемѣнить сего не могутъ: ибо это основано на свойствахъ души моей.

Признаюсь, и я радъ, что концертъ твой кончился и у меня за три тысячи верстъ сердце билось. Слава Богу, что все прошло благополучно.

Я получилъ при письмѣ твоёмъ письмо Коля и рисунокъ *Rhododendron*. Не знаю, удастся ли мнѣ сыскать его въ Иркутскѣ. Пишу *по до-*

рою и въ Камчатку. — Какъ жаль, что ты не Причудница и что нѣтъ у тебя крестной матери, которая бы туда слетала (*). Безъ нее отвѣта на мое письмо нельзя ожидать прежде февраля 1822-го года. Въ замѣну я привезу Колю другія сего рода рѣдкости.

Прощай моя милая; Господь съ тобою.

Мнѣ осталось написать къ тебѣ еще только два письма а тамъ и последнее! Между тѣмъ позвольте Елисавета Михайловна старому вашему учителю сдѣлать одно примѣчаніе. Ты пишешь *la mariée est trop belle*; а пословица гласитъ: *la marée est trop belle*. А что такое *la marée* справься въ лексиконѣ; это морской приливъ; а вмѣстѣ морская рыба, которую лакомые Парижане прямо и каждый день свѣжую получаютъ изъ Діепа. Виновать! Но не ты одна въ этомъ ошибаешься. Покойная твоя бабушка, помнится, дѣлала ту же самую погрѣшность; но ее поправить, оборони Боже. Ты видишь, что это тебѣ досталось по наслѣдству.

(*) Намекъ на извѣстную стихотворную сказку И. И. Дмитриева.

Тобольскъ 15-го Генв. 1821.

Не пѣняй и не сердись, любезная моя Елисавета, на тетушекъ и уважь болѣе ихъ побужденія, нежели поступки. Мнѣніе ихъ о видахъ Марьи Карловны есть мнѣніе довольно общее; твое положеніе въ семь домѣ подало къ сему поводъ; никто не обязанъ такъ знать твою маменьку, какъ знаешь ты и я. Всѣ другіе изъясняютъ ее по вѣжливости; неправильно; но для нихъ вѣроятно. Прежде тетушекъ я получилъ о семь четыре письма и ни одного отъ Сталыпина. По симъ-то письмамъ и по соображенію ихъ съ твоими писалъ я тебѣ держать сердце на свободѣ, отнималъ у тебя, или по крайней мѣрѣ хотѣлъ отнять на время право выбора. Ты видишь, что и я былъ въ тетушкахъ съ тѣмъ только различіемъ, что я относилъ происшествія къ истинной ихъ причинѣ, къ тебѣ, а не

къ ней. Успокойся, никогда подозревать ее я не стану: ибо знаю ея душу, и вмѣстѣ знаю, что нельзя никому водить тебя за носъ, кромѣ однако же *NB* тебя самой. Несравненно чаще мы обманываемся, нежели бываемъ обмануты. Еще повторяю тоже, что и прежде писалъ, ты въ самомъ невыгодномъ положеніи, чтобъ сдѣлать въ семь родѣ основательный выборъ. Весьма многое тебѣ неизвѣстно и не можетъ быть извѣстно; одинъ я могу истолковать тебѣ истинное значеніе многихъ лицъ и обстоятельствъ, кои тебѣ представляются совсѣмъ въ другомъ видѣ. Терпи и молись; по счастью теперь виденъ уже твоему терпѣнію конецъ.

Третьяго дня былъ у меня большой обѣдъ въ день Елисаветы. Послѣдній обѣдъ въ Сибири—слово послѣдній есть магическое. Къ нему относятся и имъ приправляются всѣ непріятности. Прощай моя милая, Господь съ тобою.

Жоржъ тебѣ кланяется, но не цѣлуетъ да и тебѣ цѣловать его запрещаетъ: ибо онъ считаетъ себя мужчиною; усы его даютъ ему на сіе право. Прекрасный характеръ; отличная душа.

Тобольскъ 22 Января 1821.

Не знаю, любезная Елисавета, не огорчило-ли тебя предъидущее письмо мое; но ты будешь большая дура, если вздумаешь въ немъ искать болѣе, нежели что я хотѣлъ сказать. Я не имѣю никакихъ и ни противъ кого предубѣжденій; мысли мои о тебѣ, о будущемъ твоёмъ, совершенно свободны и независимы ни отъ какихъ вѣншихъ уваженій. Тѣмъ болѣе я имѣю надежды видѣть ясно въ твоихъ обстоятельствахъ и судить о нихъ съ безпристрастіемъ.

Чѣмъ ближе къ разлукѣ съ Сибирью: тѣмъ болѣе дѣла. Молись Богу, чтобъ стало глазъ моихъ и терпѣнія. Бѣдный Жоржъ также очень занятъ; но это для него полезно.

Прощай моя милая; Господь съ тобою. — Правда твоя, что чѣмъ ближе къ свиданію: тѣмъ скупѣе на письмо. Жаль безобразить свои мысли и чувства на столь неблагодарномъ инструментѣ, каково бѣдное наше свинцовое письмо.

Тобольскъ 28-го Января 1821.

Письмо сіе, любезная моя Елисавета, должно бы было быть послѣднее; но оно только *предпослѣднее*. Я полагаю оставить Тобольскъ именно 1-го Февраля; но дѣла удержать меня здѣсь до 6-го; но далѣе 6-го ничто уже не удержать. По сему расчету я еще могу писать къ тебѣ въ будущую субботу; а въ воскресенье утромъ считай меня въ повозкѣ и въ полномъ походѣ. О домѣ напишу къ тебѣ изъ Пензы, или изъ Москвы. Никакой нѣтъ нужды нанимать этажъ въ нашемъ домѣ. На первый разъ я остаюся и долженъ остановиться въ трактирѣ; а потомъ мы посмотримъ и рѣшимся. Со мною пріѣдетъ довольно большая канцелярія, которую необходимо должно будетъ помѣстить въ томъ же домѣ, или по близости. Все сіе не можетъ быть улажено за глазами.

Успокойся. Никакія тетушки ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ на меня не подѣйствуютъ. Душа твоя и нравъ твой для меня по крайней мѣрѣ никогда тайною не будутъ; а ихъ тайна мнѣ также извѣстна: это мелкія расчеты тщеславія, суетности и самолюбія.

Прощай, моя милая; Господь съ тобою.

Тобольскъ 5-го Февраля 1821.

Вотъ наконецъ давно желанное *последнее* письмо къ тебѣ изъ Сибири. Послѣ завтра я Сибирь оставляю. Въ среду буду уже я въ Россіи, въ одной съ тобою части свѣта, по сю-сторону Рифейскихъ горъ, въ Европѣ. Мысли мои толпятся безъ порядка; я могу только обнять число ихъ, но не могу ни одной изобразить раздѣльно. Молись—мнѣ нужна твоя молитва болѣе еще въ радости, нежели въ печали, чтобъ взглядомъ недовѣрія или излишнихъ надеждъ не изурочить счастья, не оскорбить Провидѣнія ко всему снисходительнаго, кромѣ гордости.

Ничего не перемѣняю въ планѣ моего путешествія. По всѣмъ расчетамъ буду я въ Пензѣ около 25-го Февраля и слѣдовательно около 10-го Марта въ Москвѣ и слѣдовательно, какое прекрасное послѣдствіе, около по-

ловины или 20-го Марта съ тобою. Изъ Москвы къ тебѣ напишу и можетъ быть назначу тебѣ встрѣчу въ Царскомъ Селѣ. На первой разъ я непременно долженъ остановиться въ трактирѣ; сего требуютъ разныя приличія.

Молись и прощай! Господь съ тобою. Болѣе ко мнѣ не пиши развѣ въ Москву; но и то подъ кувертомъ тетюшки.

Пенза 1-го Марта 1821.

Пишу къ тебѣ, любезная моя Елисавета, на томъ самомъ столѣ, изъ той самой комнаты, гдѣ писалъ тому два года. — Писалъ о надеждѣ свиданія, которое тогда казалось столь близкимъ и вдругъ стало столь далекимъ. Такъ угодно было Богу. Съ сей точки зрѣнія всѣ происшествія двухъ лѣтъ моего странствованія кажутся мечтою. Да будетъ сія жестокая мечта послѣднею въ моей и твоей жизни.

Я пріѣхалъ сюда 24-го Февраля. Усталъ; встрѣченъ не только съ радостію, но можно сказать, торжественно. Весь городъ пришелъ въ движеніе. Живу въ толпѣ непрестанно меня окружающей и отъ усталости чуть переношу всѣ изъясненія участія и приверженности. Что сдѣлалъ я для сихъ людей? — Ничего почти кромѣ

желанія быть имъ полезнымъ—желанія впрочемъ большею частию безплоднаго.

Отсюда отправляюсь въ Москву 6-го сего мѣсяца на Тамбовъ и Рязань. Надѣюсь тамъ быть 14-го и тотчасъ по приѣздѣ буду къ тебѣ писать. Здоровье мое по счастью мнѣ не измѣняетъ: ибо усталость не болѣзнь. Привезу къ тебѣ множество усердныхъ воспоминаній, и платье вышитое у Дуровой.

Дядюшку твоего я нашелъ въ горестномъ положеніи; онъ имѣлъ несчастіе вывихнуть себѣ ногу и къ сему несчастію присоединилось другое, а именно: ее худо вправили и совсѣмъ тѣмъ онъ веселъ. Я устрою его здѣсь какъ можно лучше и покойнѣе.

Деревенскія наши дѣла я нашелъ въ порядкѣ; но доходовъ менѣе, нежели ожидалъ. Здѣсь всѣ разоряются дешевизною хлѣба. Надѣюсь однако же, что съ умѣренностію можно намъ будетъ жить безъ нужды.

Не могу опредѣлить съ точностію дня моего отъѣзда изъ Москвы, но ты легко повѣришь, что каждый лишній день безъ тебя, будетъ для меня жер-

твою. Вообще намѣреніе мое есть остаться въ Москвѣ сколь можно менѣе. Григорья Даниловича я здѣсь не засталъ. Всѣ Сталыпины въ Москвѣ.

Я видѣлъ твою Катиньку Ховрину. Она вся благодарность и кротость. Мать стала къ ней благосклоннѣе съ тѣхъ поръ, какъ поссорилась съ сыномъ.

Писемъ твоихъ ожидаю въ Москвѣ. Молю Бога, чтобъ наказалъ меня чѣмъ-нибудь другимъ, кромѣ разлуки съ тобою. Христосъ да будетъ съ тобою.

Жоржъ здоровъ и вамъ кланяется; всѣ узнали въ немъ здѣсь его маменьку.

Москва 16-го Марта 1821.

Москва! и семь сотъ только верстъ разстоянія отъ мой Елисаветы. Легко понять все, что въ сей мысли есть для меня радостнаго. Я пріѣхалъ сюда третьяго дня и завтра поутру рано уѣзжаю. Въ обыкновенное время чрезъ три дни я былъ бы уже съ тобою; но по настоящей распутицѣ не смѣю надѣяться сего счастья прежде 25-го сего мѣсяца. Да будетъ день Благовѣщенія благою для насъ вѣстію. Во всѣхъ случаяхъ увѣдомлю тебя изъ Царскаго Села, гдѣ полагаю на день остановиться, чтобъ отдохнуть и пріискать въ Петербургѣ квартиру. Я долженъ пристать непременно въ трактиръ по крайней мѣрѣ дня на три или на недѣлю.

Я получилъ сегодня два письма твои отъ Вѣры Яковлевны *. Отъ

* Сталыпиной.

спазмъ твоихъ у меня есть вѣрное лекарство, если только это спазмы. Богъ милостивъ.

Сейчасъ отправляюсь къ Вѣрѣ Яковлевнѣ на свиданіе. Прощай моя милая. Господь съ тобою.

17-го Марта Четвертокъ.

Восемь часовъ утра и чрезъ часъ я отправляюсь. Дорога ужасная; но Господь милостивъ; дней чрезъ семь я съ тобою.